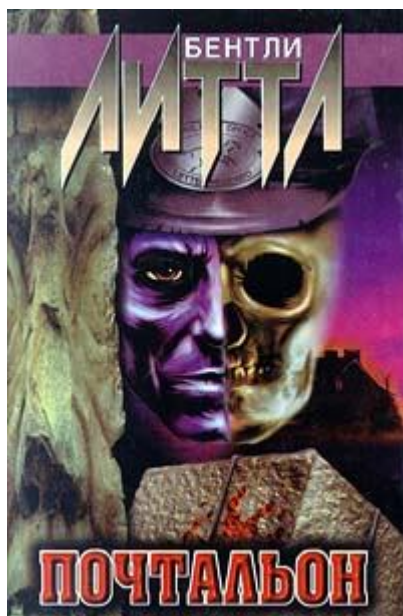

Бентли Литтл Почтальон

Посвящается Венди

Особая благодарность

Доминику Эйблу, моему агенту – еще раз. Киту Нейлсону – за советы, за критику, за его осведомленность во всех темных, мрачных, ужасных аспектах жизни, больших и малых. Дону Кэннону, превосходному книготорговцу. Джеффу Титсу – выдающемуся фотографу. И моей семье – за их проблемы с почтовым ведомством.

1

Был первый день лета. Первый день свободы.

Дуг Элбин, стоя на крыльце, разглядывал сосны на вершинах холмов, окружающих город.

Если быть точным, календарное лето началось три недели назад. Да и первым днем свободы можно было считать прошлую субботу. Но сейчас наконец-то наступил первый понедельник после окончания занятий в школе, и Дуг, наслаждаясь пейзажем, испытывал полное блаженство. Глубоко вздохнув, он ощутил запахи сосны, бекона, меда и жареных пирожков – смешанные запахи завтрака и леса. Запахи утра.

На улице было прохладно, дул ветерок, но он знал, что это продлится недолго. На небе ни облачка, и днем температура наверняка поднимется градусов до тридцати. Дуг оглядел горизонт.

Вдали лениво парил коршун, вычерчивая широкие плавные круги, как бы отдаляясь от намеченной цели. Над гребнем холма из-за деревьев от одинокого костра тянулась ввысь тонкая струйка дыма. Ближе можно было различить бурную деятельность мелкой живности – кроликов, белок, порхающих колибри и перепелок.

Сегодня он встал, как обычно по будням – с рассветом, но однако ощущение неизбежно надвигающегося рабочего дня, которое так омрачало утренние часы, отсутствовало. Ему не надо спешить одеваться, торопливо завтракать, проглядывая заголовки газет. Впереди целый день, и временем можно распоряжаться по своему усмотрению.

Услышав щелчок замка. Дуг обернулся. В приоткрытую дверь высунулась голова Триш.

– Что ты хочешь на завтрак?

– Ничего, – улыбнулся Дуг, бросив взгляд на взлохмаченные волосы и сонное лицо

жены. – Я не голоден. Иди лучше ко мне.

– Нет, – зевнула она. – Слишком холодно. Все-таки, что тебе приготовить? Нельзя же не завтракать, если у тебя начались каникулы. Завтрак – это...

– Самая важная еда дня, – закончил он ее фразу. – Я знаю.

– Ну, что ты будешь? Гренки с молоком? Вафли?

Дуг потянул носом, вдыхая запахи, доносящиеся из соседних домов.

– Яичницу. С беконом.

– Дробленую овсянку. И пшеничные тосты.

Хватит поглощать холестерин.

– А зачем тогда спрашивать?

– Это был тест. И ты его не прошел. – Триш прикрыла сетчатую дверь. – Когда закончишь общаться с природой, возвращайся в дом. И прикрой поплотнее дверь. Утро холодное.

– Совсем даже не холодное, – усмехнулся он.

Жена ушла, и Дуг продолжил разглядывать скалистые склоны горного хребта, поросшие соснами. Тонкая струйка дыма стала гуще, но из-за ветра быстро таяла в голубом небе. Он еще раз вздохнул полной грудью, наслаждаясь летом и великолепным ощущением свободы. Но что-то уже изменилось. Ветер донес какой-то смутно знакомый горько-сладкий запах, который непонятно почему ассоциировался с чувством утраты.

Настроение упало. Дуг отвернулся и направился в дом. Над головой пролетела колибри и юркнула в гнездо над кухонным окном.

Триш уже занималась завтраком. Она деловито нарезала тонкие ломтики хлеба домашней выпечки, собираясь пожарить тосты. Судя по тому, что на столе стояла открытая картонная коробка с овсяными хлопьями, угроза дробленки миновала. Еще с порога Дуг заметил большой кувшин с апельсиновым соком и уверенно направился прямо к нему. Триш подняла голову.

– Иди будить Билли.

– Лето, – возразил Дуг. – Пусть парень спит, сколько хочет. У него же каникулы.

– Я не хочу, чтобы он валялся в кровати весь день.

– Весь день? Сейчас только половина седьмого!

– Все равно ему пора вставать, – повторила жена и опять погрузилась в процесс нарезания большой буханки на тонкие ломтики равной величины.

Дуг, нарочито громко топая ногами, поднялся на второй этаж, надеясь, что сын проснется от звука шагов. Однако Билли безмятежно спал.

В изголовье кровати из-под простыни торчали его ноги, а голова покоилась на подушке в противоположном краю. Дуг направился к мальчику, переступая через разбросанные по всему ковру брюки, рубашку, носки, трусы. В щель между зелеными гардинами пробивалось солнце; яркие лучи высвечивали расклеенные на дощатых стенах плакаты с портретами рок-звезд и знаменитых спортсменов.

– Эй, дружище! – Дуг потянул на себя простыню. – Пора вставать.

Билли что-то пробормотал и потащил простыню обратно, норовя укрыться с головой. Но Дуг не сдавался.

– Проснись и пой!

– Который час?

– Почти девять.

Один глаз приоткрылся и исследовал циферблат часов, висящих над кроватью.

– Только шесть! Отстань от меня! – Билли снова потянул на себя простыню, на сей раз более агрессивно.

– На самом деле без четверти семь. Самое время просыпаться.

– Ну ладно, встаю. Отвяжись.

Дуг улыбнулся. В этом смысле Билли точная копия своей матери. Сонная Триш напоминала медведя – угрюма, необщительна, молчалива.

Сам же он – полная противоположность. В колледже его сосед по комнате говорил, что Дуг по утрам «отвратительно жизнерадостен». Годы семейной жизни выработали у них с Триш привычку как минимум полчаса после вставания не попадаться друг другу на глаза.

Дуг вернул Билли его простыню и, хотя мальчишка тут же закутался в нее с головой,

решил, что тот уже проснулся и скоро спустится вниз.

Бросив еще раз «вставай-вставай» и не услышав ответа, он спустился на первый этаж и под сел к отделанному «формайкой» кухонному столу, за которым они обычно завтракали.

Триш обернулась, продолжая помешивать овсянку.

– Какие у тебя на сегодня планы?

– У меня лето, – усмехнулся Дуг. – У меня нет никаких планов.

– Именно этого я и боялась, – рассмеялась жена. Выключив огонь на плите, она подошла к буфету, чтобы достать три чашки. – Кажется, ты собирался разбудить сына.

– Он встает.

– Я не слышу сверху ни единого звука.

– Сходить еще раз?

– Я сама, – покачала головой Триш и подошла к лестнице. – Пора завтракать! – повысив голос и, как показалось Дугу, с некоторым раздражением сообщила она. – Завтрак готов!

Спустя мгновение послышалось шлепанье босых ног, а еще через пару минут Билли спустился вниз.

* * *

После завтрака Триш решила поработать в саду. Билли досмотрел по телевизору «Тудэй-шоу», потом взял велосипед и отправился на тренировку. В конце июля в городе проводились соревнования по велокроссу, и он хотел принять в них участие.

– Осторожнее, – крикнул Дуг сыну, удаляющемуся по грязной тропинке, петляющей между деревьями и яростно накручивающему педали. Но Билли либо не слышал, либо не собирался следовать его советам, во всяком случае отклика не последовало.

– Не нравится мне, когда он так гоняет, – проговорила Триш, разогнувшись над грядкой.

– Ничего страшного.

– Как это, ничего страшного? Вполне может сломать себе руку или ногу. Не стоит тебе его поощрять.

– Я и не поощряю.

– Да перестань! – усмехнулась жена. – Разве я не вижу, как из тебя прет мужская гордость, когда он уносится в заросли?

– В заросли?

– Ладно, господин учитель, у нас лето, и хватит учить!

– Кто умеет учить – тот учит! – усмехнулся Дуг.

Триш, шутливо показав ему язык, вернулась к прерванному занятию.

Дуг зашел в гостиную, выключил телевизор и задумался. Сегодня на утро он запланировал несколько дел. Прежде чем перейти к настоящему безделью, надо было просмотреть корреспонденцию, которая накопилась за последние две недели, пока шли экзамены. Он хотел устроить себе неделю полноценного отдыха, а уж потом приступить к глобальному проекту нынешнего лета – постройке сарая. Три года подряд он обещал Триш построить за домом сарай, чтобы хранить там инструменты, дрова и всякие хозяйственные мелочи, но до строительства руки у него так и не доходили. В этом году Дуг решил преодолеть себя и даже закупил необходимые материалы. Однако прежде он хотел недельку побездельничать, расслабиться и просто почитать книжки. Учитывая его неумение обращаться с инструментами и патологическое отвращение к ручному труду, постройка сарая, теоретически рассчитанная на одну-две недели, вполне могла растянуться на целое лето.

Дуг прошел через кухню, небольшой холл и оказался в спальне. Письменный стол стоял напротив кровати с латунными набалдашниками, в крайне непривлекательном соседстве с дверью туалета. На столе горой были навалены книги и журналы, тут же пылилась незакрытая пишущая машинка. Дуг уселся в металлическое кресло цвета сливочного мороженого, которое пришлось купить вместо деревянного, сдвинул в сторону все ненужное и бегло оглядел стопку писем. Счета, счета, счета. Письмо от бывшего ученика, служащего в армии.

Заявка на грант.

Взяв в руки желтый конверт, он некоторое время тупо смотрел на него. Заявка на грант от

федеральной программы, которая предполагала предоставление годичного оплачиваемого отпуска преподавателям разных дисциплин для проведения самостоятельных научных исследований. Исследованиями он заниматься не собирался, ему просто очень хотелось немного передохнуть. А для этого надо было как можно убедительнее составить текст. Дуг думал, что отослал заявку еще месяц назад, но, оказывается, ошибся. Он посмотрел на дату последнего срока отправки заявок.

Седьмое июня.

Пять дней назад.

Он чертыхнулся, вложил заявку в конверт, надписал его и приклеил марку, после чего встал и вышел на улицу.

– Что это? – поинтересовалась жена.

– Моя заявка на грант. Забыл отправить.

– Кто умеет учить – тот учит, – с усмешкой пропела Триш.

– Очень смешно.

Дуг прошел по дорожке, посыпанной гравием, к почтовому ящику, вложил внутрь конверт и поднял красный флажок. Ронда приедет за почтой примерно в полдень. К четырем он вернется в городское почтовое отделение. В Фениксе письмо окажется завтра утром, а еще через два-три дня – в Вашингтоне. Вероятно, он опоздал, но попытка – не пытка.

Дуг отправился в дом, чтобы разобраться со счетами.

* * *

На ленч Дуг и Трития решили перекусить сэндвичами на веранде (Билли забрал еду в дом – по телевизору повторяли «Энди Гриффина».) Жары еще не было, поэтому они решили не раскрывать над столом зонт и в полной мере наслаждались солнышком. Потом Дуг помыл посуду, и они устроились в матерчатых шезлонгах, собираясь немного почитать.

Прошел целый час, но Дуг так и не смог расслабиться. Он постоянно отрывался от книжки, прислушиваясь, не донесется ли со стороны дороги кашляющий звук мотора старой побитой машины Ронды, и думал о том, что заявка его валяется в почтовом ящике вместо того, чтобы лежать на столе ответственного чиновника в Вашингтоне.

– Почты еще не было? – на всякий случай спросил он Триш.

– По-моему, нет.

– Черт.

Дуг понимал, что совершенно незачем делать из старины Ронды козла отпущения, поскольку письмо с заявкой на грант не отправил он сам и исключительно по собственной глупости, тем не менее необязательность почтальона раздражала. Ну где его черти носят? Дуг снова попробовал углубиться в книгу, но вскоре понял, что читает одно и то же место по несколько раз. Он откинулся в шезлонге и прикрыл глаза. Через некоторое время Триш встала и ушла в дом. Послышался приглушенный шум воды на кухне. Очевидно, жена захотела пить.

Но знакомого кашляющего шума мотора старой машины все не было.

Триш вернулась, шлепая босыми ногами по деревянному полу. Дуг приоткрыл глаза. Видимо, что-то случилось. Боб Ронда всегда приезжал около одиннадцати, в крайнем случае – не позже двенадцати. Почтальон любил поговорить, и зачастую останавливался поболтать с клиентами, тем не менее исполнял он свои обязанности безупречно. Каждый год его ежедневный маршрут усложнялся – все новые семьи приезжали в Виллис на время отпусков, однако Ронда каким-то образом ухитрялся и поговорить, и доставить почту, и завершить все свои дела к четырем часам, как обычно. Он работал почтальоном уже двадцать лет, о чем рассказывал каждому, кто хотел его выслушать. Когда-то Виллис был таким крошечным, что почтальон мог работать всего на полставки. Теперь Ронда носил фирменную фуражку почтового ведомства, хотя по-прежнему предпочитал джинсы «Левис», ковбойские рубашки, и оставался верен своему старенькому помятому голубому «доджу». Были известны случаи, когда он доставлял почту, даже будучи больным. Дуг не мог припомнить, чтобы Ронда когда-нибудь опоздал с доставкой.

До сегодняшнего дня.

Он бросил взгляд на часы. Два пятнадцать.

– Поеду-ка я в город и отправлю письмо на почте, – проговорил он, вставая. – Не могу больше ждать. Если эта ерунда не придет вовремя, я погиб.

– Не надо было тянуть так долго.

– Я знаю. Но мне казалось, что я его давно отправил.

– Мне все равно ехать в город, давай заодно и письмо отправлю, – предложила Триш, вставая и одергивая шорты, прилипшие к вспотевшим ягодицам.

– Зачем тебе ехать в город?

– За ужином! Вчера забыла купить кое-что из продуктов.

– Давай я съезжу.

– Нет, ты оставайся и отдыхай, – она покачала головой. – Потому что завтра ты будешь красить веранду.

– Я?

– А кто же еще?! Ладно, иди носи письмо. Я пока обуюсь и разберусь с купонами.

Хмыкнув, Дуг направился к почтовому ящику. Забрав конверт, он вернулся в дом. Триш задернула шторы, пытаясь спастись от послеполуденного солнца. На небольшом столике рядом с вешалкой работал вентилятор. Его корпус, повернутый под прямым углом, создавал поток ветра по левой стене между печкой и книжным шкафом, где на диване перед телевизором развалился Билли. Показывали «Флинтстоунов».

– Выключи! – воскликнул Дуг. – Почему нужно весь день сидеть у телевизора?

– Это «Флинтстоуны», – возразил сын. – А кроме того, сейчас лето. Что мне еще делать? Читать?

– Было бы неплохо.

– Никто не читает ради удовольствия.

– Мы с мамой читаем.

– А я нет.

– Почему?

– Я читаю только по необходимости. Этого достаточно.

– Когда фильм закончится, я выключу телевизор, – покачал головой Дуг. – Постарайся найти себе другое занятие.

– Ладно, – недовольно буркнул Билли.

Триш вышла из спальни в темных очках, с сумочкой через плечо и ключами в руке. Она нарядилась в новые белые шорты и тонкую белую блузку-матроску. Ее длинные каштановые волосы были собраны в «конский хвост».

– Ну, что скажешь? – проговорила она, поворачиваясь, как манекенщица. – Похожа на Сьюзен Сент-Джеймс?

– Вылитая Эйб Вигода! – откликнулся Дуг.

Триш толкнула его в плечо.

– Больно!

– Так и предполагалось. Нам что-нибудь нужно, кроме молока, хлеба и еды на ужин? – проговорила она, забирая со столика листок с перечнем покупок.

– Коку! – тут же откликнулся Билли.

– Посмотрим, – ответила мать, пряча список в сумку.

Дуг легко прикоснулся губами к ее щеке.

– Хорошо. Спасибо.

– Завтра будешь красить, не забудь!

– Завтра буду красить, – согласился он.

Трития вывела свой «форд» модели «бронко» на подъездную дорожку, развернулась и покатила к шоссе, ведущему в город. В салоне автомобиля работал кондиционер. Первые секунды воздух казался затхлым, сырым, но скоро стал приносить настоящую прохладу и свежесть.

Между деревьями, посаженными вдоль дороги, просвечивали дома соседей. Грунтовка поднималась по склону холма, потом ныряла вниз, к ручью. С уверенностью местного жителя Триш, не снижая скорости, пересекла неглубокий поток. Шины «бронко» взметнули стены

брызг.

Постепенно грунтовая дорога перешла в асфальт. У первого перекрестка Триш снизила скорость. Она была довольна, что наступило лето, что Дуг закончил работу, но нынче она собиралась внести несколько изменений в привычный распорядок жизни. Она поступала так каждый год. Да, разумеется, он в отпуске, и это хорошо, но ей тоже необходим отпуск, хотя, к сожалению, нельзя взять отпуск от обязанностей матери и домашней хозяйки. Это круглогодичная, круглосуточная работа. Если пустить все на самотек, Дуг может все лето проваляться с книжкой в руках, абсолютно ничем не занимаясь. Ей приходилось напоминать ему, что пища, которую он ест, должна быть приготовлена, а тарелки после еды должны быть вымыты, что дом требует постоянного внимания и сам по себе ремонтироваться не умеет. От Дуга не требовалось быть матерью. Но он мог хотя бы частично взять на себя заботы по хозяйству – пылесосить, мыть посуду, убирать двор.

На Триш все равно лежала львиная доля работы, и было бы замечательно ее с кем-нибудь поделить.

Трасса делала поворот у стоянки трейлеров и выходила на главное шоссе. Триш включила указатель поворота и свернула налево. Город ей показался более тихим, чем обычно. На автостоянке Бэйлеса стояло всего несколько машин. По шоссе в основном катили автофургоны туристов, направляющихся отдохнуть на озера или возвращающихся оттуда. Но обычной суеты второй половины понедельника – рабочего дня – не было и в помине. Триш проехала мимо станции «Эксон», развернулась на кольце "К", выехала на Пайн-стрит и подрулила к зданию почты.

Обычно на почте было многолюдно, и сегодняшний день не стал исключением. Небольшую автостоянку заполнили старенькие легковушки, пыльные пикапы. Триш показалось, что нынче народу значительно больше. Машины стояли даже вдоль улицы.

Не желая стоять в длинной очереди, Триш проехала чуть дальше и вырулила на стоянку у офиса местного мануальщика. Поставив машину под раскидистой сосной, она перешагнула через невысокий кирпичный заборчик, отделявший территорию дома от почтового отделения. Триш обратила внимание на мачту перед темно-кирпичным фасадом: американский государственный и флаг штата Аризона оказались приспущены. Она попыталась вспомнить, кто из знаменитостей скончался в этот день, но не смогла.

Может, скончался какой-нибудь важный человек, а она еще ничего не слышала?

Триш поднялась по ступенькам и толкнула массивную дверь. Кондиционер с водяным испарителем немного понижал температуру внутри помещения, но значительно увеличивал влажность. Длинная очередь тянулась от приемного окошка через всю комнату и заканчивалась в соседнем холле, где располагались индивидуальные боксы для корреспонденции. За стойкой работал сам Ховард Кроуэлл, почтмейстер. Трития мгновенно обратила внимание на черную траурную повязку у него на рукаве.

В животе моментально образовался холодный комок. Инстинктивная, неосознанная реакция.

Она заняла очередь за Грэйди Дэниэлсом, который едва ли не первый раз в своей жизни стоял абсолютно молча и неподвижно.

– Жаль, – со слезами в голосе проговорил он. – Чертовски жаль.

– Кто?

– Ронда.

– Что случилось?

– Вы не слышали?

Она покачала головой.

Грэйди понизил голос.

– Вышиб себе мозги нынче утром. Из дробовика.

– Следующий, – оцепенело произнес почтмейстер, поднимая взгляд на очередного клиента.

Пока продвигалась очередь, Трития не сводила глаз с Ховарда. Судя по красным, опухшим векам и горящим щекам, почтмейстера глубоко потрясла эта трагедия. Его обычно громогласный голос превратился в едва различимый шепот; пальцы, наклеивающие марки и

отсчитывающие сдачу, дрожали. Боб Ронда не был просто его сотрудником. Он был его ближайшим другом. Каждую субботу их можно было увидеть в «Коралле» наслаждающимися под стаканчик-другой кантри-музыкой «Первопроходцев Тонто» и обсуждающими мировые проблемы. Жена Ховарда сбежала два года назад, хотя бедняга продолжал настойчиво твердить, что она уехала в Тусон ухаживать за больной матерью. С тех пор они с Рондой стали «не разлей вода». Элен, жена Ронды, частенько жаловалась, что муж больше времени проводит с Ховардом, чем с ней.

Очередь тем временем продолжала двигаться. Они с Грэйди уже подошли к самому окошку.

– Следующий, – пригласил почтмейстер.

– Я хотел бы забрать свою корреспонденцию, – проговорил Грэйди.

В глаза Тритии бросилось объявление: «Почта будет доставляться по понедельникам, средам и пятницам до появления нового почтальона. Отделение временно работает по вторникам и четвергам. Прошу прощения за неудобства».

Рядом висело извещение о смерти Боба Ронды.

– Скоро вы наймете нового почтальона? – полюбопытствовал Грэйди.

– Я не собираюсь никого нанимать, – ответил почтмейстер. – Это забота главного отделения в Фениксе. Раз в год они открывают вакансии и приглашают людей. Значит, кого-нибудь пришлют. Я звонил им сегодня утром и сделал заявку, но до тех пор, пока кто-нибудь появится, может пройти несколько недель.

– Чертовски жаль Боба, – продолжал Грэйди. – Чертовски жаль.

Ховард молча кивнул.

Грэйди забрал свою почту, помахал рукой на прощание, и Трития подошла к окошку.

– Как вы себя чувствуете, Ховард? – проговорила она, участливо взяв его за руку.

– Как могу, – почтмейстер пожал плечами.

– Я только что услышала. Прямо в голове не укладывается.

– Да.

– Мне казалось. Боб... Ну, то есть совершенно ничего не предвещало...

– Об этом я и твержу весь день. Не могу поверить, что он убил себя. В подобных случаях все так говорят, но обычно есть хоть какие-то причины. Развод, или жена умерла, или с работы выгнали... А тут ничего! Я заходил к нему вчера вечером, мы вдвоем с Элен замечательно поужинали, побеседовали... Все было нормально. Боб совсем не выглядел подавленным. Не веселее обычного, но и не грустнее, не более разговорчив, но и не молчалив... Я не заметил ничего странного.

И с Элен он не ссорился, потому что когда они ссорились, мы с ним обычно не сидели дома, а уходили ужинать в город. – Он покачал головой, опустил глаза, потом усилием воли снова посмотрел на Триш и попытался улыбнуться. На искаженном страданием лице улыбка показалась страшной. – Ну ладно, чем я могу служить?

– Хотела отправить письмо и купить марок.

– Марок купить, – повторил Ховард, открыл ящик стола и выложил перед ней несколько листов.

Она расплатилась и легонько сжала ему руку.

– Если вам что-нибудь потребуется – звоните. В любое время.

– Спасибо, – кивнул он.

Триш отошла от стойки.

– Следующий, – послышался за ее спиной сдавленный голос.

2

Похороны были многолюдными. Почти весь город знал Боба Ронду, и почти все его любили. Кладбище было забито до отказа; опоздавшие теснились за чугунными воротами и стояли на склоне небольшого холма. Боба никто не называл бы усердным прихожанином, поэтому Элен решила провести церемонию отпевания прямо у могилы. На ней было простое черное платье. Она стояла рядом с пастором, низко склонив голову. Пальцы правой руки

безотчетно комкали влажный носовой платок. Говорили, что она чуть не сошла с ума, обнаружив труп мужа. Она кричала, громила все в доме, рвала на себе одежду, и доктору Робертсу пришлось всадить в нее лошадиную дозу успокоительного.

Глядя на ее скорбную фигуру, Дуг вполне в это верил.

Из уважения к чувствам родственников газетное сообщение о самоубийстве почтальона было кратким, но в маленьких городках вроде Виллиса новости распространяются от соседа к соседу, что гораздо быстрее и эффективнее, чем по каналам прессы, и к середине вчерашнего дня все уже знали мельчайшие подробности происшествия. Скорее всего Боб Ронда проснулся раньше жены, сходил в гараж за заранее припасенным дробовиком, вернулся в дом и зашел в ванную комнату. Там он разделся, лег в ванну, вставил ствол в рот и спустил курок.

Окровавленные мозги забрызгали весь кафель.

Но когда Элен обнаружила труп, все уже стекло в ванну.

Ронда не оставил ни строчки.

Существовало еще несколько версий этой истории. По одной из них, в которую Дуг не верил. Боб сел верхом на ружье, воткнул ствол себе в задницу и вышиб все внутренности. По другой – направил ствол в глазницу, выдавил глаз и спустил курок. Но эти байки умерли почти тотчас же, как появились на свет, и ко дню похорон осталась лишь первая версия.

Билли буквально шокировало самоубийство почтальона. У него были живы все бабушки и дедушки, у него никогда не умирали домашние животные. Это оказалось его первое реальное столкновение со смертью. Он тоже очень любил Ронду, как и большинство детей Виллиса, и известие о том, что почтальон покончил с собой, потрясло его. Два дня он вел себя тихо и очень послушно, выглядел подавленным и необычно грустным. Дуг с Триш долго думали, брать ли его с собой на кладбище, и в конце концов решили не брать, рассудив, что весь вид траурной церемонии и гроба может нанести ребенку слишком серьезную психологическую травму.

На день похорон они пригласили для сына специальную сиделку. По возвращении они планировали рассказать ему, как все происходило, чтобы мальчик осознал, что случилось.

Священник, стоя перед закрытым гробом, читал отрывки из Библии. Он тактично не упоминал причину смерти почтальона, делая акцент на положительных качествах характера Боба, говорил о том, какая это тяжелая потеря и для семьи, и для всего общества.

Дуг слушал слова священника, но чувствовал, что мысли уходят в сторону. Ему было грустно, но грусть могла быть сильнее. И слова, которые он слышал, и собственные воспоминания могли бы сильнее затронуть его сердце.

Чего не хватало в словах священника, так это размышлений о душе покойного Ронды. Многие из присутствующих на кладбище, те, кто знал и по-настоящему любил почтальона, сказали бы прощальную речь гораздо сердечнее. Бармен из «Коралла», к примеру. Или Джордж Рили.

Или Ховард Кроуэлл.

Дуг скользнул взглядом по толпе. Почтмейстер стоял рядом с семьей Ронды. Он не скрывал своих слез. На нем был новый черный костюм, купленный специально для этого события. Казалось, он вслушивается в каждое слово священника, а взгляд его не отрывался от гроба.

В следующий миг Дуг нахмурился. Из-за плеча Ховарда выглядывал незнакомец в светло-голубой униформе почтового ведомства, которая резко выделялась на фоне темных траурных одежд остальных присутствующих. Высокий и худощавый, с копной ярко-рыжих волос, он стоял, уставившись куда-то в пространство и откровенно скучал. Расстояние было слишком большим, чтобы Дуг разглядел выражение лица незнакомца, но в его позе сквозили надменность и презрение к окружающим, даже в самой посадке головы.

Мужчина лениво повернулся и посмотрел на священника. Начищенные пуговицы форменной куртки ярко сверкнули на солнце. Большинству людей униформа придает значительность, даже некое благородство, но в данном случае можно было говорить скорее о клоунаде, насмешке, опошляющей траурную церемонию.

Мужчина опять повернулся и скользнул взглядом по толпе. Дугу показалось, что смотрят именно на него. Это было отвратительное ощущение. Он быстро перевел взгляд на Ховарда.

Глаза Тритии тоже приковывал почтмейстер. Она пристально смотрела на мокрое от слез

потрясенное лицо Ховарда, а незнакомца словно не замечала. Ховард выглядел таким потерянным, таким несчастным, таким беспомощным. «Надо будет как-нибудь пригласить его в гости», – подумала она. Вероятно, половина города обратится к Ховарду с подобными приглашениями, но Триш знала о его особом к ним отношении и надеялась, что ей удастся немного приободрить почтмейстера.

Потом она перевела взгляд на Элен Ронду, которая стояла рядом со священником. К жене почтальона Триш никогда не испытывала симпатий. Элен всегда вела себя слишком жестко, слишком напряженно, слишком заботилась о престиже Боба, в то время как почтальон был само дружелюбие и безмятежность. Тем не менее Элен очень любила мужа. Даже сейчас, несмотря на лошадиную дозу транквилизаторов, лицо ее выражало неподдельное горе. Да, такую утрату очень нелегко пережить. Сердце Тритии разрывалось от сочувствия к вдове; на глазах выступили слезы, которых до сих пор не было.

А над головой сияло голубое небо. К десяти утра солнце припекало уже вовсю. С кладбищенского холма был виден почти весь город. За невысоким зданием Торговой палаты и корпусом «Вэлли Нейшнл» виднелась грязно-голубая стена дешевого ресторана для автомобилистов; между грузовиками и деревьями просматривались магазинчики. Чуть поодаль, в новом квартале, пестрели яркие табло бензозаправочных станций и вывески закусочных. А ближе, сразу за лугом, который отделял кладбище от территорий гольф-клуба, находился деловой центр города со зданиями местной газеты, библиотеки, баров и полицейского участка, удобно расположенных бок о бок, и, конечно, почтового отделения.

Почтовое отделение.

Трития почувствовала, что не может взглянуть в ту сторону. Почта казалась осиротевшей, почти покинутой, хотя закрылась всего на сутки. Она вытерла глаза и сосредоточилась на словах священника. Взгляд упал на темно-красный деревянный гроб. Гладкий и округлый, он, казалось, был выточен из полированного камня. Трития решила, что семейству Ронды столь дорогой гроб явно не по средствам, а страховка от почтового ведомства явно не предполагала подобных расходов.

Надо будет узнать, начал ли кто-то из горожан собирать деньги, чтобы покрыть все траты.

Если нет, она сама этим займется. Жене и детям почтальона предстоят трудные времена. Надо пережить боль потери и собраться с силами, чтобы как-то жить дальше... Хорошо, если некоторое время они будут избавлены от решения материальных проблем.

– Мир праху его, – возвестил священник.

Трития с Дугом переглянулись и крепко взялись за руки.

– Аминь.

Элен и мальчики подошли к гробу. Снова послышались всхлипы и рыдания. Негромко гудел мотор устройства, опускающего гроб в могилу.

Из города не доносилось ни звука. Практически все население в этот момент находилось здесь, на кладбище.

Элен нагнулась, взяла горсть земли и прижала руку к губам. Прошептав что-то, она вдруг согнулась, упала на колени и начала молотить кулаками по земле, причитая в голос. Один из сыновей бросился поднимать ее, другой нашептывал в ухо что-то успокаивающее. Доктор Робертс уже спешил к ним на помощь. Большинство присутствующих отвели глаза. Дуг обратил внимание, что только новый почтальон в упор уставился на убитую горем вдову. Причем он раскачивался с пятки на носок, словно получал от этого зрелища невыразимое наслаждение.

Спустя несколько секунд все закончилось.

Доктор крепко держал Элен под руку. Она стояла прямо, словно оцепенев. Сыновья бросили символические горсти земли на крышку гроба.

Священник произнес последнюю молитву.

Затем все присутствующие стали по очереди подходить к семье покойного, чтобы выразить соболезнование. После эмоционального срыва Элен снова обмякла, и сыновья с трудом поддерживали ее с обеих сторон. Тут же стояли священник, доктор и Ховард. А рядом с почтмейстером, всего в одном шаге от этого непроизвольно образовавшегося крута, продолжал топтаться незнакомец. Подойдя ближе, Дуг смог получше разглядеть его – маленький острый

нос, колючие голубые глазки, твердо очерченный рот.

Трития взяла Элен за руки.

– Вы сильная, – проговорила она. – Вы справитесь. Поначалу кажется, что боль останется навсегда, но она постепенно начнет проходить. Вы справитесь. Только не надо спешить. Постепенно, день за днем, понемножку начинайте жить своей жизнью. Боб наверняка хотел именно этого.

Элен молча кивнула.

Трития взглянула на ее сыновей.

– Следите за матерью. Заботьтесь о ней.

– Конечно, миссис Элбин, – откликнулся Джей, старший.

Дуг не мог найти слов, которые звучали бы не банально и не поверхностно. Впрочем, слова в таких ситуациях особого значения не имеют.

– Мне очень жаль, – проговорил он просто, прикоснувшись на мгновение к руке Элен. – Мы все очень любили Боба. Нам его будет не хватать.

– Это верно, – согласилась стоящая рядом Марта Кемп.

Трития в это время заговорила с Ховардом, повторяя простые слова сочувствия. Потом крепко обняла его. Дуг подошел к ним и положил руку на плечо пожилого почтмейстера.

– Он был моим лучшим другом, – заговорил Ховард, вытирая глаза ладонью. – Обычно лучшими считаются друзья детства, люди, с которыми ты вырос. Нечасто потом удается найти такого же близкого человека.

Трития, понимая, кивнул". Дуг взял ее за руку – Я уже по нему скучаю, – добавил Ховард.

– Мы понимаем, – откликнулся Дуг.

– Спасибо, – с трудом улыбнулся почтмейстер. – И спасибо за то, что позвонили вчера, и за открыточку. Спасибо, что слушаете ненормального сентиментального старика.

– Ничуть вы не ненормальный, – возразила Трития. – И совсем не старик. И разве плохо быть сентиментальным?

Ховард взглянул Дугу в лицо.

– Береги ее. Она добрая.

– Я знаю, – улыбнулся Дуг.

– Мы хотели бы пригласить вас к себе на этой неделе, – обратилась Трития к почтмейстеру и посмотрела ему прямо в глаза. Ее тон не допускал отказа. – Приготовлю чего-нибудь вкусненькое, согласны?

– Согласен.

– Обещаете?

– Обещаю.

– Вот и хорошо. Значит, до встречи. Если не позвоните – мы сами вам будем звонить. И увильнуть не надейтесь.

Ховард кивнул и двинулся к выходу. Человека в голубой форме он так и не представил, но Дуг уже понял, что его прислали на место Ронды. Новый почтальон протянул бледную руку, которую Дуг пожал без особого желания.

Ладонь незнакомца оказалась теплой, почти горячей, и абсолютно сухой. Он улыбнулся, показав полоску белых зубов.

– Приятный денек, – произнес он низким, хорошо поставленным, почти мелодичным голосом. В его тоне можно было уловить скрытую насмешку, которая еще сильнее подчеркивала бесчувственное легкомыслие этой фразы.

Дуг промолчал. Не обращая больше на него внимания, он обнял за талию Триш и вместе с остальными горожанами начал спускаться к автостоянке. Уже открывая дверцу машины, он обернулся. Новый почтальон почти на голову возвышался над окружающими. С такого расстояния никто не сказал бы наверняка, но Дуг был почти уверен, что мужчина следит за ним.

И кажется, он по-прежнему улыбался.

Билли сказал миссис Хартли, что хочет пойти поиграть, но обещал оставаться в пределах слышимости. Миссис Хартли предупредила, что родители могут вернуться в любой момент, и ей не хочется выслушивать упреки по поводу того, что она плохо следит за ребенком.

Билли сказал, что будет в своем форте, который располагается прямо за домом, и прибежит немедленно, как только услышит машину родителей.

Миссис Хартли вполне удовлетворилась.

Форт действительно находился среди деревьев за домом, но ни из одного окна его нельзя было рассмотреть. Они с Лейном Чэпменом соорудили это убежище прошлым летом из материалов, оставшихся после постройки летнего коттеджа. Коттедж возводила бригада отца Лейна, который и выдавал им мало-помалу столбы, доски два на четыре и даже немного цемента – вполне достаточно, чтобы соорудить основу из двух помещений. В течение всего лета они собирали недостающие доски, потом отделявали и обставляли комнаты внутри, и в конце концов форт получился просто замечательным. Даже лучше, чем они думали. Фасад и боковые стенки были закамouflированы ветками сумаха и толокнянки; задняя стена упиралась в дерево. Вход они придумали сделать сверху. Сначала надо было взобраться на дерево и оказаться на крыше, затем потянуть за веревку, привязанную к потайному люку. Ни лестницы, ни ступенек они не предусмотрели, но прыгнуть можно было вполне безопасно.

Большую комнату они украсили всяким хламом, который нашли на помойках, – обложками старых альбомов, бамбуковыми палками, рамой от картины, велосипедным колесом... Лейн добавил украденный дорожный знак – «кирпич», – который подарил ему другой приятель за право появляться в таком классном месте. Другая комната, которую они называли штабом, была поменьше, зато в ней на полу лежал драный ковер, тоже раздобытый на свалке. Здесь они обычно рассматривали журналы «Плейбой», которые выуживали из пачек старых бумаг и газет, приготовленных для отправки на переработку.

Кратчайшим путем мальчик пошел вокруг дома. Можно было созвониться с Лейном и назначить ему встречу в форте, но сегодня Билли хотелось побыть одному. Он ощущал странное чувство печали и одиночества. И хотя это чувство особого удовольствия не доставляло, от него вовсе не хотелось побыстрее избавиться.

Бывают переживания, которые должны пройти сами по себе. Их надо осмыслить, с ними надо сжиться, дать им волю. Его чувство оказалось как раз из таких.

Кроме того, в компании с Лейном не избежать болтовни. Парень тараторил просто без умолку. Билли не знал никого, кто сравнился бы с ним в этом деле. Иногда это было неплохо, но иногда – неприемлемо. Во всяком случае сегодня у Билли отсутствовало всякое желание поддерживать разговор.

Тем не менее, отчетливое ощущение предательства не покидало его. Первый раз в жизни он отправился в форт без Лейна, и это казалось как-то нехорошо, словно он нарушил какую-то договоренность, хотя никаких соглашений на эту тему они специально не заключали.

Подойдя к форту, Билли быстро вскарабкался вверх по раскидистым веткам, прыгнул на крышу и открыл люк. Нырнув вниз, он постоял в большой комнате, разглядывая старый металлический ящик для льда, положенный на бок и используемый в качестве кресла. Этот морозильник подарил ему мистер Ронда, который, увидев их с Лейном копающимися в мусорных кучах, предложил им забрать его, равно как и несколько листов клееной фанеры, которая лежала у него дома. На следующий день он привез все обещанное и оставил на дороге у почтового ящика.

Билли вспомнил доброе лицо мистера Ронды, его голубые смеющиеся глаза, густую седую бороду. Он знал почтальона всю свою жизнь. Он встречался с ним каждый день до тех пор, пока не начал ходить в школу. Он виделся с ним каждую субботу, каждые выходные и все лето. Как-то для школьного задания ему понадобились аптечные резинки, и мистер Ронда специально собирал их для него и привозил каждое утро вместе с почтой. Когда ему поручили сделать доклад о работе почты, мистер Ронда взял его с собой на экскурсию. Но теперь мистер Ронда уже никогда ему ничем не поможет. Никогда не подъедет к дому, чтобы забрать или положить почту никогда не улыбнется. Его больше никогда не будет.

Билли почувствовал, как глаза налились слезами и направился в помещение штаба.

Хотелось погрузиться, но плакать не хотелось. Поэтому он заставил себя временно переключиться и подумать о чем-нибудь другом. Когда сможет, он вернется мыслями к мистеру Ронде.

Он сел на ковер и открыл первый попавшийся «Плейбой». Полистав толстый журнал, он нашел первую серию иллюстраций. «Женщины в униформе». На одной фотографии была изображена женщина, оседлавшая пожарный шланг. Из одежды на ней остались лишь красная пожарная каска и красный блестящий дождевик. Другая фотография изображала женщину с большим обнаженным бюстом в полицейском шлеме. Она облизывала закругленный конец толстой полицейской дубинки. Взгляд Билли упал на соседнюю страницу. На этой женщине тоже почти ничего не было, если не считать улыбки и фуражки почтальона. В одной руке она держала пачку конвертов; указательный палец другой прижала к пухлым губам.

Билли почувствовал возбуждение и придавил ладонью натянувшуюся застежку джинсов.

Интересно, похожа ли она на нового почтальона?

Некоторое время он разглядывал треугольник рыжеватых волос на лобке и остренькие розовые соски. Ему стало неловко от собственных мыслей.

Захлопнув журнал, Билли бросил его в стопку и попытался опять думать о мистере Ронде, о том, что делал почтальон и о том, что он уже никогда не сделает, но момент был упущен, и заплакать, несмотря на все старания, не удалось.

3

На следующее утро они не видели и не слышали, как к дому приезжал новый почтальон, но когда Трития около десяти утра подошла к ящику опустить письмо, корреспонденция уже прибыла. Женщина чертыхнулась. Теперь придется либо самой ехать в город на почту отправлять письмо, либо оставить его в ящике до завтра. Открыв дверцу, она запустила руку внутрь и извлекла содержимое. Пришло четыре письма – три, адресованных Дугу, одно – ей. Триш обратила внимание на отсутствие счетов и рекламных листовок.

Она закрыла дверцу. Дугу сегодня все равно ехать в гастроном. Значит, заодно и письмо отправит.

По пути к дому она рассмотрела конверт, адресованный ей. Обратного адреса не было, но судя по штампу, письмо отправлено из Лос-Анджелеса. Развернув исписанные листки, Триш первым делом поинтересовалась подписью. И застыла на месте. Нет, этого не может быть!

Пола? Она еще раз взглянула на подпись. Пола.

Триш чуть ли не бегом кинулась в дом. Дуг копался в ящике для мусора, пытаясь что-то найти.

– Ты просто не поверишь? – воскликнула Триш, врываясь на кухню. – Пришло письмо от Пола!

– От Пола? – переспросил муж. – Пола Уэйн?

Триш кивнула, бегло просматривая текст.

– Ты же говорила, что не знаешь, куда она делась.

– Я и не знала, – кивнула Триш. – Даже не понимаю, как она смогла меня разыскать?

– Через твоих родителей, наверное.

– Но с тех пор, как она пропала, они два раза переезжали. И их телефона нет в адресной книге. Даже не верится, – улыбнулась она. – Не понимаю, как ей удалось меня найти, но я очень рада.

– Ты письмо-то собираешься читать?

– Сейчас прочитаю. Погоди. – Триш быстро пробежала глазами по аккуратным строчкам. – Пишет, что разошлась с Джимом, переехала в Лос-Анджелес и работает в юридической конторе.

– Развелась? – хмыкнул Дуг. – Мне казалось, они просто идеальная пара.

– Замолчи, – буркнула Триш, продолжая чтение. – Пишет, что счастлива, но скучает по Санта-Фе. Надеется, что я про нее не забыла. Возможно, сумеет купить путевку и съездить в августе в Большой Каньон. Спрашивает, можно ли будет заехать к нам.

– Надо подумать, – протянул Дуг.

– Ха-ха, – прокомментировала Триш следующее сообщение.

– Что это значит?

– Так, ничего. Личное. Девичьи сплетни. – Трития прочитала вторую, затем третью страницу, сложила письмо и спрятала обратно в конверт. – Пола! Ну надо же! Просто не верится. – Она покачала головой.

Наконец Дуг нашупал в мусоре свою отвертку и задвинул ящик на место.

– Скучаешь по ней?

– Конечно. Ох, да, чуть не забыла. Тебе тоже пришли.

И Триш протянула ему три конверта.

Дуг вскрыл первый.

– Ни за что не угадаешь, от кого это!

– От кого же?

– От Дона Дженнингса.

– Господи, вы же не виделись с ним...

– Столько же, сколько вы с Полой.

– Какое странное совпадение! – рассмеялась Триш и придвинулась ближе с намерением заглянуть ему через плечо, но Дуг отодвинулся и убрал от нее конверт.

– Личное, – пояснил он кратко.

– Очень смешно. – Триш шутливо хлопнула его по руке и заставила дать ей возможность тоже прочесть письмо. Дон преподавал в школе общественные науки и пришел на работу почти одновременно с Дугом. Два новичка, оказавшись коллегами, подружились, и с годами их дружба окрепла. Дон, городской юноша, так и не смог прижиться в маленьком Виллисе. Лет десять назад он нашел себе место в Денвере. Некоторое время семьи поддерживали контакт, перезванивались, обменивались письмами. Дуг, Триш и маленький Билли даже ездили как-то летом к Дженнингсам.

Но появлялись новые друзья, новые дела и заботы, которые не могли не повлиять на старую дружбу. Постепенно семьи стали отдаляться. Дуг много раз говорил Триш: «Надо бы позвонить Дону», «Надо бы написать Дону», – но ни разу так этого и не сделал.

Дон писал, что они с Рут вернулись обратно в Аризону. Он нашел работу в Долине, в средней школе города Кэмелбэк. Им еще надо устроиться, но они будут рады, если Дуг и Триш приедут к ним в гости.

– Будешь отвечать? – спросила Трития, дочитав письмо.

– Конечно.

Дуг распечатал остальные конверты. Одно письмо было из Управления. Профсоюз учителей наконец-то добился повышения заработной платы. Другое пришло из Департамента образования. Секретарь департамента сообщал, что последний срок подачи заявок на гранты был назначен на неделю позже и приносил извинения за возможно принесенные неудобства в связи с вкравшейся опечаткой.

– Ничего не понимаю, – Дуг в изумлении воззрился на Триш. – Мы с тобой одновременно получаем известия от друзей, о которых лет десять не слышали; учителя получают прибавку, о которой так долго просили, и наконец, моя заявка, вероятно, не опоздает, потому что последний срок подачи, оказывается, на неделю позже!

– Трудно поверить, да?

– Пожалуй, я куплю сегодня лотерейный билет! Если это везение будет продолжаться, к вечеру мы станем миллионерами!

Триш расхохоталась.

– Думаешь, я шучу? Нет, это не просто счастливое случайное совпадение! Это удача! – Обхватив жену за талию. Дуг притянул ее к себе. – Мы попали в струю, крошка!

– Крошка?

Дуг обернулся. В дверях стоял Билли. Сын выглядел усталым, но войдя в кухню, попробовал улыбнуться.

– Мам, можно я тоже так тебя буду звать?

Трития высвободилась из объятий мужа.

– Твой отец просто шутит. Надеюсь, ты обратишь внимание на ошибки в его поведении и

никогда не будешь их повторять.

Дуг попробовал снова обхватить ее, но она вырвалась и направилась в спальню. Он успел лишь хлопнуть ее по попке. В другой раз Билли обязательно присоединился бы к ним, но сегодня он стоял молча, с отсутствующим выражением лица.

Третья отложила письмо и пошла в ванную комнату. Билли остался в гостиной. Включив телевизор, он по-прежнему молча уселся на диван.

Дуг из кухни внимательно наблюдал за сыном.

Вчера вечером они поговорили о смерти, и в ходе беседы, как ему показалось, у мальчика развеялись определенного рода страхи, но, судя по всему, кое-какие, если не многие, остались. Билли по-прежнему очень сильно переживал самоубийство Ронды. Дуг должен был признаться, что и он тоже. Как и Билли, он никогда не сталкивался со смертью лицом к лицу. Она еще никогда не приближалась к их дому. Конечно, вокруг время от времени кто-то умирал, но это были, скорее, знакомые, вроде Ронды, а не близкие друзья, и Дуг даже не представлял, что бы он делал в случае смерти, допустим, родителей, или Триш, или если бы что-то случилось с Билли. Несмотря на беседу с сыном, во время которой были использованы все психологически приемлемые аргументы о необходимости быть готовым к всякого рода неприятным и страшным переживаниям, сам Дуг старался не сосредотачиваться на подобных предметах. Это был, конечно, способ самоустранения, но он предпочитал отшучиваться и жить так, словно ничего не произошло, нежели всерьез разбираться в собственных чувствах.

Впрочем, в данный момент он поймал себя на том, что все время думает о смерти почтальона.

Дуг пытался представить, как выглядел Ронда с разнесенным черепом, лежащим в луже крови на фоне кафельной стенки, забрызганной мозговым веществом. Смерть в любой форме – событие не из легких, но такое страшное самоубийство – во сто крат хуже.

Письма, которые он все еще держал в руке, напомнили ему о новом почтальоне. Получить в один день столько приятных известий – само по себе совпадение удивительное. Однако Дуг испытывал странное неприятное ощущение. Если бы эти письма привез ему Ронда, он впал бы в экстаз, хотя скорее всего просто не обратил бы внимания на это совпадение. Но вспоминая лично нового почтальона, представляя его бледные горячие руки, залезающие в почтовый ящик и тщательно запирающие дверцу Дуг не мог отделаться от ощущения какой-то грязи даже на самих конвертах. И хотя никаких видимых оснований для подобного ощущения не было, приподнятое настроение, в котором он пребывал несколько минут назад, выветрилось начисто.

– В котором часу приезжал почтальон? – небрежно спросил он у Билли.

– Не обратил внимания, – откликнулся сын, не отрываясь от телевизора.

Дуг вспомнил насмешливую улыбку и высокомерный вид нового почтальона. И почему-то задумался, какая у него машина. А затем поймал себя на желании узнать, как его зовут.

* * *

Сначала Дуг заехал в магазин. В перечне покупок значились хлеб, помидоры, древесный уголь, салат-латук, ореховое масло. На обратном пути он завернул на почту. В середине дня жизнь в городе замирала. Место на стоянке нашлось без проблем – ровная заасфальтированная площадка была практически пуста. На скамеечке перед зданием почты сидели два старика. Внутри же не оказалось ни единого посетителя. Ховард, как обычно, стоял за стойкой и упаковывал какую-то посылку. Он выглядел изможденным – глаза слезились, лицо покрывали красные пятна, и Дуг решил, что почтмейстер, видимо, всю ночь пропьянствовал. Его вид вызывал чуть ли ни отвращение, но Дуг заставил себя доброжелательно улыбнуться.

– Привет, Ховард, как себя чувствуете?

– Прекрасно, – с отсутствующим видом откликнулся тот. Стандартный ответ. Автоматическая реакция. – Чем могу быть полезен?

– Заехал отправить письмо, а заодно и узнать, как у вас дела.

– Все замечательно, – хмуро ответил почтмейстер. Тень раздражения промелькнула в его глазах. – Только хотелось бы, чтобы меня перестали считать пациентом клиники для

душевнобольных. Я не настолько расклеился. Я не собираюсь сойти с катушек и так далее. Господи, вы меня за ребенка считаете, что ли?

– Люди просто беспокоятся, – улыбнулся Дуг. – Вы же сами знаете.

– Да, разумеется, но всему есть предел, – с досадой произнес Ховард. Отложив в сторону пакет, он встряхнул головой и кротко улыбнулся. – Извините, в последнее время я немного не в себе. – И тут же последовал предупреждающий взгляд. – Только не надо меня жалеть!

– А я и не собирался, – заставил себя хохотнуть Дуг.

– Вот и хорошо.

– Как зовут нового почтальона?

Ховард положил посылку на весы, напялил очки с толстыми линзами в металлической оправе и прищурился, рассматривая вес.

– Его зовут Джон Смит.

Джон Смит?

– Очень быстро он у нас появился, не правда ли?

– Да, я тоже удивился. На замену обычно уходит около месяца. В понедельник я отправил заявку в главную контору, а в среду он был уже здесь.

– Он из Феникса?

– Не уверен. Он не очень-то разговорчив. Но я все равно все узнаю. Я сказал, что он может пожить у меня, пока не подыщет себе квартиру. Комната Мюриэл свободна. Я предложил ему спать там, если он будет сам стелить и убирать постель. Это дешевле, чем в гостинице. У него есть время подобрать себе жилье по вкусу. Обычно почтальоны хватают то, что подвернется под руку, потому что долго жить в гостинице не по средствам. От почтового ведомства никаких подъемных ждать не приходится, а на жалованье почтальона в отелях не больно-то разгуляешься.

Почтмейстер написал какие-то циферки на клочке бумаги, приклеил его на пакет и прилепнул красной печатью, означающей, что посылка пойдет первым классом.

– Ну и как он? Что вы о нем скажете?

– Рано судить, – пожал плечами Ховард. – Так, на вид, вроде бы симпатичный.

Дуг подозрительно взглянул на почтмейстера, укладывавшего посылку в большой бумажный мешок. Подобная осторожность для Ховарда – явление удивительное. Обычно человек ему либо нравился, либо нет. Он, не раздумывая, выкладывал свое мнение.

Но Дуг решил промолчать. Ховард только что потерял лучшего друга. Кто он такой, чтобы судить о его поведении в подобной ситуации?

– Триш настроена серьезно, – сменил он тему. – Мы вас ждем.

– Спасибо, с удовольствием, – искренне произнес почтмейстер.

– Как насчет этой недели? В пятницу или субботу?

– Неплохо.

– Я передам Триш. Она позвонит вам, чтобы уточнить день. Мне она такие дела не доверяет. Всего доброго.

– До встречи, – кивнул почтмейстер.

«Джон Смит», – повторял про себя Дуг, направляясь к машине. Очень правдоподобная история.

* * *

По дороге домой Дуг вспомнил, что забыл купить лотерейный билет. Он сказал об этом Триш наполовину в шутку, наполовину всерьез. Из-за отсутствия воображения он так и не стал настоящим игроком, но лотерейные билеты время от времени покупал. Будучи трезво мыслящим, разумным человеком, он все же имел некоторые предрассудки. Дуг никогда всерьез не воспринимал везение – ни с положительным, ни с отрицательным знаком, однако не исключал, что оно, в принципе, существует. А кроме того, выиграть парочку миллионов совсем даже не помешает. Так приятно оказаться сказочно богатым! К подобному положению он бы с радостью приспособился.

Дуг развернулся и подъехал к кольцу "К".

Выйдя из машины, он купил билетик, подождал, пока автомат пробьет на нем индивидуальный номер, и пошел обратно, рассматривая комбинацию цифр. Уже открывая дверцу он заметил у тротуара, рядом с открытым почтовым ящиком, нового почтальона, присевшего на корточки. Только вел он себя не так, как, на памяти Дуга, обычно поступал старый Ронда.

Джон Смит не просто извлекал накопившуюся корреспонденцию, а тщательно сортировал ее – одни конверты аккуратно складывал в пластиковую корзинку, стоящую рядом, а другие равнодушно бросал в большой коричневый бумажный мешок.

Со стороны это выглядело довольно странно, Судя по тому, с какой осторожностью почтальон относился к одним письмам и с какой небрежностью – к другим, можно было предположить, что он собирается скрыть часть корреспонденции от почтмейстера, готовя ей какую-то иную судьбу Джон Смит поднял голову и посмотрел Дугу прямо в лицо. Дуг мгновенно отвел глаза, делая вид, что рассматривает что-то на улице и почтальон в его поле зрения оказался просто случайно.

Но в тот краткий миг, когда их взгляды пересеклись, Дуг безошибочно почувствовал, что почтальон давно уже понял, что за ним наблюдают, и поднял голову совершенно намеренно.

«Какие глупости», – упрекнул себя Дуг. Человек посмотрел в его направлении. Вот и все!

Совершенно обычное дело, такое встречается сплошь и рядом. Ничего здесь ни странного, ни зловещего. Но когда он снова посмотрел на почтальона, то наткнулся на острый, колющий взгляд и кривую презрительную полуулыбку.

Дуг распахнул дверцу машины и плюхнулся на сиденье. Что за странное неприятное ощущение? Словно его застали врасплох за каким-то неприличным занятием. Совершенно необъяснимо, почему взгляд нового почтальона так его растревожил, но, главное. Дугу совершенно не хотелось оставаться здесь и анализировать свои чувства. Он включил зажигание и сдал назад. Единственный выезд с кольца "К" проходил как раз рядом с почтовым ящиком. Дуг вдавил педаль в пол с намерением как можно быстрее выскочить на шоссе, но не тут-то было. Дорогу заполнили грузовики и фургоны туристов, возвращающихся с озер. Пришлось остановиться и терпеливо ждать просвета между машинами. Дуг сосредоточился на дорожном движении, старательно глядя влево, но краем глаза не мог не заметить, что почтальон, не двигаясь, пристально смотрит в его сторону. Наконец в потоке машин появился просвет, и Дуг вырулил на трассу. Не удержавшись от импульсивного желания, он взглянул в зеркальце заднего вида.

Почтальон, улыбаясь, махал ему вслед рукой.

4

Билли сидел на веранде, когда подъехал новый почтальон. Он не посигналил, как это обычно делал мистер Ронда. Не было слышно ни шума, мотора, ни скрипа тормозов. Только приглушенное урчание нового двигателя и сухой шелест шин на обочине. Билли отложил в сторону водяной пистолет, с интересом ожидая появления нового почтальона, но через затемненные стекла красной машины он ничего не увидел, кроме бледной руки, которая высунулась из окна и опустила в ящик пачку писем. Билли встревожился. Что-то здесь не так. Ему даже показалось, что он видит в темноте салона копну ярко-рыжих волос и бледное пятно лица. Новый почтальон, судя по всему, не так уж и дружелюбен. В нем было что-то... нечеловеческое.

Билли почувствовал холодок – отчетливое физическое ощущение, хотя на улице было как минимум градусов двадцать пять. Бледная рука коротко, один раз, махнула ему В следующее мгновение машина плавно и беззвучно тронулась с места.

Билли подумал, что надо пойти вынуть почту, но вдруг испугался. Почтовый ящик внезапно показался ему стоящим ужасно далеко от надежного, безопасного дома и веранды. А что если почтальон захочет вернуться? Отец в ванной, в глубине дома, мама гостит у Нельсонов.

Он может оказаться один на один с этим типом.

«Что за ерунда», – прикрикнул он на себя.

Какие глупости! Человеку одиннадцать, то есть почти двенадцать лет, а он боится сходить за почтой. Он просто жалкий трус! И ведь даже не вечером, в темноте, а среди бела дня! Билли тряхнул головой. Что за чушь?!

Тем не менее ему было страшно. Обзывая себя последними словами, мальчик сошел с крыльца и направился к ящику.

Он уже миновал сосну, на которой висели кормушки для птиц, прошел мимо родительского «бронко», мимо дренажного люка и был рядом с обочиной, когда услышал тихий звук приближающегося автомобиля. Сердце заколотилось.

По шоссе неслась красная машина почтальона.

Мальчик замер, испытывая огромное желание рвануть со всех ног домой, но не двинулся с места, понимая, как глупо это будет выглядеть со стороны.

Автомобиль остановился рядом с почтовым ящиком. Теперь Билли мог отчетливо рассмотреть темный интерьер салона.

И бледное лицо нового почтальона.

Сердце колотилось так, словно хотело выскочить из груди. Лицо почтальона не было ни злобным, ни страшным, но кожа его казалась слишком бледной, а черты – слишком невыразительными. Зато ярко-рыжие волосы просто ослепляли. Этот контраст почему-то больше всего и напугал Билли.

– Забыл еще одно письмо, – произнес почтальон негромким, ровным, очень профессиональным тоном, какой бывает у ведущих игровых телешоу и дикторов программ новостей, и протянул Билли конверт.

– Спасибо, – выдавил Билли. Собственный голос показался ему по-детски писклявым.

Почтальон неторопливо растянул губы в улыбке. От этой лукавой, коварной, вкрадчивой улыбки застыла кровь. Билли громко сглотнул и направился к дому, изо всех сил стараясь идти спокойно, чтобы ничем не выдать своего жуткого страха. Он напряженно ждал, когда послышится звук мотора и шелест шин отъезжающего автомобиля. Но за спиной была тишина, а перед глазами маячила жуткая усмешка почтальона. Мальчик чувствовал себя так, словно извожился в грязной вонючей слизи, которую хотелось немедленно с себя смыть.

Внезапно он вспомнил, что на нем короткие шорты и что почтальон видит его голые ноги.

Подойдя к крыльцу, Билли направился прямо в гостиную, резко толкнув перед собой обе двери. И только внутри он смог повернуться и сквозь противомоскитную сетку бросить взгляд на дорогу. Машина уже уехала, и даже облачко пыли не клубилось ей вслед.

– Что это ты там разглядываешь, а?

Билли подпрыгнул от неожиданности, услышав голос отца.

– Ничего, – ответил он, но уже понял, что схитрить не удастся.

– Что случилось? Ты какой-то взъерошенный!

– Нет, ничего, – повторил сын и протянул конверты. – Просто ходил за почтой.

Выражение отцовского лица изменилось. Он явно о чем-то догадывался.

Но в этот момент послышался характерный хруст гравия. К дому подъехала машина. Они бросились к окну. Белый помятый пикап Хоби Бичема уже остановился, а сам Хоби Бичем вылез из кабины.

– Ну ладно, – кивнул Дуг, бросив письма на стол и направляясь навстречу гостю.

Хоби своей патентованной деревенской походочкой подошел к веранде, поднялся по ступенькам и поправил бейсбольную кепку.

– Хотел заехать вчера, – громкогласно объявил он, – но не успел. Охранял промежности. – Хохотнув, он снял темные очки и спрятал их в карман спортивной рубашки. – Тяжелая работенка, но кто-то же должен ее выполнять!

Хоби держал автомагазин и преподавал вождение в школе, а на летние каникулы подражался на двадцать часов в неделю охранником в общественный бассейн. Плавал он отлично, но охранником был никудышным, и Триш не раз громко спрашивала, почему ему вообще доверяют, ведь то, что он в своих темных очках предпочитает разглядывать мамаш, а не их плещущихся в воде детишек, ни для кого не секрет.

Дуг считал, что она к нему придирается, но не без оснований. Хоби, крупный, шумный парень, был неисправимым половым разбойником. Гордым сексистом.

Билли расхохотался, стоя в дверях. Ему нравился мистер Бичем.

– Ты этого не слышал, – грозно заметил Дуг.

– В наши дни молодежь рано взрослеет, – хмыкнул Хоби.

Билли подхватил водяной пистолет и отправился стрелять в алюминиевую банку, укрепленную между веток деревьев. Инцидент с почтальоном начал постепенно выветриваться из памяти.

Дуг с Хоби вошли в гостиную. Хоби стянул свою бейсбольную кепку и уселся, не дожидаясь приглашения, в ближайшее кресло.

– Нет чего-нибудь холодненького? – поинтересовался он, утирая вспотевший лоб.

Дуг прошел на кухню и открыл холодильник.

– Могу предложить чай со льдом, коку, минералку.

– А чего-нибудь более существенного, для мужчин?

– Пиво кончилось. Кроме того, еще нет одиннадцати.

– Ну, значит, коку, – вздохнул коллега.

Дуг взял две банки коки и вернулся в гостиную. Протянув одну гостю, он наконец спросил:

– И что же тебя подняло в такую рань?

– В ближайший четверг заседание коллегии.

– Коллегия? – простонал Дуг и плюхнулся на диван. – Стоило уйти в отпуск! Я полагал, до конца июля ничего не будет.

– Решили передвинуть, подлецы. Видимо, думают, если проведут собрание, пока большинство учителей в отпусках, удастся без напряжения протащить бюджет. Я и сам-то узнал случайно, от сторожа. Встретились в бассейне.

– Но они должны официально сообщить о дате и времени.

– Естественно, – саркастически хмыкнул Хоби, пожав плечами. – Ты же знаешь, они никогда не нарушают закон. Только скорее всего администрация похоронила извещение среди экзаменационных бумаг, чтобы никому на глаза не попало.

– Устал я от школы, – покачал головой Дуг. – До конца августа даже вспоминать о ней не хочется.

– Я думал, ты хочешь быть в курсе. Ты же подавал прошение на увеличение фондов.

Дуг мелодраматически вздохнул.

– На новые книжки.

– Да, – согласился Дуг, отхлебывая коку. – Надоело долбить одно и то же. «С любовью к Господу»! – Откинувшись на диване, он уперся затылком в стену. – Некоторые козлы считают, что если включать в программу современные романы вместо классических произведений, можно привить ученику любовь к чтению. Поэтому администрация закупила романы двадцатилетней давности, добавила видеокассету с фильмом того же времени и говорит мне – учи! Но молодежь это ни капли не интересует; они только зевают до слез. «Алая буква», возможно, им тоже не нравится, но оттуда можно хоть что-нибудь почерпнуть полезное.

– А мне Лулу нравится, – хмыкнул Хоби. – Замечательные сиськи!

– Очень смешно. И коллегию, и родителей интересует только одно – результаты экзаменов, которые не должны быть хуже, чем в других школах штата. Но в других школах штата проходят «Сердце мрака» и «Гекльберри Финна». Наши дети оказываются в невыгодном положении. Я просто хочу, чтобы они были на уровне.

– Я учился читать по комиксам, – признался Хоби.

– Ничего не имею против такой системы, – распрямился Дуг. – Естественно, дети станут читать, если им будет интересно. И для этого существует очень много популярной художественной литературы. Надо просто приобретать соответствующий материал, черт побери!

С порога слышалось хихиканье Билли.

– Прекрати шпионить! – воскликнул Дуг. – Никсон младший!

– Похоже, ты все-таки пойдешь на собрание, – усмехнулся Хоби.

– А куда я денусь? – согласился Дуг.

– Отлично. Сможем выступить единым фронтом.

- Единым фронтом?
- Мне для автокласса нужен новый краскопульт.
- И ты хочешь, чтобы я тебя поддержал?
- У нас же учительское братство! – изобразил обиду Хоби.
- Ты прекрасно знаешь, как трудно что-нибудь выжать из этих зануд. Если возникнет проблема выбора, я буду драться волком!
- Договорились. – Хоби приподнял в знак приветствия банку коки. – За удачу!

* * *

Возвращаясь пешком от Нельсонов, Триш заметила грузовик Хоби, еще не доходя до своего почтового ящика. Сначала она хотела повернуть назад и погулять где-нибудь, пока этот тип не уберется восвояси, но порыв теплого летнего ветерка донес его громкий голос. Триш поняла, что Хоби как раз собрался уезжать. Она сошла на обочину и направилась по дорожке к дому.

– Триш! – заорал Хоби, подбегая к ней и обнимая за талию. – Как поживаешь? Давно не виделись!

Трития натянуто улыбнулась. Ей не нравился Хоби Бичем. Она искренне не могла понять, что хорошего муж находит в этом человеке. Похотливый неотесанный тупица! Хоби продолжал сжимать ее в объятиях, и Триш в конце концов пришлось применить силу, чтобы отстраниться. Последний раз, когда они виделись, Хоби ухитрился ухватить ее за ягодицы.

Она пожаловалась Дугу, но тот сказал, что, наверное, это вышло случайно. Триш знала, что не случайно, а потому посоветовала мужу передать своему приятелю, чтобы тот не распускал руки, а то можно и без яиц остаться.

А Билли, напротив, был в полном восторге от Хоби. После каждого такого визита мальчишка начинал ходить по дому вразвалочку и гнусавить, подражая манере уроженцев юго-запада. Триш хотелось бы переключить внимание сына и предложить ему в качестве образца для подражания кого-нибудь из своих более образованных и интеллигентных друзей, но Билли находился в том возрасте, когда примитивная мужественность выглядит исключительно привлекательно, и не было никакой возможности переубедить его, не рискуя еще больше подтолкнуть в сторону Хоби Бичема.

– Мы вспоминали про тебя на похоронах, – с нажимом произнесла Триш, оглядев гостя с ног до головы.

– Да, я не пошел, – кивнул Хоби. – Не хотел выглядеть лицемером. На самом деле я и не знал того парня. Он привозил и увозил мою почту, так или иначе мы сталкивались, но друзьями никогда не были.

– Пришло очень много народу.

– А меня не было. Виноват, – пожал он плечами и добавил с улыбкой:

– Я никогда не считал, что надо стремиться так уж обзаводиться друзьями.

– Я заметила, – холодно констатировала Триш.

– Кстати о Ронде, – подмигнул Хоби Дугу. – Ты видел нового почтальона?

– Видел, – неохотно откликнулся тот.

– Сегодня утром я встретился с ним у почты. Противный парень. Мне он не понравился. Значит, еще кто-то это заметил! Дуг заставил себя успокоиться.

– А ты с ним не разговаривал?

– И желания не было! Его работа – развозить почту, а не приятельствовать со мной. Я и с электромонтером не разговариваю, и с мальчишкой-газетчиком, и с телефонистом. Не обижайтесь, но именно это мне почему-то и в Ронде не нравилось. Он часами болтал с кем угодно...

– Ронда был хорошим человеком, – прервал его Дуг.

– И не смей говорить о нем плохо! – подхватила Триш, сверкнув глазами.

Хоби хотел возразить, но в последний момент передумал. Вместо этого он снисходительно, как добрый приятель, улыбнулся Дугу, как бы говоря: ну что взять с глупой бабенки? Дуг подумал, что Трития права. Иногда его друг ведет себя как бесчувственная

скотина.

Трития поднялась на веранду и захлопнула за собой дверь.

– Как бы там ни было, – продолжил Хоби – этот новый парень мне решительно не понравился.

– Мне тоже.

– Мозгляк какой-то. Бледный, как поганка. Да еще эти рыжие волосы! Черт побери, не удивлюсь, если они крашенные. Вообще на педераста смахивает.

– Ну, об этом я ничего не знаю, – неуверенно протянул Дуг. Он поймал себя на том, что не имеет никакого конкретного суждения о Джоне Смите, кроме безотчетно возникшей неприязни и ощущения исходящей от него тяжести, хотя основывалось все это на паре случайных и мимолетных встреч. Обычно Дуг не был склонен к таким импульсивным оценкам. Он гордился своим умением видеть в каждом незнакомце прежде всего хорошее, по крайней мере до тех пор, пока тот не продемонстрирует нечто противоположное. Тем не менее, отрицательное отношение к новому почтальону родилось как бы само по себе, целиком и сразу. Не зная буквально ничего. Дуг мгновенно испытал к нему стойкую неприязнь.

Неприязнь и страх.

«Да, именно страх», – признался себе Дуг. На каком-то уровне, по причинам, которых он не мог себе объяснить, он боялся нового почтальона. И этот страх возник тоже мгновенно.

Хоби открыл дверцу пикапа и взгромоздился на драное сиденье. Затем извлек из кармана джинсов связку ключей.

– Ну ладно, пора мне отваливать. Значит, на собрание идем вместе, договорились?

– Договорились.

– Отлично. Кое-кто получит пинка под зад! – Хоби хлопнул дверцей, ухмыльнулся и завел мотор. – Завтра и в пятницу у меня дежурства в бассейне, но до понедельника обязательно позвоню.

– Хорошо, – кивнул Дуг. – Не скучай!

– Да уж постараюсь, – заржал Хоби, устраивая на носу темные очки. – В этом можешь не сомневаться!

Развернувшись на дорожке перед домом, он выехал на трассу и направил машину в сторону города. Над кабиной в прощальном приветствии взметнулась его широкая ладонь. Дуг поднялся на веранду.

– Пинка под зад! – радостно повторил Билли, размахивая водяным пистолетом.

– Не смей так говорить! – крикнула из кухни Триш.

– Слышал, что мама сказала? – подхватил воспитательную струю Дуг, но не сдержал улыбку. Он вошел в гостиную и вспомнил о брошенной на столе почте. Только письма.

И опять ни одного счета.

5

На следующий день Дуг получил извещение от компании «Форд», в котором говорилось, что организация защиты прав потребителей добилась своего, гарантия на двигатель его «бронко» продлевается еще на год. Пришел чек на два доллара от компании «ПолярOID» – за какую-то переплату – и письмо Билли от матери Триш, в которое была вложена пятидолларовая бумажка.

Спустя еще один день опять пришло письмо Билли, на этот раз от матери Дуга. В конверте лежал один доллар; мать Дуга была состоятельнее матери Триш, но более прижимистой. В другом письме оказалась бесплатная подписка на журнал «Фрукты месяца» с приложением записки от анонимного дарителя: «По случаю вашего дня рождения». Подписка была адресована Триш, которая родилась в январе. День рождения Дуга приходился на в октябрь, то есть еще через несколько месяцев.

– Кто нам это прислал и почему? – недоумевала Триш, разглядывая небольшую коробочку с аппетитными красными яблочками.

Дуг не знал, но сам факт ему не понравился.

Кроме того, он уже начал беспокоиться из-за отсутствия счетов. Прошла ровно неделя

после самоубийства Ронды, и хотя пока не было никаких оснований обвинять человека, занявшего его место – Джона Смита, – Дуг усматривал нечто неестественное в том, что за это время не пришло ни одного счета и ни одного рекламного листка. Было в этом что-то подозрительное и тревожное. Дуг удивился бы, если бы они не появлялись один день, но когда так, день за днем, в течение недели! Почта по своей природе не бывает специально хорошей или плохой. Ей безразлично, какие новости и какие сведения к вам приходят. Почта отбором не занимается.

Поэтому количество странных явлений, которые пришлось на последнюю неделю, можно было считать достигшим астрономических величин.

Кроме того, Дуг прекрасно помнил, что счета за воду и газ приходят именно в эти дни.

Если они не придут до понедельника, сказал он Триш, придется поехать в город и поговорить с Ховардом.

– Что за паранойя! – воскликнула Триш. – Если нечего делать, начни убирать мусор за домом. Начни заниматься своим сараем. Сделай что-нибудь полезное! Хватит строить теории о каких-то безумных заговорах!

– О каких теориях ты говоришь? – возмутился Дуг. – У нас явно пропадает часть корреспонденции. Поэтому я просто хочу сообщить об этом почтмейстеру.

– Не заговаривай мне зубы! Как только ты увидел нашего нового почтальона, ты только о нем и думаешь.

Триш была права, хотя Дуг не смог бы так четко это сформулировать. У него возникало желание поговорить с женой о почтальоне – так, вообще, хотя все его разговоры о почте и пропавших счетах могли передать ей его мысли и подозрения. Наряду с отсутствием счетов и рекламной продукции его начала беспокоить однозначная направленность получаемой корреспонденции. Раньше такое количество добрых вестей не приходило даже в течение месяца, не говоря уж о нескольких днях, и подобное совпадение тоже, на его взгляд, не поддавалось логическому объяснению. Тут должно совпасть слишком много факторов и случайностей. И все это нельзя отнести только на счет некомпетентности почтового служащего.

Дуг вспомнил, как тщательно почтальон сортировал корреспонденцию из почтового ящика.

– Я хочу позвонить Ховарду, – повторил он упрямо.

На следующий день Ховард позвонил сам, откликнулся на их приглашение приехать поужинать. К телефону подошла Триш, и хотя Дуг сразу сообразил, с кем разговаривает жена, он решил не напоминать ей о проблемах с почтой.

Почтмейстер переживал тяжелый период, и Дуг не хотел отягощать его дополнительными заботами. Если все свои претензии он отложит на одну недельку, ничего страшного не произойдет.

И вообще лучше заниматься этим в рабочей, а не в домашней обстановке.

Триш предложила Ховарду приехать в субботу и пообещала устроить жареное мясо с картошкой, против чего почтмейстер, естественно, не возражал.

– Знаешь, что, – заговорил Дуг вечером, перед тем, как лечь в постель. – Мне уже не хватает рекламной продукции. Обычно я выбрасываю большинство этого мусора, не читая, но сейчас, когда он совсем перестал приходить, такое ощущение, что мы отрезаны от общества. Это почти так же, как не получать газету. Я не понимаю, что происходит.

Триш повернулась на бок и выключила ночник.

– Надоел ты мне со своей почтой. Давай лучше спать.

6

Лейн Чэпмен жил в большом доме на вершине холма, неподалеку от развалин старого поселения Анасази. Дом смотрелся очень современным – несимметричные угловатые плоскости из стекла и дерева. Внутри все выглядело словно из магазина: белые плетеные дорожки на белых мексиканских половых плитках, огромные белые диваны, голые белые стены, на которых крепились светильники и художественные плакаты в рамках. Билли шел по мощеной дорожке и разглядывал внушительную двухэтажную конструкцию. Он восхищался

этим домом, ценил его, но не любил. Он казался ему холодным, больше похожим на художественную выставку, чем на жилое помещение. Мальчики предпочитали проводить время в небольшом, но уютном доме Элбинов.

Билли никогда не говорил Лейну о том, что и родители друга кажутся ему такими же холодными и замкнутыми. Мистер Чэпмен вообще редко появлялся дома, но когда появлялся, Лейн старался не попадаться ему на глаза. Он редко улыбался, постоянно сквернословил и общение с детьми считал пустой тратой времени.

Билли не был уверен, что мистер Чэпмен вообще знает его имя, хотя они с Лейном дружили еще с детского сада. Миссис Чэпмен практически не выходила из дома, но в ее неизменной улыбке сквозило что-то фальшивое, а в ее постоянной любезности было нечто назойливое.

Лейн обожал свою мать, но Билли сомневался, что это чувство взаимное. Миссис Чэпмен очень напоминала свою роскошную белую мебель.

Прежде чем переехать сюда, на Сосновое Вzgорье, Чэпмены жили в стандартном бревенчатом коттедже недалеко от Элбинов. Новый дом отец Лейна построил собственноручно как образец своего строительного искусства. Позже Чэпмены обзавелись номером телефона, которого не было в справочниках, и теперь в гости к ним попадали только по особому приглашению.

Билли нажал кнопку звонка и услышал в глубине дома приглушенный звук медных колокольчиков. Через некоторое время Лейн распахнул дверь и вышел на крыльцо.

– Пошли, – бросил он. – Лучше прогуляемся. Отец дома и злой как черт. Только что накрылся его контракт с «Гэггом и сыновьями». Он в дурном настроении. Снова грозит отвести меня к Бешеному Карлу.

Билли рассмеялся. Бешеным Карлом называли старейшего парикмахера города. Ветеран второй мировой, увешавший всю свою маленькую парикмахерскую изображениями тысячедолларовых купюр, он считал своим патриотическим долгом следить за длиной волос у всех мальчишек города. Игнорируя желания клиентов, Карл стриг всех на армейский манер. Однажды, несколько лет назад, отец отвез Билли к Бешеному Карлу и попросил всего лишь немного подровнять волосы за ушами. Карл обрит его почти наголо, и несколько недель Билли пришлось терпеть постоянные насмешки в школе. Ясное дело, что с тех пор они с отцом даже близко не подходили к этой парикмахерской.

– Может, он шутит? – спросил Билли.

– Понятия не имею. Отец постоянно грозит сослать меня в какое-нибудь военное училище – Лейн покачал головой. – Как же мне все это надоело! Клянусь Богом, стукнет восемнадцать – уеду я отсюда к чертовой матери, а если отец попытается помешать – дам в морду.

Билли с трудом сдержал улыбку. Лейн постоянно твердил о том, как «даст в морду» или «даст коленом под зад» своему папаше. Неделю назад, когда они нашли на улице лотерейный билет, Лейн сказал, что если они выиграют, он сбежит из дома, а потом пришлет самосвал с дерьмом, чтобы свалить его на отцовскую машину. Все планы и обещания Лейна звучали очень забавно, но наводили на грустные размышления.

Билли порой говорил про себя: слава Богу, что ему не достались такие родители, как у Лейна.

– А где твой велосипед?

– Оставил там. – Билли кивнул в сторону дороги. – Подумал, может, твой братик спит. Не хотелось его будить. – Последний раз, когда Билли приезжал к другу, он решил не звонить, а просто покричать под окном, и мать Лейна, как всегда улыбаясь, вышла на крыльцо и вежливым голосом, в котором отчетливо слышались металлические нотки, сообщила, что он разбудил ребенка.

– Думаешь, он проснется от велосипеда? – рассмеялся приятель. – От звонка шума больше.

– Опять разбудил?

– Нет, все в порядке. Не трись. Что моя мать тебе сделает? Изобьет, что ли?

«Вполне возможно», – подумал Билли, но промолчал. Лейн отправился за велосипедом, а он пошел к своему, который бросил в кустах.

Вскоре они уже катили по дороге.

Хотя землю на вершине холма начали продавать пару лет назад, участков раскупили немного, и еще меньше застроили. Дом Чэпменов, дом доктора Козловски, дом Эла Хоктона, владельца всего Соснового Взгорья, да еще несколько роскошных летних усадеб, хозяев которых никто никогда не видел. Остальное пространство было в распоряжении скал, деревьев и кустарников.

Билли с Лейном катили по асфальтированной дорожке мимо деревенской резиденции доктора. Отсюда открывался потрясающий вид. Слева раскинулся город. Белые деревянные домики с коричневыми покатыми крышами утопали в густой зелени деревьев. За ними поднималась горная гряда. Справа до самого горизонта тянулись леса. Холмы и долины, холмы и долины с редкими прогалинами и едва различимыми из-за расстояния соседними городишками.

Мальчики продолжали свой путь по шоссе.

Сегодня они планировали посетить развалины древнего индейского поселения у подножья холма. Вчера на ежегодную летнюю практику туда прибыла команда студентов-археологов из Аризонского университета. Билли и Лейн надеялись, что их снова пригласят помогать на раскопках.

Эти раскопки они обнаружили в прошлом году, когда гоняли по узким лесным тропинкам и заросшим просекам, готовясь к летнему велокроссу. Сквозь густую зелень они заметили какие-то перемещающиеся цветные пятна и решили узнать, что к чему. К тому времени раскопки шли уже около месяца, и зрелище, открывшееся их глазам поражало воображение.

Человек пятнадцать – двадцать мужчин и женщин, вооруженных маленькими лопатками, ковырялись в квадратных ямах, огороженных со всех сторон веревками на столбиках. Многие вертели в руках или тщательно рассматривали небольшие камешки и обломки глиняной утвари, сметая с них грязь маленькими черными кисточками. В центре луга, рядом с потрепанным грузовичком-пикапом, рядами лежали кости, черепа и индейские заточенные камни.

А по периметру всей этой площадки была видна частично освобожденная от земли низкая каменная стена.

Они стояли как вкопанные со своими велосипедами и глазели до тех пор, пока кто-то не заметил их и не крикнул. Мальчишки тут же попрыгали в седла и, неистово давя на педали, умчались прочь.

Но на следующий день вернулись.

И на другой день – тоже.

Постепенно, словно дикие зверьки, они начали привыкать к студентам-археологам, и однажды, набравшись храбрости, решили подойти к лагерю.

Сначала они только приглядывались, бродили повсюду, стараясь не путаться под ногами.

Потом профессор, руководитель раскопок, доверил им очистить от налипшей земли несколько каменных наконечников стрел. Они расценили это как награду, и хотя ничего из того, что выкапывалось из земли, нельзя было унести с собой, тут же решили, что, когда вырастут, обязательно станут археологами.

За поворотом дороги показалась тропа, которая, пересекая небольшую поляну, уходила в лес. Билли перепрыгнул невысокую насыпь у обочины, Лейн – за ним, и оба покатали между деревьев. Тропа петляла в зарослях, следуя руслу давно высохшего ручья, и сбегала вниз, в долину, простиравшуюся у подножья холма.

Теперь под колесами велосипедов шуршал песок.

Во все стороны прыскали маленькие ящерки.

Птички вспархивали из кустов и громко чирикали. Наконец мальчики оказались внизу. Билли притормозил. Колесо пошло юзом. Вслед за ним остановился и Лейн. Справа доносились неразборчивые голоса, звуки рок-музыки. Они подхватили велосипеды и двинулись в этом направлении.

Хотя каменная стена, ограждавшая строения Анасази, тянулась вдоль всей долины, университетская команда каждый год копала где-нибудь в одном месте. В прошлом году студенты работали рядом с лугом. Нынче, судя по всему, они отказались от этого участка и сосредоточили усилия в лесистом южном краю.

Билли с Лейном едва не выскочили на открытое пространство. Притормозив на краю просеки, они остановились, чтобы осмотреться.

Под деревьями были расставлены складные столы и стулья. На столах грудой лежали книги, ящики и различные инструменты. Коричневый ковер из старых сосновых иголок, обычно устилавший землю, уже убрали. Голая земля была расчерчена на квадраты, в которых зияли ямы.

В стороне пестрели ярко-голубые и красные палатки. Студенты окружили своего профессора, загорелого лысого мужчину средних лет с бородкой как у Эйба Линкольна.

Мальчики оставили велосипеды в кустах и, робея, медленно двинулись вперед. С некоторыми студентами они познакомились еще в прошлом году, но большинство оказалось новыми, поэтому ребята не знали, какую реакцию вызовет их появление.

Стоящие вокруг профессора заметили приближающихся детей. Сам профессор тоже обернулся, чтобы узнать в чем дело. Он увидел мальчишек, и его лицо расплылось в улыбке.

– А я уже начал беспокоиться, куда вы запропастились! – хриплым голосом возвестил он. – Готовы потрудиться?

– За этим мы и пришли, – ответил Лейн.

Профессор рассмеялся.

– Рад снова вас видеть в своей команде. Надеюсь, мы подыщем для вас какое-нибудь занятие. – Он окинул взглядом своих студентов. – Кто у нас новенькие, прошу знакомиться. Это Лейн...

– Чэпмен, – подсказал Лейн.

– И Билли...

– Элбин.

– Отлично. – Профессор хотел еще что-то добавить, но вдруг отвлекся и стал пристально всматриваться в дальний край просеки. Билли тоже взглянул в том направлении и увидел движение в зарослях. Человек. Человек в голубой униформе с тонким бледным лицом.

И с ярко-рыжей копной волос, По просеке шагал почтальон. Судя по всему, ему пришлось пробираться сквозь заросли кустарников от контрольной полосы, которая пересекала долину в южной ее части, тем не менее на форме его не было ни пятнышка, на кепке – ни хвоинки, ни листика, а пуговицы кителя сияли, словно только что начищенные. В руке он держал конверт.

– Доктор Дэнис Холмен? – ровным негромким голосом произнес почтальон.

Профессор кивнул.

– Вам письмо. – Он протянул профессору конверт, а потом многозначительно посмотрел на Билли. На лице его появилась та же неприятная улыбка, которая напугала Билли тогда, у почтового ящика. Мальчик снова ощутил страх и слабость в коленках. Сердце заколотилось. Он бросил взгляд в сторону Лейна, но тот глядел в другую сторону – на обнаженную до пояса молодую женщину в толпе студентов.

Билли заставил себя смотреть только на профессора, стараясь не обращать внимания на почтальона с его взглядом, полным каких-то грязных намеков.

Доктор Холмен распечатал письмо и быстро пробежал глазами его содержание.

– Наши фонды увеличиваются! – объявил он. – Университет решил оказать поддержку нашему исследовательскому проекту.

Послышался гул одобрительных голосов.

– Благодарю вас, – с улыбкой кивнул профессор почтальону. – Это самая лучшая новость за весь семестр!

– К вашим услугам, – откликнулся рыжеволосый мужчина.

Билли подумал, что обычно после этих слов люди прощаются и уходят, но почтальон даже не двинулся с места. Он сцепил руки за спиной и стоял, молча, оглядывая лагерь и все, что в нем находилось. Выражение его лица оставалось подчеркнуто нейтральным, нельзя было уловить и тени эмоций, но во всей этой позе сквозило какое-то высокомерие. Билли не сомневался: почтальон внимательно оценивает все, что находится перед его глазами, и испытывает удовольствие от того, что это не соответствует каким-то стандартам. Билли даже показалось, что тот просто злорадствует, хотя внешне это никак не проявлялось.

Почтальон обвел взглядом студентов, не пропустив ни одного лица, и снова уставился на

Билли.

Мальчика прошиб пот. Он почувствовал, как тоненькие противные струйки потекли по бокам. На лбу выступила испарина. Он вытер ее ладонью. Было довольно жарко, но не настолько, и Билли с трудом сглотнул, испытывая непреодолимое желание спрятаться, бежать отсюда куда глаза глядят. Но он не мог даже пошевелиться. Он словно примерз к земле от этого взгляда, от каких-то туманных обещаний, крившихся за подчеркнуто невинной улыбкой. Не было сил даже повернуть голову и посмотреть на Лейна.

Почтальон кивнул ему как своему знакомому.

Кивнул так, словно хотел сказать: «Я знаю, о чем ты думаешь». Потом повернулся и направился прямо в лес – туда, откуда вышел.

– Мы получили деньги! – с энтузиазмом воскликнул профессор. – Наконец-то мы получили деньги! – Он гордо взмахнул конвертом. – Теперь мы сможем развернуться как следует.

– Здорово, правда? – Лейн пихнул Билли локтем. – Наверняка и у нас работы прибавится!

– Да, здорово, – согласился Билли. Но думал он вовсе не о профессоре и археологии.

Его взгляд и мысли были прикованы к той точке между деревьями, где мгновение назад бледная рука почтальона неторопливо и с любовью помахала ему, посылая прощальный привет.

7

Ховард приехал ровно в семь вечера. Было еще светло, хотя синеву неба на востоке постепенно вытеснял пурпур. Билли сидел на диване и смотрел какой-то сериал, когда появилась Трития, выключила телевизор и погнала его наверх. Мальчик жалобно запротестовал, но тем не менее отправился к себе. В компании взрослых он чувствовал себя неуютно и обычно скрывался, когда в доме появлялись родительские приятели. Глядя вслед громко топающему по лестнице сыну, Триш улыбнулась. Она сама была такой в его возрасте.

– Я тебя позову, когда будет готов ужин, – проговорила она, ему в спину. – Спустишься и поешь.

– Ладно.

Дуг пошел открывать дверь.

– Только не заводи разговор про Боба, пока он сам не начнет, – предупредила Триш. – Мы должны приподнять ему настроение, отвлечь от тяжелых мыслей.

– Знаешь ли, я еще не полный кретин, – откликнулся муж.

– Я просто пытаюсь противостоять влиянию Хоби Бичема, – усмехнулась она.

– Спасибо.

Триш поспешила на кухню, чтобы проверить, как дела на плите, а Дуг вышел на веранду как раз в тот момент, когда Ховард поднялся по ступенькам.

– Очень рад, что вам удалось выбраться, – приветствовал он старика.

– Рад вашему приглашению, – ответил почтмейстер. На нем были новые темно-синие джинсы, ковбойка в бело-розовую полоску и агатовый галстук-шнурок с пестрым зажимом. Его ботинки сияли, а волосы, зачесанные назад, поблескивали от геля. В руке Ховард держал по-праздничному упакованную большую бутылку.

– Проходите, – пригласил Дуг, отступая назад. Ховард вошел в гостиную. Трития уже успела снять фартук и торопилась навстречу гостю.

Она тоже принарядилась в черное декольтированное платье, к которому добавила бирюзовый браслет и ожерелье. В ее ушах поблескивали серебряные антикварные серьги. Каштановые волосы она уложила замысловатым узлом.

– Спасибо, – проговорила она, принимая подарок. – На самом деле не надо было ничего приносить.

– Мне захотелось, – просто ответил Ховард, оглядел ее и оценивающе покачал головой. – Сегодня вы просто великолепны! Говорил раньше и не устану повторять, – продолжил он, обращаясь к Дугу – вы счастливейший человек!

Трития зарделась и, развернув упаковку, повернула бутылку этикеткой к себе.

– Шампанское! – Потянувшись, она чмокнула Ховарда в щеку. – Большое спасибо. Значит

придется отказаться от «Доктора Пеппера»! Вы пока займитесь собой, – предложила она мужчинам. – Я подам закуски.

С бутылкой в одной руке и оберткой в другой Триш направилась в кухню.

Дуг предложил Ховарду располагаться в креслах, стоящих у дивана, потом сел сам. Было жарко, несмотря на открытые окна и работающий вентилятор. Со второго этажа послышалась знакомая мелодия из сериала, который досматривал Билли. Дуг улыбнулся и встал.

– Прошу прощения, – произнес он и подошел к лестничному пролету. – Сделай потише! Слишком громко! – прокричал он, задрав голову вверх. Телевизор забубнил, а потом и вовсе затих. – Билли, – пояснил он, возвращаясь к Ховарду. На языке вертелось множество вопросов, но Дуг не знал, как поделikatнее подойти к интересующей его теме. Он прокашлялся и решил ломануть напрямик, надеясь, что вопрос прозвучит не слишком заинтересованно.

– Как там наш новый почтальон? Он по-прежнему у вас живет?

– Да, – кивнул Ховард. – Но мы с ним почти не видимся. Вы же понимаете. Я человек пожилой, ложусь спать пораньше, а встаю позже. Наши жизненные ритмы не совпадают:

– И все-таки, что вы можете про него сказать?

В этот момент вошла Триш и поставила перед ними на маленький столик тарелку с сырными блинчиками.

– Сейчас принесу шампанское, – весело сообщила она и послала мужу предупреждающий взгляд, который Дуг предпочел не заметить.

– Каждый взял по блинчику.

– У-м-м-м-м! – протянул Ховард, закрывая глаза. – Единственное, чего мне не хватает после отъезда Мюриэл, – домашней готовки.

Мороженая еда и хот-доги в какой-то момент начинают сильно надоедать.

– Вы сами не готовите? – спросила Триш, возвращаясь с двумя бокалами шампанского.

– Стараюсь, но не получается.

Триш весело рассмеялась и пошла на кухню за третьим бокалом.

– Так что вы скажете про нашего почтальона? – повторил Дуг. – Я заметил, он очень рано привозит почту. Боб обычно приезжал около двенадцати. А теперь мы едва успеваем позавтракать, как он уже здесь.

– Джон начинает рано. Уходит, когда я еще сплю. Заканчивает весь маршрут к одиннадцати утра и остается на работе до четырех. – Ховард взял второй блинчик и положил его в рот. – Он еще не показывал мне свой рабочий табель – должен на этой неделе, вот когда покажет, узнаю, сколько часов в день он себе записывает. Больше восьми ему не положено. Но, по-моему там будет часов по десять – одиннадцать.

– Вам не кажется это немного странным? – заметил Дуг. – Я имею в виду столь раннюю доставку.

Триш, усаживаясь рядом, послала ему еще один предупреждающий взгляд.

– Да, Джон немного странный. Но работник хороший. Все выполняет качественно и в срок. И постоянно ищет, чем бы еще заняться. В наши дни это редкость. О лучшем почтальоне я и мечтать не мог.

Дуг кивнул. Голос Ховарда звучал как-то странно. Казалось, почтмейстер повторяет заученный текст и говорит то, что должен сказать а не то, что думает. Впервые за все время знакомства Дуг заподозрил в нем отъявленного лицемера.

Он поймал взгляд жены и понял, что она тоже это заметила.

Но Триш решила не развивать подобную тему и ловко перевела разговор на нечто более нейтральное. И Дуг не стал ей мешать.

* * *

Ужин удался на славу. Билли спустился вниз, положил на тарелку все, чего захотел, и ушел обратно. Остальные не торопясь наслаждались кулинарным искусством Триш, которая приготовила салат из кукурузы, какое-то исключительное жаркое в винном соусе, а на гарнир – картофель с чесноком, запеченный в сметане.

Потом она подала еще теплый хлеб домашней выпечки, нарезанный тонкими ломтиками;

они исчезли в мгновение ока.

– Даже не помню, когда меня кормили такой вкуснятиной, – расплылся в блаженной улыбке Ховард.

– Я тоже, – поддакнул Дуг.

– Вот и радуйся, пока есть возможность, – не замедлила подковырнуть его Триш. – Наша месячная квота на мясо закончилась.

– Она просто помешалась на рациональном питании, – пояснил Дуг. – Перед вами семья, озабоченная своим здоровьем.

– Человеческий организм нуждается в поддержке. Если бы ты больше занимался физическими упражнениями, можно было бы иногда расслабиться. Но ты ведешь сидячий образ жизни. И единственное, что мне остается, – следить за твоим питанием.

Ховард усмехнулся.

Билли спустился вниз, поставил тарелку на стол, застенчиво улыбнулся почтмейстеру и вернулся к себе. Шампанское они допили, и Триш принесла мужчинам пиво. Сама она пила чай со льдом.

Застольная беседа иногда прерывалась. Но хозяева терпеливо ждали, когда Ховард сам затронет болезненную тему. Прикончив вторую бутылку пива, почтмейстер опустил голову и заговорил, гоня вилкой по тарелке картофельную кожуру.

– Я все думаю, почему Боб так поступил.

Это единственное, что до сих пор не дает мне покоя. Вы же знали Боба. У него был легкий характер. Он никогда глубоко не переживал.

Ему нравилась его работа, он любил жену. И ведь ничего не произошло! Никакой катастрофы, никаких событий в семье, ничего такого, что могло бы толкнуть его на подобный шаг. Да и вообще, если бы его что-то мучило, он бы со мной обязательно поделился. – Ховард прокашлялся и продолжил:

– Я был его лучшим другом.

– Да, я знаю, – мягко произнесла Триш и провела ладонью по его руке.

Почтмейстер потер нос тыльной стороной кисти, стараясь удержаться от слез.

– Элен очень тяжело переживает. Даже тяжелее, чем я думал. Она мне всегда казалась очень сильной женщиной. – Ховард печально улыбнулся, бездумно комкая в руках салфетку. – Боб обычно говорил про нее «Моя скала».

Недавно я заходил к ней. Она по-прежнему на транквилизаторах. Врач пичкает ее чем-то, не знаю, как называется. Говорит, это единственный способ ее успокоить. Мальчишки сами ведут хозяйство, но и им уже становится невмоготу. Они задают себе тот же вопрос, что и я, и тоже никак не могут найти ответа.

– Они хотят остаться в своем доме? – спросил Дуг.

– Я посоветовал им уехать, – кивнул Ховард. – Хотя бы на время. Там все напоминает о происшедшем, а Элен это совсем не на пользу.

Дуг внезапно представил себе, как каждое утро мальчишки принимают душ в той самой ванне, где в луже крови нашли труп их отца, берут мыло с мыльницы, которая была забрызгана мозговым веществом и осколками раздробленного черепа, потом подумал, как может Элен, например, принимать ванну и ни о чем таком даже не вспоминать.

– Все будет хорошо, – сказала Триш.

– Мне очень его не хватает, – глухо продолжил Ховард. – Очень не хватает. – Он глубоко, прерывисто вздохнул. – Просто не представляю, как мне теперь жить. Особенно по субботам, понимаете? Не представляю, к кому обратиться за советом, с кем куда-нибудь пойти... Черт! – И старик залился слезами.

* * *

После ужина все вышли на веранду. Воздух был жарким и влажным, как перед дождем. В круге света от уличного фонаря мелькали темные силуэты летучих мышей. Из соседнего дома доносились характерные звуки электрической ловушки для насекомых, мгновенно поджаривающей своих жертв.

– В детстве мы охотились на летучих мышей, – заговорил Дуг. – Прикрепляли к фонарному столбу леску с крючком, а на крючок насаживали какой-нибудь листик. Мыши принимали его за жука и накидывались. Не поймали ни разу, – усмехнулся он, – хотя очень старались. Не знаю, что бы мы с ними делали, с пойманными.

– Да, в детстве делаешь много глупостей, – согласился Ховард. – Помню, мы стреляли по кошкам из пробковых ружей. Причем не по диким или бродячим, а по всем, что на глаза попадались. – Допив последний глоток пива, он отставил бутылку. – Теперь даже трудно представить, что я мог быть таким жестоким.

Они замолчали. Сил, чтобы поддерживать разговор, ни у кого не осталось. На востоке, над гребнем холма, полыхали зарницы, высвечивая низкие темные облака. Гроза, как это часто бывает летом, готовилась разразиться ночью и оставить наутро после себя влажную духоту, которая резко увеличит число посетителей кинотеатров с кондиционированием воздуха и погонит людей на природу – к ручьям и озерам. Все посмотрели на небо. Ночь выдалась безлунная.

Несмотря на надвигающуюся грозу, над головой сияли мириады звезд. Просто мечта астронома.

Дуг подался вперед. Кресло закрипело под его тяжестью.

– А где сегодня Джон Смит? – Имя нового почтальона прозвучало какой-то нелепицей. – Он уже дома?

– Не знаю. – Пиво немного развязало Ховарду язык. Он покачал головой – едва различимое движение в густеющих сумерках. – Обычно он так рано не возвращается. По вечерам уходит из дома, но где он бывает и что делает – понятия не имею. Мне кажется, иногда он вообще дома не ночует.

– Почему вы так думаете?

– В последнее время у меня началась бессонница. Устаю жутко, но сон все равно не идет.

– Это понятно, – вставила Триш.

– Да, иногда я даже встаю и брожу по дому, просто чтобы чем-то заняться. Прошлой ночью, например, решил сходить на кухню, выпить апельсинового соку. И проходя мимо, заметил, что его дверь открыта. Ну, я заглянул. Кровать застелена, его самого нет. Это было в третьем часу ночи.

– Может, завел подружку? – предположила Триш.

– Может, – с сомнением в голосе согласился Ховард.

– А вы вообще видели его когда-нибудь спящим? – спросил Дуг.

– Что за странный вопрос! – нахмурилась Триш.

– И все же?

– Нет, – помолчав, ответил почтмейстер. – Насколько я помню – никогда.

– Ну хоть постель разобранной видели?

Ховард отрицательно покачал головой и добавил:

– Но он остается дома по воскресеньям.

Даже дверь не открывает. Словно на него спячка нападает. Наверное, отсыпается.

– Весь день?

– Не уверен, – пожал плечами Ховард. – Может, и нет. Может, еще чем-то занимается. По понедельникам с утра выглядит очень уставшим.

Дуг почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. Он не понимал, почему заговорил на эту тему, но что-то в новом почтальоне не давало ему покоя. Что именно, он не мог объяснить.

– А вы не получали на него жалобы?

– Ни одной.

Ответ немало разочаровал учителя. Он очень надеялся, что соседи тоже испытывают неприязнь к Джону Смиту и что либо добрые воспоминания о Ронде, либо какие-то очевидные особенности в поведении заставят общественное мнение вынести прищельцу отрицательный вердикт.

– Более того, – продолжил Ховард, – люди очень довольны его работой. Даже не припомню, когда у нас на почте царило такое оживление. Люди стали отправлять больше

писем, стали покупать больше марок. Я не очень-то понимаю, в чем дело, но у всех какое-то приподнятое настроение. – В голосе его прозвучала горечь. – Все это замечательно, кто бы спорил, и мне грех жаловаться, но, по-моему, то, что сейчас происходит, направлено против Боба.

Нет, никто про него ничего плохого не говорит.

Наоборот. Все сочувствуют, вспоминают только хорошее. Но с другой стороны, когда появился Джон, люди стали счастливее. – Он помолчал некоторое время, потом заговорил с убежденностью. – Боб был замечательным письмоносом. Лучшим из всех, кого я знал и с кем приходилось работать. И я не могу отделаться от ощущения, что его предали.

Дуг с Тритией молчали.

Ховард встал и подошел к перилам. Разглядывая зелень, окружающую дом, он заговорил опять.

– Джон – хороший работник. Вежливый, трудолюбивый. Отлично делает свое дело. – Почтмейстер говорил едва слышно. Дуг и Трития едва разбирали слова. – Но мне он не нравится. Не знаю, почему, видит Бог, но вот не нравится человек – и все. Совсем не нравится.

* * *

Ховард уехал в начале одиннадцатого. Дуг предложил довезти его, но тот отказался, сказав, что ни капельки не пьян. Действительно, на ногах он держался крепко и речь его была внятной. В конце вечера все выпили по чашечке кофе.

Потом Трития и Дуг стояли на крыльце и смотрели, как исчезают за деревьями рубиновые хвостовые огоньки машины почтмейстера.

Дуг попытался поговорить насчет почты, о том, что, по его мнению, почтальон теряет кое-какую корреспонденцию, но Ховард уже замкнулся и только сказал, что это совершенно естественное дело. На почте, словно на море, есть свои приливы и отливы. Поток писем никогда не бывает постоянным. Дуг возразил, что в данном случае имеются определенные странности.

Они перестали получать счета и рекламные листовки. Исчезло все, что может вызвать негативную реакцию. Случайное совпадение, сказал Ховард, и Дуг не стал спорить, хотя и не согласился. Доказательств у него нет. Но он решил не ждать больше, когда пришлют ежемесячные счета на оплату коммунальных услуг, и завтра же отправить чеки самостоятельно.

Супруги заперли входную дверь и решили помыть посуду завтра. Сверху доносилось громкое похрапывание Билли. Дуг улыбнулся. Сынишка всегда спал, как работающая лесопилка, храпел, словно глубокий старик. Трития выключила свет на кухне и отправилась в спальню.

– Тебе не кажется, что Билли с недавних пор ведет себя гораздо тише? – спросила она мужа.

– Не тише обычного.

– По-моему, его что-то тревожит. Он какой-то рассеянный. Сегодня вернулся от Лейна, я спросила, чем они занимались, а он мотнул головой и даже не удосужился ответить. Потом уселся и просидел до вечера у телевизора.

– Ну и что? – усмехнулся Дуг.

– Я серьезно. Может, ты спросишь, в чем дело? В конце концов ты его отец.

– Хорошо. Попробуем завтра поговорить. Не понимаю, что ты хочешь обнаружить, но...

– Просто хочу понять, что его беспокоит. Может, у него какие-то проблемы. Может, я все и придумала, но расспросить не повредит. Он же почти подросток, не забывай.

Дуг понял, что она имеет в виду, но решил не вдаваться в детали.

– Хорошо. Я поговорю с ним.

– Спасибо.

В спальне было темно. Свет они зажигать не стали.

– Надеюсь, Билли уже спит, – произнес Дуг.

Триш не ответила.

– И спит крепко.

Триш молча разбирала постель, шурша простынями. Вдали прогрехотал гром.

– Без света очень даже романтично, – проговорил Дуг, расстегивая рубашку. – Ты так не считаешь? Я...

В этот момент он почувствовал руку у себя между ног. Удивленный, он повернулся в полной темноте и натолкнулся на округлую мягкую плоть. Триш каким-то образом уже успела скинуть с себя всю одежду. Их губы встретились.

Ее влажный язычок нежно прошелся по его губам. Пальцы ее в это время расстегнули молнию и стянули вниз его брюки вместе с трусами. Дугу осталось только скинуть туфли и перешагнуть через упавшую на пол одежду. По-прежнему молча они подошли к кровати. Триш подтолкнула его, укладывая на спину. Он, не сопротивляясь, вытянулся во весь рост. Мягкие, нежные пальцы обхватили его член и стали массировать, возбуждая. Кровать заскрипела под тяжестью ее тела. В следующее мгновение она устроилась на нем верхом. Дуг почувствовал мускусный запах и ощутил на лице шерстку ее лобка. Слегка подвинувшись, он прикоснулся языком к влажной промежности, потом ввел язык дальше, в открывшиеся ему навстречу кисловато-сладкие глубины, в то время как она вобрала в рот его набухший член.

Прошло не менее часа, прежде чем они насладились друг другом. Давно уже они не развлекались подобным образом – не могли позволить себе столь длительное удовольствие.

Последний год постельные сцены по своей протяженности стали напоминать скорее рекламные паузы, нежели полнометражные художественные фильмы. Превратились в короткие любовные встречи, происходящие, когда оба были уверены, что Билли крепко спит или надолго ушел гулять на улицу. Даже после того, как Дуг провел с сыном просветительную беседу, они старались сделать так, чтобы мальчик не стал случайным свидетелем супружеских отношений. Но нынче они, как в старые добрые времена, занимались любовью не спеша, долго, с наслаждением. И все было замечательно.

Уставшие и удовлетворенные, они заснули голышом, не разжимая объятий.

8

Билли вышел из кинотеатра и, стоя на тротуаре, выглядывал отцовскую машину. Фильм закончился двадцать минут назад, и все уже разошлись. Автостоянка опустела. Даже билетерши и уборщицы успели закончить свои дела.

Куда же подевался отец?

Минут десять назад он позвонил домой. Родители Брэда и Майкла предлагали его подвезти, но мать сказала, что отец только что выехал.

Ну и где же он?

Последний из обслуживающего персонала кинотеатра сел в машину и вырулил со стоянки.

В салоне гремела рок-музыка. Динамики явно не были рассчитаны на такую громкость, поэтому хрипели и визжали. Теперь в дальнем углу стоянки маячил лишь чей-то брошенный одинокий пикап. Два источника освещения – над телефонной будкой и на столбе – одновременно мигнули и погасли.

Наступили темнота и тишина.

Нет, не полная тишина.

Откуда-то доносилось мягкое урчание.

Звук приближающейся машины.

Сердце Билли заколотилось. Он подошел к краю тротуара и посмотрел вдоль улицы – сначала в одном направлении, потом в другом. Ему очень хотелось увидеть машину своего отца, но ее нигде не было.

Зато к нему медленно приближался новый красный автомобиль.

Мальчика охватила паника. Он судорожно огляделся, ища укрытия. Но фасад кинотеатра, был, как назло, абсолютно плоским, без малейших выступов или ниш, в которые можно втиснуться. Вокруг не нашлось ни одного куста, за которым можно было бы спрятаться.

Люди, строившие кинотеатр, выкорчевали все деревья и кустарники и залили свободное пространство асфальтом. Он попался. Бежать было некуда.

Автомобиль въехал на стоянку. Правое стекло со стороны пассажирского сиденья медленно опустилось. На фоне темноты царящей в салоне показалось молочно-бледное лицо почтальона и его ярко-рыжие волосы.

– Подвезти? – с оттенком непристойной соблазнительности прозвучал ровный голос.

– За мной папа сейчас приедет, – ответил Билли, пытаясь унять бешеное сердцебиение.

– Твой отец не приедет, – ответил почтальон. Голос по-прежнему звучал сладко, но на этот раз Билли уловил в нем оттенок угрозы. Пассажирская дверца открылась. – Садись!

Билли отшатнулся.

– Твой отец больше никогда не приедет, – хохотнул почтальон. От того, как он произнес «никогда». Билли вздрогнул. – Залезай.

– Нет!

– Садись, тебе понравится! – Рука почтальона вытянулась из машины.

Она тянулась.

Тянулась и продолжала вытягиваться.

До тех пор, пока белые пальцы не сомкнулись у Билли на горле.

Билли закричал и проснулся от своего крика.

9

Готовить завтрак была очередь Дуга. Он возился с вафельницей, взбивал масло, а Триш тем временем ушла на улицу поливать огород.

Дуг машинально готовил смесь. От раздавшегося ночью вопля он дернулся, бросил все и помчался наверх, в спальню к сыну. Такой кошмар приснился Билли впервые. Даже после того, как они с Триш успокоили его, объяснили, что это только сон, мальчик оставался бледен, вздрагивал и явно не хотел оставаться один. Странно, но свой кошмар он при этом рассказывать отказался. Дуг настаивал, но Триш пихнула его в бок, как бы говоря, что для выяснения подробностей можно найти более подходящее время.

Досыпать Билли ушел на диван в гостиную.

Приготовив тесто для вафель. Дуг вышел в холл и выглянул в окно. Вчера вечером, перед приездом Ховарда, он отнес в почтовый ящик письмо. Большое подробное письмо Дону Дженнингсу, где рассказал обо всех перипетиях своей жизни за прошедшие десять лет. Красный флажок на почтовом ящике был опущен. Дуг посмотрел на часы. Шесть тридцать три. Каждый день почтальон появлялся все раньше и раньше. Даже в субботу. Хотя по субботам почта работала по сокращенному графику Дуг вышел на веранду, спустился с крыльца и направился к дороге. Вчерашняя гроза так и не разразилась, прошла мимо Виллиса, даже не удосужившись передать привет, но оставила после себя адскую влажность. Дуг вспотел, не успев дойти до почтового ящика. Металлическая дверца с лязгом упала. На месте его письма лежало другое – тонкий белый конверт с голубыми полосками, адресованный Триш.

– Мои помидоры!

Этот вопль был слышен, наверное, за милю.

Дуг поспешил к ней на помощь. Жена стояла посреди огорода со шлангом в руках.

– Копьеносцы опять пожрали все мои помидоры! – топнула ногой Триш. – Будь они прокляты!

Копьеносцы поедали рассаду третье лето подряд. В прошлом году помидоры успели побуреть и почти созрели, когда стадо этих мерзких тварей совершило набег на плантацию Триш. В нынешнем году Дуг смастерил хлипкую ограду, которая могла остановить в лучшем случае цыплят, и она, разумеется, не помогла.

– А другие посадки?

– Редиска цела, цуккини еще могут оправиться, огурцы в порядке, травы тоже, а вот кукуруза практически пропала. Проклятие!

– Что будем делать?

– После завтрака пересадим, что сможем.

Вот только поливку закончу.

– Можно поставить капканы, если хочешь.

Хоби знает, как это делать.

– Никаких капканов, – твердо заявила Триш. – И никакой отравы. Ненавижу этих мелких вредителей, но причиной их гибели быть не хочу.

– Огород твой, – пожал плечами Дуг и направился к крыльцу.

В доме слышались легкие шаркающие шаги. Войдя в дверь, Дуг замер на месте, шутливо разинув рот и изображая крайнее изумление. Билли ковылял в сторону кухни.

– Визам не верю! Чудо из чудес!

– Отстань, – буркнул сын.

– Неужели ты смог подняться?

– В туалет хочу.

– погоди, – уже серьезно продолжил Дуг.

Билли остановился.

– Как ты себя чувствуешь?

Мальчик некоторое время смотрел на него непонимающим взглядом, потом, явно вспомнив свой ночной кошмар, устало кивнул и скрылся в ванной комнате.

Дуг положил конверт на кофейный столик рядом с диваном и открыл холодильник. Он достал масло и джем, потом из стенового шкафа – мед и ореховую пасту. Все это он разместил на кухонном столе рядом с тремя тарелками. Посуда, оставшаяся после вчерашнего ужина, по-прежнему лежала в раковине, но Дуг резонно решил, что все можно будет помыть после завтрака. Далее он взял уже горячую вафельницу, положил в нее ломтик масла и плотно закрыл.

Вафельница тихо зашипела, испуская знакомый густой аромат.

В туалете зашумела вода, затем хлопнула дверь. Билли напрямик направился в холл, где моментально включил телевизор.

– Телевизор с утра пораньше, да еще в субботу! – возмутился Дуг. – Какие глупости!

Билли откровенно проигнорировал замечание и поудобнее устроился на диване, уткнувшись в какой-то мультик.

Дуг доставал первую порцию вафель, когда вернулась сердитая Триш.

– Хочешь? – предложил он.

– Отнеси лучше Билли, – покачала головой жена.

– А почему бы нам не устроить сегодня пикник? – продолжил Дуг, перекладывая вафли на тарелку. – Днем все равно будет жарко. Можно поехать на Чистый ручей.

– Неплохая мысль, – откликнулся с дивана Билли.

Триш посмотрела на сына, потом откинула со лба челку и согласно кивнула.

– Очень хорошо. Так и сделаем.

* * *

Они решили пойти пешком через лес. Этот путь был короче, а кроме того, вел к местам, куда обычно не забредали такие же желающие отдохнуть у воды. Триш сделала сэндвичи из домашнего хлеба с салом и сыром. Дуг уложил всю провизию в сумку-холодильник, которую понес сам.

Билли и Триш достали складные кресла.

Справа от тропы ровный пологий склон постепенно становился все круче. Земля и песчанник уступали место темным гранитным глыбам. Менялась и растительность. Сосны и толокнянка постепенно уступали место осинам и акации. По скалам тянулись заросли дикой малины перемежку с папоротниками, хвощами и ядовитым сумахом. Тропинка, поросшая по обеим сторонам мелкими красными цветочками, неторопливо спускалась по склону к берегу ручья.

Ручей они слышали раньше, чем увидели, – низкий непрекращающийся рокот, странно напоминавший раскаты грома. Постепенно за шумом воды стали различимы голоса птиц и гудение насекомых. На этом отрезке берег утопал в зарослях молодых осин, тополей и платанов. Они пробивались между нагромождениями валунов, которые сами по себе напоминали второй поток, бегущий параллельно ручью. Пришлось потратить немало времени, чтобы найти среди этого хаоса относительно ровный участок, причем недалеко от воды.

Наконец все устроились. Билли моментально запустил лапу в холодильник, выудил банку коки и вместе с ней помчался к ручью. Для ребенка уровень воды был достаточным. Наплескавшись вволю, Билли немножко поплавал по-собачьи между валунами, взметая тучи брызг. Потом это занятие ему надоело, и он побрел вверх по течению.

– Не уходи далеко! – прокричала вслед Триш.

– Ладно! – лениво откликнулся мальчишка.

Дуг развалился в кресле с последним романом Джойс Кэрол Оутс в руках. Он считал Оутс довольно претенциозной и фальшивой личностью, а большинство ее сочинений – скучными и невероятно растянутыми, но как художник она производила на него неотразимое впечатление. Поэтому Дуг проглатывал каждую ее новую книгу – будь то роман или сборник рассказов, – как только она появлялись. Он был настоящим фанатом. – «Странно все как-то получается», – думал Дуг. Хоби, например, в отличие от него был страстным поклонником Клинта Иствуда. Тем не менее Дугу нравилось гораздо больше фильмов с участием Иствуда, чем Хоби.

Жизнь полна парадоксов.

Таким же парадоксом был новый почтальон.

Дуг терпеть не мог этого человека, но, как уже рассказывал Ховарду, именно он принес такое количество добрых известий, какое они никогда в жизни не получали. Да, разумеется, почтальон не имеет никакого отношения к содержанию почтовых отправок. Если посыльного нельзя обвинять в содержании послания, то и поздравлять его не за что, тем не менее очень трудно не связывать одно с другим.

Дуг покосился на Тритию, которая мирно любовалась каменистым речным пейзажем. Его удивляло, что жена не испытывает никакой неприязни к новому почтальону, что она не обращает внимания на явную неестественность, сквозящую в его внешности. Обычно Триш гораздо чувствительнее к вещам подобного рода.

Она моментально подмечает любые странности и тут же выносит свое суждение, основываясь исключительно на интуиции, которая, как правило, ее не подводит. Непонятно, что случилось на этот раз?

Дуг раскрыл книгу, лежащую на коленях. Почему он постоянно думает о почтальоне? Эти навязчивые мысли его уже беспокоили. Надо заставить себя переключиться. Прекратить взвинчивать себя и найти какое-нибудь другое занятие. Например, заняться своим сараем.

Но Ховарду почтальон тоже не нравился.

Это еще ничего не значит. Два отрицательных мнения об одном человеке не дают основания полагать, что данный человек несет в себе зло.

Зло.

Зло.

Вот именно. Дуг едва не произнес это слово вслух. Со дня похорон, когда он впервые увидел нового почтальона, это слово постоянно крутилось на задворках его сознания. Такое простенькое, примитивное... Тем не менее оно наиболее точно описывало таинственную ауру окружающую Джона Смита.

Этот человек был персонификацией зла.

– О чем задумался? – окликнула мужа Триш.

– Ни о чем, – солгал Дуг и уткнулся в книгу.

– И все-таки? – не унималась Триш.

– Перестань, пожалуйста. – Дуг чувствовал, что жена смотрит на него, но решил не обращать внимания. Напротив, он сосредоточился на словах, на значении слов, на смысле, который стоит за этим значением, – короче, попытался забыть над текстом. К счастью, ему это удалось. Как в детстве ребенок, притворяясь перед родителями, что спит, незаметно для себя засыпает, так и он увлекся чтением, делая вид, что читает.

Минут через десять – пятнадцать послышался голос Билли – сначала едва различимый за плеском воды, потом более отчетливый. Дуг поднял голову.

– Папа! – Билли торопливо шлепал посередине ручья, взметая фонтаны брызг. Он был мокрый с ног до головы – вода капала с разметавшейся челки, с голых пальцев, сжимающих мокрые конверты. Его глаза блестели от возбуждения, словно он только что наткнулся на золотую жилу или обнаружил закопанные несметные сокровища. – Папа!

Дуг запомнил страницу, которую читал, и захлопнул книгу.

– В чем дело?

– Иди сюда! Ты должен это увидеть!

Дуг бросил на Триш вопросительный взгляд.

– Вставай-вставай, займись хоть немного ребенком! Забыл, о чем мы с тобой говорили? И вообще прекрасная погода. Не обязательно сидеть весь день, уткнувшись носом в книжку.

– Так вот у кого он учится! – патетически воскликнул Дуг, поднимая указательный палец. – Вот он, воинствующий антиинтеллектуализм, который грозит захлестнуть всю страну!

– Зануда.

– Прекрасно. Но если Билли пойдет работать на бензоколонку – ты будешь виновата. Бог свидетель, я делал все что мог. – Дуг положил на закрытую книжку бумажник и направился к сыну. Мелкие коричневые кузнечики испуганно разлетались из-под ног при каждом его шаге.

– Ну, в чем дело? И что это за конверты?

– Пойдем, и увидишь сам!

– Где это?

– Немного вверх по течению.

– Я же промокну!

– Не будь, как маленький, – рассмеялся Билли. – Пошли!

Дуг осторожно пощупал воду ногой. Пожалуй, немного холодновата.

– Загадочное дело! – с таинственным видом сообщил ему Билли, помахивая конвертом. – Там, где я это нашел, еще много такого!

Дуг вошел в ручей. Вода и вправду была холодной, но в самых глубоких местах доходила только до середины бедра. Билли двинулся вперед, и ему ничего не оставалось делать, как следовать за сыном.

Они миновали один поворот, затем – другой. Скалы вокруг становились круче, ручей глубже, а камни на дне – все более и более скользкими. В прозрачной воде на некоторых из них можно было различить маленькие черные пятнышки. Пиявки.

– Не думал, что ты заберешься так далеко, – проговорил Дуг. – Мне это не нравится. Здесь слишком опасно.

– Да все в порядке!

Дуг чуть не поскользнулся и ухватился за верхушку камня. Билли шел уверенно и спокойно.

– Ты бы сообщал кому-нибудь, если уходишь из поля зрения. Можешь ведь упасть, разбить голову, а мы и не узнаем.

Билли подошел к очередной излучине.

– Вот это место.

Дуг догнал его, посмотрел в указанном направлении и замер.

Оба берега ручья были буквально засыпаны конвертами. Белыми, коричневыми, желтоватыми, бежевыми. Сотнями конвертов. Они как прямоугольнички снега или грибы причудливых геометрических форм, покрывали землю, лежали на кустах, виднелись в расщелинах между камнями. Большинство из них были сырыми, с потеками и пятнами грязи. Некоторые зацепились за ветки близстоящих деревьев.

– Странное дело, да? – взволнованно повторил Билли и тряхнул ветку. Сверху посыпались письма. Дуг поднял несколько конвертов.

Счета. Он моментально узнал их по обратному адресу и целлофановым окошечкам, в которые виднелись отпечатанные на компьютере фамилии, номер дома, название улицы, город, штат и почтовый код получателей. Он огляделся.

Большинство конвертов имели стандартную квадратную форму. В таких обычно отправляют счета, подлежащие срочной оплате, и прочие неприятные известия.

Дуг стоял, в оцепенении переводя взгляд с дерева на дерево, ветки которых словно поросли белыми бумажными листьями.

Почтальон выбрасывал почту в ручей.

Но Дуг словно боялся окончательно себе в этом признаться. Зачем почтальону понадобилось поступать таким образом? В чем смысл?

Странность этого поступка путала. Чего хотел добиться Джон Смит? Безумие. Если ему просто надо было избавиться от писем, он мог сжечь их или закопать в каком-нибудь более подходящем месте. Дуг огляделся. Отсюда до дороги – больше мили пешком. Никаких подъездных путей нет и быть не может. При этом надо нести с собой почтовые сумки.

Он посмотрел на Билли. Видимо, на лице его было написано нечто такое, от чего сынишка выронил зажатые в кулаке конверты. В глазах мальчика промелькнул страх.

Трития удобно устроилась в кресле, закинув голову и подставив лицо солнечным лучам. Она любила, лежа на спине, наблюдать за облаками, за их бесконечными изменениями, находить в их динамичных формах разные фигуры. До чего же выразительные облака в Аризоне! Трития выросла в Южной Калифорнии, на берегу Тихого океана, под райской небесной голубизной.

В Калифорнии облака вели себя иначе. Их либо не было вовсе, либо они моментально затягивали все небо серым одеялом. И чтобы понаблюдать такую богатую небесную игру, как в Аризоне, приходилось ловить момент. Сейчас на фоне ярко-синего неба клубились облака ослепительной белизны. Триш даже казалось, что они искусственные.

– Триш!

Неожиданно серьезный голос мужа заставил ее резко выпрямиться. В первую очередь она подумала, что Билли упал и сломал себе руку или ногу, но они возвращались оба – целые и невредимые. Впрочем, Билли казался не таким возбужденным, как раньше. Выглядел он немного... испуганным.

– Что случилось?

– Пойдем, ты сама должна посмотреть, – проговорил Дуг, выходя на берег.

– Это обязательно? – кокетливо переспросила она, вставая и поправляя торты. Но получив в ответ слабое подобие улыбки, сразу посерьезнела. – В чем же дело?

– Так, ерунда. Впрочем, не совсем ерунда, но ничего серьезного.

– Да что такое?

– Я должен тебе это показать. Пойдем.

Полная недобрых предчувствий, Триш спустилась к воде и крепко взяла мужа за руку.

Втроем они двинулись вверх по ручью – мимо скользких камней, навстречу бурлящим потокам, вдоль береговых излучин. Русло сузилось, и им приходилось постоянно отводить ветки, норовящие хлестнуть по лицу.

– Надеюсь, я не сошел с ума, – проговорил Дуг, подходя к очередному повороту. Но прежде чем Триш успела спросить, что кроется за этим таинственным высказыванием, она увидела, ради чего они притащили ее сюда, – сотни конвертов, усеивающих землю, кусты и деревья. У Триш сжалось сердце. Это было похоже на сказочную страну, словно ручей заколдовал какой-то добрый или злой волшебник. Она застыла столбом посреди ручья. Вода журчала, обтекая коленки. Картина была настолько нереальной, настолько странной, что она даже не знала, что и подумать. Она взглянула на мужа и поняла, что он тоже чувствует страх. Ощущение это радости не вызвало, но принесло некоторое облегчение – она не одна такая. Все стояли, держась за руки.

По выражению лица Билли было ясно, мальчик тоже понимает: здесь что-то не так.

– Подъехать сюда нельзя, – заговорил Дуг. – Ему пришлось идти пешком и таскать с собой неизвестно сколько мешков с почтой. Думаю, он вытряхивал их вон оттуда, – он показал рукой на одну из скал. – Это единственное объяснение, почему конверты так разлетелись и почему повисли на ветках.

– Но зачем? – недоуменно спросила Триш.

– Не знаю, – покачал головой Дуг.

Легкий ветерок пробежал по макушкам деревьев. Ветки качнулись, роняя на землю разноцветные конверты. Все трое молча и неподвижно следили за тем, как письма кружились и падали к их ногам.

было ни дома, ни на службе. Или он просто не подходил к телефону. Дуг подождал пятнадцать звонков, прежде чем положить трубку.

– Как только Ховард узнает, он немедленно уволит этого парня, – проговорил он, обращаясь к Триш. – Мешать работе почты – государственное преступление. Его посадят в тюрьму Дуг очень на это надеялся.

Несколько конвертов из тех, что валялись около ручья, они взяли с собой. Они попытались найти собственную корреспонденцию, но среди такого количества писем сделать это было практически невозможно. В результате Дуг подобрал счета, адресованные хотя бы знакомым людям. Конверты остались лежать в машине. Он планировал предъявить их Ховарду в качестве вещественного доказательства.

Всю вторую половину дня Дуг пытался дозвониться почтмейстеру. В промежутках пытался читать, слушать радио, даже приступил к постройке сарая, но из-за перевозбуждения не мог толком ни на чем сосредоточиться.

На ужин Триш приготовила спагетти. Билли поворчал, потому что макароны были домашнего изготовления, с травами и овощами с собственного огорода, тем не менее быстро умял свою порцию, после чего пробурчал:

– В следующий раз лучше приготовь рагу, как все нормальные люди.

– Это гораздо лучше, чем то, что можно купить в магазине, – заметил отец.

– И гораздо полезнее для здоровья, – добавила мать.

Билли скорчил гримасу.

После ужина Дуг опять собрался позвонить Ховарду, но, сняв трубку, обнаружил, что телефон молчит. Он потряс его, постучал по рычажкам, но без толку.

– Что-то у нас с телефоном, – сообщил он. – Кто последний звонил?

– Ты сам и звонил, – напомнила Триш, вытирая со стола.

– Пойду попробую из спальни. – Но трубка в спальне тоже была мертва. Ударив ею по ночному столику. Дуг снова поднес ее к уху – ничего не изменилось. Чертыхнувшись, он бросил ее на рычаг. «Завтра по дороге на почту придется заехать еще и на телефонную станцию», – подумал он, уставившись на беленький аппарат. Дуг терпеть не мог общаться с телефонистами. Каждый раз, когда он заезжал к ним, он обнаруживал человек пять слоняющихся без дела ремонтников, заигрывающих с приемщицей. Но как только он просил кого-нибудь из них подъехать и устранить неисправность, оказывалось, что надо ждать как минимум два-три дня, независимо от того, насколько серьезной могла быть проблема.

– Ну как? – спросила Триш, когда он вернулся в гостиную.

– Никак.

– Что же, до завтра все равно ничего не сделаешь, – вздохнула жена, перегружая тарелки в раковину. – Будешь мыть или вытирать?

– Вытирать, – устало ответил Дуг.

Она протянула ему кухонное полотенце.

По телевизору сегодня смотреть было нечего. Закончив с посудой, они решили поставить видео.

– То, что всех устраивает, – предложила Триш.

– Я пойду смотреть шоу, – заявил Билли, направляясь к себе наверх.

– Я же говорю: то, что всем нравится, – повторила мать.

– А я говорю, что шоу лучше, чем ваши фильмы, – парировал сын.

– Шоу лучше, чем фильмы, – повторила Триш, покосившись на мужа. – Ты слышал?

Что-то мы безнадежно упустили в его воспитании.

– Да ладно тебе, – усмехнулся Дуг. – Что будем смотреть? «Глубокую глотку»? Или «Жрицы любви»?

– Тихо ты, – пихнула она его в бок. – Билли может услышать.

– А я и слышу, – прокричал сверху Билли.

– Понял? – Триш взяла со стола список фильмов. – Давай посмотрим «Энни Холл». Сто лет его не видела.

– Хорошая мысль. – Дуг встал и подошел к книжному шкафу. Склонив голову набок, он принялся изучать корешки кассет. «Энни Холл» была на одной кассете с «Призраками» и

«Пепелищем» – между двух фильмов ужасов, так что предстояло еще прокрутить пленку.

– Последний раз приглашаю, – громко возвестил Дуг, обращаясь к сыну. Билли даже не затруднил себя ответом.

Фильм оказался смешным и вполне уместным. Дуг был доволен, что они решили пересмотреть именно эту комедию. По крайней мере он сумел отвлечься от своих проблем.

Вуди как раз вошел в комнату Кристофера Уокена, чтобы договориться о ночной поездке, когда в доме внезапно отключился свет. Экран телевизора превратился в мутное пятно. Послышалось легкое потрескивание статического электричества и затухающее урчание видеоманитофона.

– Авария, – произнесла Триш и направилась в кухню. Вернулась она с коробком спичек и двумя свечами.

– Ты спустишься к нам? – спросила она Билли.

– Нет, я ложусь спать, – заявил он.

– В половине девятого?

– А что еще делать?

– Можешь спуститься вниз, почитаем при свечах, – в шутку предложил Дуг.

Билли издевательски фыркнул.

Дуг встал и подошел к окну. Трития поставила свечи в подсвечники и зажгла их.

– Странно, авария как бы на ровном месте, – проговорил Дуг, раздернув занавески. – Ни грозы, ни ветра. – Вглядевшись в темноту, он увидел между деревьями желтое мерцание огоньков. – Очень странно, – повторил он.

– Что?

– По-моему, у Нельсонов есть свет.

– Можно им позвонить.

– Телефон не работает, – напомнил он.

– Это заговор, – рассмеялась Триш.

– Приключение. Мы одни, отрезаны от всего мира. Так волнующе, правда?

– И так романтично! – добавила она, подходя к мужу и пристраивая свечку на подоконнике.

– Я еще не сплю! – громко сообщил сверху Билли. – Не занимайтесь ничем, за что вам потом будет стыдно!

Оба расхохотались. Триш обняла мужа за талию, притянула к себе и легонько прикоснулась губами к его губам.

– Потерпим, пока он заснет, – многообещающе прошептала она.

* * *

Среди ночи Триш проснулась с желанием сходить в туалет. Дуг спал рядом, слегка похрапывая. Осторожно, стараясь его не разбудить, она села, спустив ноги на пол. Синие мерцающие цифры кварцевых часов на шкафу показывали четверть четвертого. После занятий любовью она надела ночную рубашку и даже натянула трусики, тем не менее сейчас решила накинуть еще и халат. Триш никогда не любила разгуливать по дому голая. Полная луна светила сквозь матовое стекло ванной комнаты, как уличный фонарь. Триш задрала халат и рубашку, спустила трусики и уселась на стульчак. Совершив задуманное, опять натянула трусы, спустила воду и пошла на кухню что-нибудь выпить.

Ночь была тихой. Но за мелодичным поскрипыванием цикад и отдельными криками ночных птиц Триш слышался какой-то странный, менее натуральный звук. Низкое ровное урчание, которое то усиливалось, то затихало и постепенно приближалось.

Звук автомобильного двигателя.

Трития вошла в гостиную и выглянула в щель между неплотно задернутыми гардинами.

Кто может ездить здесь в такой час? Наверняка ни Нельсонам, ни Такерам, ни другим соседям это даже в голову не придет. Она раздвинула занавески пошире.

Прямо перед их домом остановилась красная машина почтальона.

Триш затаила дыхание и услышала рок-н-ролл, доносившийся из автомобильных

динамиков. Она увидела, как из открытого окна показалась бледная рука и открыла дверцу почтового ящика. Вторая рука вложила внутрь несколько писем. На фоне черноты салона отчетливо выделялось бледное пятно лица. Почтальон посмотрел в сторону Триш, словно не сомневался, что она здесь, хотя сквозь узкую щель да еще на таком расстоянии увидеть ее было практически невозможно. Он улыбнулся – медленно, с каким-то грязным намеком.

От такой улыбки леденела кровь.

Триш хотела отвести взгляд, уйти из его поля зрения, но боялась отпустить штору, чтобы этим движением не выдать свое присутствие.

Поэтому продолжала стоять. В щелку можно было увидеть один ее глаз и полоску щеки, тем не менее, Триш отчетливо понимала, что стоит перед незнакомым мужчиной почти голая, что ее рубашка задралась над трусиками. Унизительное чувство страшного смущения, словно ее застали за неприличным занятием вроде мастурбации.

Почтальон медленно покачал бледной рукой из стороны в сторону и уехал. Звук машины постепенно растворился в ночи.

Только сейчас Триш поняла, что все это время не дышала. Зажмурившись, она медленно набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула, стараясь расслабиться и прийти в себя.

Отпустив гардину, она некоторое время постояла в темноте, придерживаясь рукой за стол, чтобы не упасть. Потом вернулась в спальню и юркнула в безопасное укрытие под простыней, чувствуя себя гораздо увереннее рядом с теплым и крепким телом спящего мужа.

Теперь наступила полная тишина. Даже цикады перестали стрекотать. Она лежала в темноте, уставившись глазами в пространство до тех пор, пока не уснула.

И ей приснился новый почтальон.

Он привез почту, но вместо того, чтобы притормозить у почтового ящика, въехал на дорожку, ведущую к дому, и остановился у самого крыльца.

Триш видела из окна, как он выходит из машины и улыбается. Она бегом кинулась в спальню, в ванную, на второй этаж, пытаясь найти Дуга и Билли, но дом был пуст. Она попыталась выбежать через заднюю дверь, но та не открылась.

Триш слышала, как почтальон прошел через гостиную и оказался в кухне. Она снова спряталась в ванной и попыталась запереть дверь, но обнаружила, что никакой двери нет.

Почтальон приблизился к ней, широко ухмыляясь.

Он был без штанов.

В следующее мгновение он оказался на ней и в ней. Его неестественно длинный, горячий и жесткий член вонзился в нее, как стальной прут. Триш ощутила жгучую боль. От боли хотелось кричать – кричать животным, неконтролируемым криком, но в то же время она с отвращением чувствовала, что эта страшная, дикая боль одновременно приносит удовлетворение, что на каком-то чисто физиологическом уровне отдельные части тела наслаждаются происходящим.

Проснувшись она на мокрой подушке, в поту, со слипшимися волосами, и крепко обхватила Дуга, стараясь избавиться от пережитого страха.

С улицы доносился едва различимый урчащий звук мотора машины почтальона. Машина двигалась в сторону леса.

11

Утром, принимая душ. Дуг едва успел намылить голову шампунем, как вода внезапно кончилась.

– Эй! – завопил он.

– Вода не идет! – откликнулась из кухни Триш.

– Замечательно! – буркнул он. Пена начала стекать на нос и щеки. Не открывая глаз. Дуг принялся шарить по стенке в поисках полотенца.

Рука наткнулась на одно из махровых, которыми они обычно не пользовались, – Триш повесила их в ванной для красоты, но сейчас было не до выбора. Дуг вытер лицо, чтобы открыть глаза.

Слабый свет пробивался лишь через маленькое матовое оконце ванной. Электричество со

вчерашнего вечера так и не восстановили. Кое-как протерев волосы, Дуг натянул трусы и штаны и направился в кухню, роняя капли с мокрого тела.

– Что случилось?

Трития стояла посреди кухни, уставившись на полупустой кофейник.

– Только хотела поставить кофе, – пожалала она плечами, – а тут вода кончилась.

– А под мойкой проверила? – Дуг открыв дверцу и заглянул внутрь. Мусорное ведро и коробки с чистящими порошками выглядели сухими. На полу тоже сухо. – Трубы не текут. Пойду на улице посмотрю, – продолжил он. – Может там что-нибудь.

Дуг спустился с заднего крыльца. Камешки и сосновые иглы кололи босые ступни, пока он шел к водоразборному устройству за углом дома. Стрелка под желтым стеклышком показывала, что давление в системе на нуле.

Он присел на корточки и открутил сливной кран. Из него не вытекло ни капли.

Что за чертовщина? Дуг повернул ручку, регулирующую поступление воды из основной системы, но на указателе это никак не отразилось.

– Ну что там? – крикнула Триш, выйдя на крыльцо.

– Черт его знает. Такое ощущение, что нам отключили воду. – Дуг провел пятерней по непромытым волосам, слипающимся от шампуня. – После завтрака поеду в город разбираться и с водой, и с электричеством.

– Про телефон не забудь, – добавила Триш.

– Не забуду, – раздраженно кивнул он.

* * *

Департамент коммунальных услуг располагался в небольшом коричневом здании по соседству с городской ратушей. Дуг медленно переехал через асфальтовый гребень, разделяющий проезжую часть и автостоянку. На площадке стояли три полицейские машины. Он вылез из своего «бронко» и, не потрудившись запереть дверцу, широкими шагами двинулся к стеклянной двери главного входа. Засохший шампунь неприятно стягивал кожу.

Девушка за стойкой выглядела достаточно юной, чтобы быть одной из его учениц, но лицо ее Дугу знакомо не было. Она склонилась над клавиатурой «Эппл Макинтош» и старательно давила пальцами на клавиши. Посетителя она вниманием не удостоила.

– Прошу прощения, – кашлянул Дуг.

– Одну секундочку, – откликнулась девушка. Внимательно глядя на экран, она поочередно нажимала клавиши, каждый раз словно проверяя, что из этого получается.

Дуг огляделся по сторонам. Комната была маленькой, скромно обставленной, стены увешаны дешевыми плакатами и официальными документами в рамочках. Стол напротив девушки был завален рулонами обоев. Вдоль стены тянулись металлические стеллажи с выдвижными ящиками для документов.

Девушка нажала очередную кнопку, удовлетворенно кивнула и подошла к стойке. Она была довольно мила, и ее улыбка могла показаться искренней, если бы не совершенно отсутствующее выражение лица.

– Чем могу быть полезна, сэр?

– Вчера около девяти вечера у нас вырубилось электричество, – заговорил Дуг. – Сначала мы решили, что это авария, но свет до сих пор не дали. А сегодня утром отключили воду. Я проверил трубы – у нас все в порядке. Счетчик показывает, что давление в системе на нуле. Я хочу, чтобы мне немедленно восстановили и свет, и воду.

Девушка вернулась к компьютеру.

– Будьте любезны, ваша фамилия и адрес?

– Дуг Элбин. Участок четыре – пятьдесят три, Трэйл-энд-Драйв.

Тыкая одним пальцем в клавиатуру, она набрала его данные и внимательно изучила экран:

– Судя по нашим данным, вы сообщили, что отказываетесь от обслуживания.

– Отказываюсь от обслуживания? Какого черта это пришло мне в голову?

– Не знаю, сэр. – Девушка встала. – Могу еще раз проверить. У нас должно храниться ваше письмо – Мое письмо?

– В прошлый четверг мы получили от вас письмо. – Она прошла к стеллажу, покопалась в одном из ящичков и извлекла оттуда листок бумаги с отпечатанным текстом. К листку был пришпилен обычный квадратный конверт. – Вот, пожалуйста.

– Уважаемые господа, – вслух прочел Дуг. – Двенадцатого июня моя семья переезжает в Калифорнию. Я получил работу в объединенном управлении школ Анахайма. Прошу отключить мне электричество с одиннадцатого июня и воду с двенадцатого июня. Благодарю вас... И как это прикажете понимать? – резко вскинул он голову.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, сэр, – растерянно проговорила девушка. – Разве это не ваше письмо?

– Разумеется, нет! Я требую, чтобы мне включили обратно и свет, и воду, и требую, чтобы вы выяснили, кто мог это написать!

– Может, кто-то решил пошутить? Например, один из ваших друзей...

– Это не шутка. И вообще я не вижу здесь ничего смешного! – Дуг почувствовал, как дрожат его руки, и положил локти на стойку. Он понял, что неоправданно грубо ведет себя с этой юной девушкой, попросту говоря, норовит сорвать зло на ни в чем не повинной сотруднице, которая действительно ничего не знает.

Одновременно появилось отвратительное чувство беспомощности, ощущение, что его втягивают в нечто такое, с чем невозможно бороться.

От этого и захотелось на кого-нибудь наорать.

Дуг сжал кулаки, прикрыл глаза и постарался взять себя в руки.

– Прошу прощения, – проговорил он. – Но распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне включили обратно и свет, и воду.

– Мы сможем направить к вам человека только после обеда, – заявила девушка. – И вам надо заплатить пять долларов за включение.

– Послушайте! – возмутился Дуг, стараясь не повышать голос. – Вы тут напортачили, оставили мой дом без воды и электричества, а теперь хотите, чтобы я еще и платил? Черта с два!

– Формально, мы ни в чем не виноваты, – напряглась девушка, переходя к активной обороне. – Мы получили письмо...

– Я не намерен тратить весь день на словесные перепалки, – прервал ее Дуг. – Я хочу поговорить с вашим начальством.

– В настоящее время менеджера нет в офисе, но я передам ему ваше имя и номер телефона. Он свяжется с вами, когда вернется.

– Будьте любезны. Только постарайтесь сегодня же все восстановить. У меня жена и ребенок, они могут захотеть принять душ, и вообще я предпочитаю горячий ужин.

– Мы займемся этим немедленно, – кивнула девушка. – Прошу прощения за причиненные неудобства. – В голосе ее прозвучала тревога, и Дуг понял, что она нервничает относительно того, что он может наговорить про нее руководству.

– Это не ваша вина, – решил он ее успокоить. – К вам лично у меня нет никаких претензий. Я просто расстроился.

– Я понимаю. Попрошу менеджера позвонить вам сразу же по возвращении.

– Благодарю вас. – Дуг развернулся и направился к выходу, нащупывая в кармане ключи от машины. Руки его по-прежнему дрожали.

* * *

После посещения телефонной компании Дуг разъярился еще больше. Оказывается, они тоже получили письмо – якобы от него – с уведомлением о том, что он отказывается от их услуг и просит отключить телефон. За восстановление с него потребовали уже двадцать долларов и предупредили, что раньше четверга ничего не получится. Дуг двинулся по начальству рассказывая свою историю все более высоким чинам, пока наконец не добрался до регионального менеджера.

Тот прямо заявил, что связь восстановят только после того, как он заплатит пошлину, и произойдет это в любом случае не раньше среды. Если угодно, добавил чиновник, то сэр может

написать заявление о возврате суммы, объяснив особенность ситуации. Заявление надо отправить в главную контору «Маунтин Белл». Они рассмотрят и примут решение.

Дуг в сердцах рванул со стоянки и чуть не врезался в проезжавшую мимо машину пожилой миссис Бафорд, которая сердито нажала на клаксон и что-то прокричала в его адрес. За закрытыми окнами он ничего не расслышал, но извиняющимся жестом приложил руку к груди.

Письма.

Кто мог отправить письма от его имени по всем этим адресам с просьбой прекратить обслуживание?

Нет, не кто, а почему? Он уже наверняка знал, кто это сделал. Или почти наверняка.

Почтальон.

Джон Смит.

Это было совершенно нелогично, и он понятия не имел, зачем почтальону вытворять подобные вещи, тем не менее Дуг не сомневался, что за подложными письмами стоит именно Смит. Прекрасный каллиграфический почерк, которым была подделана его подпись, почему-то ассоциировался у него с профессионально безукоризненным голосом почтальона. Дуг испытывал смешанное чувство страха и ярости, но ярость была сильнее. Он ринулся в сторону почтового отделения с намерением немедленно высказать все, что думает по этому поводу, высказать свои обвинения и подозрения лично Ховарду Стоянка у почты оказалась забита машинами. Но ему повезло. Чей-то джип как раз отъезжал, и Дуг быстренько зарулил на свободное место. Он решил захватить с собой письма, найденные у ручья. Конверты были еще сырыми Он вежливо кивнул старикам, сидящим на скамеечке у входа, и толкнул дверь.

Первое, на что он обратил внимание внутри, – дикая жара. На улице было жарко, но в помещении царило просто адское пекло. Вентиляторы под потолком не работали, не было слышно и знакомого свистящего звука водяного кондиционера на крыше. При этом в зале стояла очередь – человек шесть-семь с конвертами и бандеролями в руках. В воздухе витали терпкие ароматы дамской парфюмерии и мужских дезодорантов, смешанные с интенсивным запахом пота. Дуг окинул взглядом стойку, но Ховарда не заметил. На его обычном месте находился новый почтальон. Негромко и терпеливо он растолковывал что-то пожилой женщине, стоящей перед окошком кассы. Искренняя заинтересованность сквозила в его голосе и в выражении лица, но и искренность, и заинтересованность были фальшивыми, искусственными, как у торговца, стремящегося всучить свой товар покупателю. Вся его манера показалась Дугу высокомерной и оскорбительной.

И на лице почтальона не было ни единой капельки пота.

Дуг вытянул шею, стараясь разглядеть, нет ли Ховарда в соседнем, отделенном перегородкой, служебном помещении, но ничего не увидел. Ему показалось странным, что Ховард доверил обслуживание клиентов своему новому сотруднику, тем более после того, что почтмейстер говорил им с Триш во время званого ужина.

Он не мог припомнить, чтобы Ронда появлялся в здании почты кроме как для того, чтобы забрать или выложить корреспонденцию. За стойкой всегда работал сам Ховард.

Это почему-то еще больше разозлило Дуга.

Почтальон протянул старушке сдачу, та неторопливо ссыпала ее в сумочку и отошла в сторону. Дуг, не обращая внимания на очередь, сунулся к окну.

– Прошу прощения, – быстро произнес он. – Мне нужно поговорить с Ховардом.

Почтальон внимательно посмотрел на него.

На лице блуждало слабое подобие улыбки.

– Сэр, здесь стоят люди. Прошу вас соблюдать очередь, сэр. – На мгновение его взгляд задержался на мятых грязных конвертах в руке Дуга. Он ничего не сказал, выражение глаз не изменилось, только улыбка стала чуть шире.

– Вы не могли бы его вызвать на минуточку?

– Прошу прощения, сэр. Займите очередь.

Дуг хотел возразить, но оглянувшись, увидел нетерпеливое возмущение в глазах окружающих и решил отступить.

– Очень хорошо.

Спустя десять минут он оказался у стойки.

Все это время он пристально изучал почтальона, стараясь найти в его поведении малейшие признаки чего-нибудь необычного, ненормального, но ничего, кроме некоего превосходства над окружающими, сквозившего в каждом его жесте, не обнаружил. Почтальон ни разу не взглянул в его сторону.

Теперь страх и ярость владели сознанием Дуга почти в равной пропорции.

– Я хотел бы увидеть Ховарда, – повторил он, стерев пот со лба ладонью и наклоняясь к окну.

– Мистера Кроуэлла сегодня здесь нет.

Фраза прозвучала настолько просто и настолько неожиданно, что Дуг растерялся. Ховарда нет? Ховард был здесь всегда!

– Он болен?

– Да. Я могу вам помочь?

– Возможно, – ответил Дуг. – Вчера я с семьей ездил на пикник, на Чистый ручей, и мы обнаружили там нераспечатанные, не доставленные по назначению конверты. Ими буквально усеяны берега ручья.

– Усеяны? – с улыбкой переспросил почтальон. Насмешливая интонация настолько напоминала Триш, что Дуг поперхнулся, но моментально взял себя в руки и выложил письма на стойку. – Несколько штук мы спасли.

Почтальон потянулся к конвертам, но Дуг быстро забрал их себе.

– Я хочу передать их Ховарду.

– Прошу прощения. Доставить корреспонденцию – долг и обязанность почтовой службы. Вы нарушаете закон, удерживая у себя недоставленную корреспонденцию.

От такой наглости у Дуга даже в глазах потемнело. Он отер ладонью снова вспотевший лоб.

– Насколько я понял, в этих конвертах – счета. И в тех, что лежат у ручья, – тоже в основном счета. С некоторых пор мои собственные счета куда-то пропадают. Точнее сказать, после гибели вашего предшественника ко мне не пришло ни единого счета. Я не понимаю, что происходит, но складывается ощущение, что значительная часть моей корреспонденции перехватывается.

– Я тоже давно счетов не получал, – подал голос мужчина, стоявший сзади.

Дуг вперился взглядом в лицо почтальона, ожидая какой-либо реакции. Ему казалось, что почтальон должен рассвирепеть, разозлиться, что дало бы возможность поймать, как говорится, преступника за руку и заставить его признаться, что именно он выбросил всю эту почту в ручей, но почтальон остался абсолютно невозмутимым.

– Обещаю, мы рассмотрим все ваши жалобы в самое ближайшее время, – заявил он. Голос звучал приятно, естественно, спокойно и уверенно. – У вас есть что-нибудь еще, мистер Элбин?

– Кто-то направил письма в департамент электро- и водоснабжения, чтобы они отключили мне свет и воду. Тот же человек послал письмо в телефонную компанию с просьбой об отключении моего телефона. Я считаю это почтовым хулиганством.

– Совершенно верно, мистер Элбин. Уверяю вас, мы немедленно этим займемся. Я передам мистеру Кроуэллу ваши соображения.

Дуг поймал пристальный жесткий взгляд почтальона и ощутил желание отвернуться, но усилием воли заставил себя не отводить глаза.

Его прошиб холодный пот.

– Благодарю вас, – напряженно выдавил он.

– А теперь не будете ли вы так любезны передать мне находящуюся в вашем распоряжении недоставленную корреспонденцию? – протянул тонкую бледную руку почтальон.

– Можете подавать на меня в суд, – парировал Дуг, – но я отдам это только Ховарду.

– Ну и прекрасно, – согласился почтальон. – В таком случае вы не могли бы отойти в сторону, мистер Элбин? Вы задерживаете других людей.

Дуг развернулся и пошел к машине. Примерно на полпути к дому он вспомнил, что не называл почтальону своей фамилии.

Почтальон просто ее знал.

12

Хоби вернулся домой в отличном настроении. Сегодня в бассейне было полно народу, причем не только детишек. После обеда там появилась стайка молодых женщин. Самой старшей из них было лет двадцать пять. До этого момента Хоби любовался расфуфыренной миссис Фэррис в желто-розовом купальнике, который при намокании становился почти прозрачным. Но когда новая компания разложила на шезлонгах свои полотенца и лосьоны для загара, внимание спасателя переключилось именно на них. У всех женщин были прекрасные загорелые фигуры инструкторш по аэробике. И невероятных размеров груди. Одна из них, брюнеточка, была в таком мини-бикини из ленточек, что, когда она наклонялась, Хоби мог практически целиком лицезреть великолепные полукружия ее обширной задницы. Остальные красовались в наимоднейших купальниках таких размеров, что Хоби мог с уверенностью сказать, они бреют лобок.

Денек выдался просто чертовски замечательный.

Хоби вынул из кармана ключи, отпер дверь и взял почту.

Он жил в большом бело-коричневом домике на колесах почти в центре города, рядом с торговым центром, и хотя район этот считался в Виллисе далеко не лучшим, Хоби нравилось его место обитания. Дома здесь стояли почти вплотную друг к другу и были не очень-то симпатичными, но Хоби это вполне устраивало.

Никто его не беспокоил, никто не просил убрать громкость стереосистемы, никто не требовал прибраться во дворе или избавиться от автомобилей. Хоби признавал, что его владения сильно смахивают на миниатюрную свалку. На вытоптанной земле не росло ни одной травинки. Зато здесь стояли «вега» семьдесят четвертого года выпуска, «датсун» семьдесят девятого, а за домом, на кирпичах, «мустанг» шестьдесят четвертого. Под навесом громоздилась куча автомобильных запчастей и два старых двигателя.

Но ему это не мешало, равно как и соседям.

Внутри трейлера было уютно. Он всегда поддерживал порядок, хотя жил один. Последнее обстоятельство его тоже вполне устраивало.

Хоби снял темные очки, положил на столик и направился в кухню. Он извлек из холодильника банку пива, открыл ее и сделал добрый глоток, после чего взглянул, откуда пришли письма. Одно от матери, другое – из клуба «Классический Мустанг», в третьем – чек.

Четвертый, длинный желтый конверт, не имел обратного адреса, но зато с обеих сторон был заляпан буро-красными отпечатками пальцев. Нахмурившись, Хоби поставил пиво и вскрыл конверт. Внутри лежали две фотографии, сколотые скрепкой. На верхней фотографии была изображена молодая, лет пятнадцати-шестнадцати, обнаженная девушка азиатского типа, лежащая на соломенном коврике.

Девушка была прекрасна, с огромными миндалевидными глазами и большим чувственным ртом. Она лежала, широко разведя в стороны задранные ноги. Хоби без труда рассмотрел черную кучерявую растительность между ног и темные складки влагиалища.

Он снял скрепку. На нижней фотографии была запечатлена та же самая девушка на том же самом коврике.

Но ее отрезанная голова теперь располагалась на животе.

Фотография была заляпана такими же бурыми отпечатками пальцев, как и конверт.

Хоби почувствовал внезапно подкатившую тошноту. Разглядывая первую фотографию, он, сам того не желая, ощутил сильное возбуждение.

Девушка была молода, хороша собой, сексуальна.

Но вторая фотография – прямо как удар под дых. Он зажмурился и перевернул снимок обратной стороной, но перед глазами все равно стояли широко распахнутые остекленевшие мертвые глаза и разинутый рот. Из глотки, подобно кровавым спагетти, вываливались жилы и вены. Соломенный коврик утонул в луже, нет, в море крови, вытекшей из перерезанного горла.

Кто мог прислать ему такое? Кому понадобилось прислать ему такое? И зачем?

И что означают эти отпечатки пальцев?

Хоби быстро порвал на мелкие клочки фотографии вместе с конвертом и швырнул их в мусорную корзину, после чего долго отмывал руки под краном, намыливал, оттирал пемзой, словно извозился в какой-то жирной грязи. Даже кухня казалась ему более темной, чем раньше, хотя до захода солнца оставалось еще как минимум два часа. Он включил свет, в три глотка допил пиво, достал вторую банку и только после этого смог присесть к столу и заставить себя прочитать другие письма. Но даже письмо от матери его не приободрило, а когда Хоби попытался вернуть былое настроение, вспомнив молодых красоток в бассейне, он увидел их распростертыми на голом бетоне и обезглавленными. Отрезанные головы стояли на загорелых животиках и пялились на него остекленевшими глазами.

13

Хоби приехал сразу после завтрака. Небрежно стукнув костяшками пальцев в дверной косяк, от распахнул сетчатую дверь и ввалился в гостиную.

– Привет, спортсмен, – сделал он «козу» валяющемуся на диване Билли.

Дуг мыл тарелки, оставшиеся после завтрака. Хоби двинулся прямо к нему на кухню.

– Еще только половина девятого, – приветствовал раннего гостя Дуг.

– Ну да, собрание в десять, но я подумал, что нам следует обсудить план действий. Вчера после бассейна я пытался тебе позвонить, но автомат сообщал, что твоя линия отключена.

– Какой-то кретин отправил от моего имени на телефонный узел письмо, якобы я уезжаю и прошу снять меня с обслуживания.

– Правда? – хохотнул Хоби.

– Такое же письмо пришло в департамент электро- и водоснабжения. Будто я тоже прошу отключить меня.

– Это уже немного серьезнее. – Улыбка сползла с лица Хоби. – Одно письмо еще можно расценить как шутку, но два... – Он покачал головой. – Как ты думаешь, кто бы это мог быть?

Дуг хотел сказать «почтальон», но только пожал плечами.

– Может, твои ученики? Ты кого-нибудь выгнал в этом году?

– Никого. Кроме того, вообще сомневаюсь, что ученики меня настолько не переносят. Единственный, на кого бы я мог подумать, – Дюк Джонсон, но даже он ко мне не так плохо относится.

– А даже если бы и так, ему ума не хватит придумать такое.

– Вот именно.

– Звонил в полицию?

– Рассказал все в подробностях и оставил копии писем, но они сказали, что скорее всего ничего особенного им найти не удастся.

– Естественно, – фыркнул Хоби.

– Хочешь поехать прямо сейчас? – сменил тему Дуг, закончив вытирать со стола и повесив полотенце.

– Ну да. Я позвонил Марку Петтигри, он будет ждать нас в школе. Позвонил еще физкультурнику и Доновану, но тех нет дома. Наверное, уехали куда-нибудь на каникулы. Помнится, Донован говорил что-то насчет Дюранго.

– Ну что же, тогда вперед, – согласился Дуг, подошел к двери ванной и громко произнес:

– Приехал Хоби, мы уезжаем!

– Хорошо, – откликнулась из-за двери Триш. – Удачи вам. Надеюсь, ты получишь свои книжки.

– А я – не очень, – буркнул Дуг. Хоби уже вышел на крыльцо. Проходя мимо сына, по-прежнему валяющегося на диване в гостиной, он произнес:

– Вернись к ленчу. Слушайся маму.

– Я всегда!

– Замечательно, – на ходу рассмеялся Дуг и присоединился к Хоби.

– Кстати, о воде, – заметил тот. – В этом месяце я не получил ни одного счета за коммунальные услуги.

– Мы вообще никаких счетов не получаем.

– Пожалуй, я тоже – Тебе не кажется это странным? Пожалуй, не стоит говорить ничего плохого об этом новом парне – он только начинает, только разбирается, что к чему, но, мне кажется, он теряет часть корреспонденции. Обычно я каждый день выгребаю из ящика кучу почты, а в последнее время – два-три письма максимум, бывает, что и ни одного.

Дуг взобрался в кабину грузовичка, захлопнул дверцу и пристегнулся ремнем безопасности.

– Счета и реклама, верно? Ты перестал получать счета и рекламные листовки.

– Верно, – с удивлением кивнул Хоби. – Ты тоже? Может, надо потолковать с почтмейстером, выяснить, что происходит. – Он завел двигатель, вырулил на дорогу, притормозил и рванул вперед. Мелкий гравий с грохотом ударил по днищу.

Дуг для страховки крепко ухватился одной рукой за переднюю панель кабины. Хоби, хотя и преподавал автодело, водителем был кошмарным. Каждая поездка с приятелем требовала от Дуга немалого мужества.

По дороге к городу он рассказал Хоби о своем пикнике на Чистом ручье и о куче выброшенных, грязных конвертов. Он постарался объективно изложить факты. Он не стал утверждать, что именно почтальон похищает и выбрасывает корреспонденцию, равно как и не обвинил его в отправке сфабрикованных писем-заявлений во все конторы, ведающие коммунальными услугами. Но это явно подразумевалось. По мере рассказа лицо Хоби становилось все серьезнее и сосредоточеннее. Только когда они миновали стоянку автотрейлеров и выехали на шоссе, Хоби, покачивая головой, задумчиво произнес:

– Странные вещи начали твориться в нашем городе. Очень странные.

Дуг поинтересовался, что он имеет в виду и не было ли у него самого каких-то необычных явлений, связанных с почтой, но Хоби только свел брови и отрицательно покачал головой.

Всю оставшуюся часть пути до школы они проехали молча.

* * *

Средняя школа Виллиса, расположенная рядом с городским мемориальным парком Эдварда Гувера, отделялась от остальной части города специальной лесополосой, состоящей из дубов, акаций и сосен. В одном конце естественного большого луга было оборудовано футбольное поле, в противоположном – плавательный бассейн.

Подъехав поближе, Хоби и Дуг обратили внимание на необычное скопление людей рядом со спортзалом, дверь которого была широко распахнута. На служебной стоянке расположились две полицейские машины и карета скорой помощи, все с включенными мигалками. Дуг подумал, что никаких сирен он не слышал, посмотрел на приятеля, потом снова впился взглядом в толпу. Им овладело странное чувство. Он был одновременно удивлен и не удивлен, напряжен и спокоен. Он словно был готов к неприятностям.

– Что-то случилось, – произнес он.

Хоби загнал грузовичок в тень, под дерево, и они поспешили к спортзалу. Там были и учителя, и жители окрестных домов, и несколько членов школьного совета.

– Что произошло? – спросил Дуг, подходя к преподавателю общественных наук Джиму Максвеллу.

– Берни Роджерс повесился в спортзале.

Задохнувшись, как от удара под ложечку. Дуг повернулся к Хоби. Такого он не ожидал. Старшеклассник Берни Роджерс был одним из тех уникальных учеников, кто в равной мере имел большие успехи и в учебе, и в спорте. Лучший форвард школьной баскетбольной команды, он входил в десятку сильнейших по стране в своей возрастной категории и при этом оказался единственным, кто успешно сдал продвинутые тесты по истории и английскому. На памяти Дуга он оставался единственным учеником, кто одновременно занимался американской литературой и автоделом и преуспевал в том и другом.

– Ну-ка, пустите, – буркнул Хоби и начал пробиваться вперед. Дуг последовал за ним.

Спустя некоторое время оба протиснулись внутрь спортзала.

Обнаженное тело Берни посинело и распухло; на горле, там, где веревка врезалась в шею, виднелись почерневшие струйки крови. Судя по всему, труп висел здесь уже несколько дней.

Под ним, на гладком деревянном полу, лежали засохшие фекальные массы: отдельные фракции, как сталактиты, так и остались висеть на ногах.

Остекленевшие, выпученные глаза мальчишки показались Дугу неестественно светлыми по сравнению с темной кожей лица.

Дуг почувствовал приступ тошноты, но не смог отвести глаза. На груди Берни белела записка. Некоторые слова были залиты кровью, так что разобрать издали, что там написано, Дуг не сумел. Видимо, парень накинул на шею веревку и спрыгнул с верхней перекладины расположенных неподалеку брусьев. Но сколько Дуг ни крутил головой, он нигде не обнаружил лестницу, с помощью которой Берни мог бы забраться под потолок, чтобы укрепить веревку.

Двое полисменов, фотограф и судмедэксперт тесной группкой стояли рядом со слегка раскачивающимся телом. У стены застыли в ожидании два медбрата. Еще один полисмен сдерживал натиск любопытных.

– О Боже, – выдохнул Хоби. От его обычной бравады и агрессивности не осталось даже следа. Лицо заметно побледнело. В этот момент его потеснили полицейские. Один нес ножницы с длинными рукоятками, другой – раскладную стремянку. Хоби сделал шаг в сторону.

– Я же знал этого парня, – произнес он тихо. – Он мне очень нравился.

Дуг кивнул, наблюдая, как полисмены устанавливают стремянку, чтобы снять тело. Фотограф непрестанно щелкал аппаратом. Подошли санитары, разложили носилки и белый пластиковый мешок, в котором обычно перевозят трупы. Полисмены, проявляя максимум осторожности, аккуратно спустили Берни вниз, хотя конечности его уже окоченели. Потом за дело взялся медицинский эксперт. Он присел на корточки и раскрыл свой черный чемоданчик.

– Я разговаривал с ним на прошлой неделе, когда каникулы начались, – слышался мужской голос справа.

Дуг повернулся. Рядом стоял Эд Монтгомери, преподаватель физкультуры.

Его лицо превратилось в застывшую, окаменевшую от потрясения маску. Он покачал головой и продолжил, ни к кому особенно не обращаясь:

– Берни рассказывал, что нашел себе временную работу на почте, чтобы к осени подзаработать. Стипендии, говорил, хватает только на учебу, а еще за квартиру надо платить и книжки покупать.

Дуг наострил уши. По спине побежали уже знакомые мурашки.

– Куда, говоришь, он на работу устраивался?

Эд посмотрел на него невидящим взглядом.

– На почту. Сказал, что уже договорился с Ховардом. Не могу представить, почему он так поступил. У него все так хорошо складывалось. – Учитель перестал горестно качать головой и, сделав усилие, посмотрел Дугу в глаза. – Как ты думаешь, его не могли убить?

– Не знаю, – ответил Дуг и внезапно почувствовал острое желание узнать, что написано в записке, приколотой к груди парня. Он шагнул вперед.

– Извините, нельзя, – выставил растопыренную пятерню полисмен.

– Мне надо кое-что посмотреть. Он был моим учеником.

– Доступ к телу разрешен только родственникам и официальным лицам.

– На одну секунду!

– Извините, – не уступал полисмен.

Дуг резко развернулся и вышел из помещения. Ему захотелось выбраться из толпы, оказаться на открытом пространстве, глотнуть свежего воздуха. Кровь гулко стучала в висках.

Берни Роджерс собирался подрабатывать в почтовом отделении.

На почте.

Если рассуждать логически, в этом нет ни малейшей связи. И в то же время – что-то здесь есть. Эта мысль перепугала его до смерти.

Дуг миновал толпу и прислонился к ближайшему дереву, жадно глотая воздух и бесцельно оглядываясь по сторонам. В какой-то момент ему показалось, что вдали, за деревьями, мелькнула красная машина, идущая по направлению к центру города.

Трития сидела на веранде, испытывая не характерное для себя странно подавленное состояние. Дуг уехал на собрание, Билли гулял где-то с Лейном. Она осталась одна. Обычно это доставляло Триш удовольствие. Это случалось так редко, что она радовалась любой возможности побыть наедине с собой. Однако сегодня все обстояло иначе.

Рядом с креслом, на щербатом деревянном полу, лежал кассетный магнитофон. Последний раз он едва тянул пленку, поэтому пришлось порыскать в поисках новых батареек. Три она выковыряла из машинки Билли, в которую он уже не играл, четвертую нашла в ящике кухонного стола. Магнитофон заработал. Триш увеличила громкость. Джордж Уинстон. Как хорошо подбирать себе музыку под настроение дня! Но сегодня музыкальный фон просто дисгармонировал с состоянием души. Импрессионистически плавные звуки фортепьяно с произвольными паузами между аккордами прекрасно сочетались с ярким голубым небом и лесной зеленью, но сама она безнадежно выпадала из этой гармонии.

Триш разглядывала деревья, кормушки для колибри, развешанные на ветках, разглядывала, но словно не видела. Глаза ее просто искали какую-нибудь точку, а мысли блуждали вокруг нового почтальона.

Она так и не рассказала Дугу ни о ночном появлении почтальона, ни о своем кошмаре, хотя толком не поняла, почему. Секретничать и утаивать что-то от мужа было не в ее характере. У них с первых дней знакомства сложились очень близкие отношения. Они доверяли друг другу, всегда делились своими опасениями и надеждами, мыслями и мнениями. Но по какой-то непонятной причине она не могла заставить себя заговорить с Дугом о почтальоне.

Она пыталась рассуждать логически, пыталась убедить себя, оправдать, и оправдания тоже выглядели вполне логично – дескать. Билли проснулся и мог услышать, а Дуг слишком рано уехал, и она просто не успела с ним пообщаться, – но истина заключалась в том, что Триш просто не хотела об этом говорить. Такого с ней никогда еще не случалось, и это на самом деле пугало гораздо больше, чем она могла предположить.

Перед отъездом Дуг забыл заглянуть в почтовый ящик. А Триш так боялась сходить за почтой, что попросила Билли, при этом внимательно следила за каждым его шагом с веранды, опасаясь, как бы чего не случилось. Билли вернулся с тремя письмами: два Дугу, одно – ей.

Сейчас конверты лежали справа, на маленьком столике, там же, куда она поставила чай со льдом. Ей не хотелось распечатывать письмо сразу, хотя оно было от Ховарда и можно было совершенно не опасаться за его содержание.

Выждав некоторое время и ощутив приступ легкого любопытства, Триш все-таки вскрыла конверт. Письмо было адресовано ей, но текст начинался словами «дорогая Элен». Триш свела брови. Странное дело. Впрочем, Ховард сейчас в расстроенных чувствах, на него столько навалилось, когда-то все это должно дать о себе знать. И она продолжила читать.

Дорогая Элен, извини, что не смог заглянуть к тебе в субботу. Пришлось ехать ужинать к Элбинам. Провел кошмарный вечер. Кормежка отвратительная, мальчишка несносен, Элбин со своей половиной скучны, как всегда. Трития просто самодовольная сучка...

Триш подняла глаза, ощущая странную пустоту в желудке. У нее перехватило дыхание.

Сделав усилие, она попробовала читать дальше, но буквы дрожали и расплывались. Глаза налились слезами. Столь бурная реакция ее удивила. Триш никогда особо не преувеличивала ни свои кулинарные способности, ни собственную значимость, спокойно относилась к конструктивной критике, но столь вероломное предательство, тем более по отношению ко всей семье, тем более от такого близкого человека, как Ховард, поразило ее до глубины души. Триш сердито утерла слезы, сложила письмо и сунула его обратно в конверт. Ховард, очевидно, одновременно писал ей и Элен Ронде, а потом перепутал конверты.

Сейчас Элен, стало быть, читает о том, как прекрасно Ховард провел время у Триш, Триш никогда не была чувствительной натурой, ее не так-то легко было оскорбить и, черт побери, ей искренне хотелось помочь Ховарду выбраться из трудной ситуации. Но получить за это такой предательский удар в спину – это уж слишком. Они с Дугом всегда считали Ховарда своим другом. Может, не самым близким, но все-таки другом, человеком, в компании с которым им обоим было комфортно. Почему он так поступил? И как он мог оказаться таким двуличным? Ей казалось, что он не мошенник, не лицемер. Честность и открытость всегда были главной силой и главной слабостью его характера. Ховард без колебаний высказывал то, что думал, невзирая

на возможные последствия. Одно дело, если бы он пришел и прямо сказал, что не желает с ними ужинать, или что его не устраивает их общество, или не нравится то, что она приготовила, но просидеть целый вечер, лгать...

Зазвонил телефон. Трития бросила письмо на столик, выкарабкалась из кресла и поспешила в комнату. Схватив трубку на пятом звонке, она прокашлялась, стараясь скрыть эмоции.

– Алло?

– Он гонится за мной! – послышался в трубке испуганный громкий шепот. Трития даже не поняла, кто говорит. – Он уже здесь!

– Простите? – озадаченно переспросила Триш.

– По-моему, он уже проник в дом, – продолжила женщина. Только сейчас Триш поняла, что это Элен Ронда. Господи, как же изменился ее голос! Напрочь исчез обычный ледяной тон; не было и намека на сдвленный горем плач, который Триш слышала на похоронах. Остался один страх. Ужас.

– Кто за вами гонится?

– Он думает, что очень хитрый, но я слышу его шаги!

– Немедленно уходите из дома! – воскликнула Триш. – Немедленно! Уходите куда-нибудь и вызывайте полицию!

– Полицию я уже вызвала. Они отказались помочь мне. Они сказали... – Голос Элен прервался, вместо него в трубке послышался мужской баритон.

– Алло?

Сердце Триш подпрыгнуло к самому горлу.

Только невероятным усилием воли она взяла себя в руки и не бросила трубку.

– Кто это говорит? – произнесла она самым угрожающим тоном, на который была способна.

– Это доктор Робертс. А вы кто?

– Ах, это вы, – с облегчением выдохнула Триш. Сейчас в трубке слышались мужской и женский голоса. Они о чем-то спорили. – Это Трития Элбин.

– Трития? Здравствуйте. Я слышал часть вашего разговора. Элен сказала, что ее преследуют, да?

– Да.

– Прошу прощения, что она побеспокоила вас. Сыновья не спускают с нее глаз, но им не удается контролировать ее двадцать четыре часа в сутки. С недавних пор она постоянно хватается телефон и звонит разным людям, сообщает, что ее преследуют. – Мужчина глубоко вздохнул. – Я уже не знаю, что делать. Мальчики возражают, но, по-моему, их матери необходима медицинская консультация. Очень не хочется глушить ее успокаивающими, но ее эмоциональное состояние очень тяжелое. Я не могу с ним справиться. Скорее всего бедняжку придется на некоторое время госпитализировать. Трудно сказать. Я в этом не специалист.

– А в чем причина?

– Горе. Жалкие, подавленные эмоции время от времени вырываются наружу. Я говорю, я не специалист, но нет никакого сомнения, что са... что смерть Боба послужила толчком, повлияла на ее состояние как катализатор. – В трубке опять послышалась какая-то перебранка, голоса стали громче. – Прошу прощения, но вам придется меня извинить. Боюсь, у нас тут возникли некоторые проблемы. Спасибо за терпение и сочувствие. Позвоню позже.

Гудки отбоя зазвучали раньше, чем Трития успела сказать до свиданья. Она медленно положила трубку на рычаг. Странно, но Триш почувствовала себя немного виноватой, словно предала доверие Элен. Странное, абсолютно нелогичное ощущение, но и весь разговор показался несколько более чем странным, каким-то сюрреалистичным. Когда трубку взял доктор, она почувствовала облегчение. Благодаря ему она могла снять с себя груз ответственности и необходимости принимать решения, и тем не менее, хотя целиком и полностью доверяла доктору, не могла так поступить, не покрывив душой и не испытывая легких угрызений совести. Триш вышла на веранду и задумчиво опустила в кресло. Элен была явно расстроена, у нее явно были проблемы эмоционально-психологического характера, но за мгновение до того, как доктор взял трубку, Триш искренне поверила, что Элен

действительно кто-то преследует, что кто-то вторгся к ней в дом.

И она точно знала, кто это мог быть.

* * *

– У-у, глянь, какие титьки! – сладострастно ухмыльнулся Лейн. Билли неохотно улыбнулся в ответ. Они сидели на полу в своем форте и листали «Плейбой». Обычно Билли увлекало это занятие, но сегодня все было иначе. Ему было скучно, беспокойно и неуютно. На коленях у него лежал раскрытый журнал с фотографией женщины в фуражке почтальона. Однако сегодня, глядя на нее, Билли не испытывал ни малейшего возбуждения. Ему было тревожно. Нет ли чего-то знакомого в выражении ее глаз? Не напоминает ли ее рот... его?

«Прекрати», – одернул он сам себя и еще раз взглянул на огромные, идеальной формы шары с крупными розовато-коричневыми торчащими сосками. В этих грудях не было ничего такого, что могло бы напомнить о почтальоне, ничего ненормального, вообще ничего мужского. Самые обычные здоровые женские груди.

Однако...

– Знаешь, что? – небрежно начал Лейн.

Это была напускная небрежность. Билли хорошо знал Лейна и всегда мог наверняка определить по голосу, когда его друг обманывает или что-то задумал. И сейчас был именно такой, не проходной момент, специально продуманная небрежность, которую Лейн старательно подготавливал.

– Что? – так же равнодушно откликнулся Билли.

Лейн медленно огляделся, словно желая убедиться, что никто не подглядывает за ними из большой комнаты, а потом извлек из кармана смятый конверт.

– Гляди!

Письмо было адресовано лично Лейну. Судя по обратному адресу, надписанному в верхнем левом углу, отправила его некая Тама Барнс.

– Открывай!

Билли вытащил сложенный вдвое листок бумаги, исписанный женским почерком. Развернув его, он обнаружил ксерокопированную фотографию обнаженной девушки, по виду – испанки Она улыбалась прямо в объектив, поддерживая руками пухлые груди и расставив ноги.

Фотокопия была слишком темной, чтобы рассмотреть детали, но Билли уже насмотрелся подобных фотографий в «Плейбое», и воображение легко дорисовало недостающие подробности.

– Читай, – ухмыляясь, предложил Лейн.

Билли стал читать. Письмо начиналось стандартным приветствием, которое быстро переходило в подробное описание разнообразных способов наслаждения, которые Тама как явный специалист в сексуальной технике была готова предоставить Лейну. Билли не смог сдержать улыбки, прочитав, что Тама предлагала сотворить с «любовным поршнем» Лейна.

– Чего скалишься?

– Думаю, она не знает что тебе одиннадцать.

– Я вполне взрослый, – парировал Лейн. – И вообще я ей уже ответ написал.

– Что ты сделал? – изумился Билли.

– Ты до конца дочитай!

Билли пробежал глазами текст до конца страницы. Последний абзац выглядел так:

...Мы могли бы иногда встречаться. Думаю, нам понравится. Если отправишь мне десять баксов, я пришлю тебе несколько интересных фотографий своих и моей сестры, а также дам адрес. Надеюсь получить ответ. Очень хочу, чтобы ты приехал ко мне в гости.

– Что за бред! – воскликнул Билли и покачал головой. – Это же просто способ выудить из тебя деньги! Скорее всего она это вырезала из какого-нибудь журнала, – ткнул он пальцем в фотографию.

– Думаешь?

– Уверен. А кроме того, посмотри на штемпель, откуда письмо. Из Нью-Йорка. Даже если она даст тебе адрес, ты что, поедешь в Нью-Йорк?

Надеюсь, десять долларов хотя бы ты не послал?

– Послал, – признался Лейн.

– Ну и дурак. А где же ты раздобыл деньги?

– У своего старика, – отвел глаза в сторону Лейн.

– Украл, что ли? – потрясенно спросил Билли.

– А что еще? Не объяснять же ему, что мне нужно десять долларов, чтобы получить фотографии и адрес Тамы Барнс?

– Нельзя было воровать.

– Да пошел ты! У старика денег куры не клюют. Он даже не заметит.

Билли уставился в журнал и замолчал. Они с Лейном нередко цапались, часто спорили, бывало, что и обзывали друг друга, но теперь в голосе приятеля появились какие-то незнакомые нотки, какая-то жесткость, даже воинственность, во всяком случае – серьезность, которая не предполагала дальнейшего обсуждения затронутой темы. По крайней мере, не в привычной для них форме шутиливой перепалки.

Некоторое время тишину в форте нарушал только шелест страниц.

– Возможно, ты прав, – наконец заговорил Лейн. – Возможно, я ничего не получу. Может, даже и фото не придет. А вдруг? Кто знает?

– Это верно, – кивнул Билли.

– Думаю, у нее отличная мохнатка, – продолжил Лейн своим обычным тоном, но что-то в его голосе изменилось необратимо, и Билли каким-то образом почувствовал, что данный момент стал поворотным пунктом в их отношениях. Никогда больше они не будут так близки, как раньше, и даже так, как сейчас. Это было грустное открытие. И хотя Лейну вскорости наскучило разглядывать «Плейбой» и он предложил отправиться на раскопки, посмотреть, что там происходит, Билли уговорил его посидеть в форте еще некоторое время, словно попытался сохранить все как есть и противостоять неизбежным изменениям.

Все утро они просидели в форте, беседуя, разглядывая картинки, читая вслух странички юмора, как настоящие друзья, какими они были всегда и, казалось, останутся дальше.

15

Весь город говорил только о Самоубийствах.

Именно так теперь относились к этим событиям. Самоубийства. С большой буквы. После похорон и всплеска всеобщего сострадания к семье покойного Боба Ронды было легче думать о жизни почтальона, чем о его смерти, подчеркивая положительные черты характера покойного. Но факт оставался фактом – Боб покончил с собой. Он разнес себе череп выстрелом из дробовика, чем довел собственную жену до безумия и опечалил весь город, который любил его, интересовался им, верил в него.

А теперь то же самое сотворил Берни Роджерс.

Эта тема была единственной, которую обсуждали в продуктовом магазине, когда Дуг и Трития заглянули туда. Самоубийства. В Виллисе и раньше происходили самоубийства. Например, в прошлом году застрелилась Тексала Армстронг – после того, как ее муж скончался от рака. Но все эти смерти были единичными и вполне объяснимыми. Люди кончали с собой от безысходности – потеряв любимых, оказавшись в безнадежной ситуации... Но никто не помнил, чтобы два самоубийства совершались одно за другим. Причем людьми вполне благополучными внешне, не имеющими на это никаких оснований.

Все обратили внимание на странные совпадения и приглушенным шепотом делились своими соображениями, которые представляли собой смесь нездорового любопытства, суеверного страха и искренней горечи утраты. Даже самые невероятные слухи произносились со странной почтительностью, словно самоубийство представляло собой заразную болезнь, а избегать упрощения или дешевой сенсационности означало предохранять себя от опасности заражения.

Вчера днем, вернувшись со своего несостоявшегося собрания, Дуг рассказал Тритии о Берни Роджерсе, о том, как выглядел труп и 6 своих подозрениях. Трития, в свою очередь, сообщила о звонке Элен Ронды и о письме Ховарда, хотя по непонятной причине так и не

смогла заставить себя рассказать мужу о своем ночном происшествии, имеющем отношение к почтальону. Дуг немедленно хотел обратиться в полицию и сообщить, что, на его взгляд, в обеих смертях каким-то образом замешан новый почтальон. Но жена отговорила его, заявив, что как учитель и уважаемый в городе человек он не имеет права подрывать свою репутацию, выдвигая дикие и голословные обвинения. Конверты, подобранные у ручья, по-прежнему оставались у них, но Дуг понимал, что все остальное абсолютно несущественно и требует не только большого количества доказательств, но и веры...

Во что?

В сверхъестественное?

Может, он сошел с ума? Нет, он так не считал, да и Триш, судя по ее логической аргументации, тоже так не считала. Желание пойти в полицию и рассказать все, что он знал, поделиться своими предположениями, не пропало, но Дуг решил подождать – ради Триш. Она была права. Новости в маленьком городе распространяются быстро, и если окажется, что он ошибся, – пожизненной клички психа не избежать.

Но мысль о том, что кому-то еще может угрожать опасность, что, сохраняя молчание и проявляя пассивность, он как бы способствует тому, что это может произойти, не давала ему покоя. Дуг решил, что надо как можно внимательнее относиться ко всем необычным явлениям, происходящим в городе, и немедленно поставить в известность полицию, если ему покажется, что кто-то может пострадать, получить травму... Или быть убитым.

Они прогуливались вдоль прилавков. Трития постоянно сверялась со своим списком покупок, он брал с полок товары и складывал в тележку.

– Мистер Элбин!

Дуг положил в тележку коробку овсяных хлопьев и обернулся. В соседнем проходе между прилавками стояла загорелая девушка в обтягивающих шортах и такой же обтягивающей маечке, сквозь тонкую ткань выпирали упругие соски. Она приветливо помахала рукой и улыбнулась. Белозубая улыбка осветила ее симпатичное личико. Дуг понял, что это кто-то из его бывших учениц, хотя и не узнал, кто именно.

Пока девушка подходила, он лихорадочно пытался вспомнить, как ее зовут.

– Жизель Бреннан, – представилась девушка. – Литературная композиция. Два года назад. Наверное, вы меня не помните...

– Ну как же, как же! Конечно, помню! – воскликнул Дуг и тут же, к собственному удивлению, действительно вспомнил ее. Жизель относилась к тому типу школьников, которые посещают занятия по собственному усмотрению и с огромным трудом натягивают «троечку» к концу семестра. Подобных учеников он обычно не запоминал. – Как твои дела?

– Отлично.

– Что-то тебя давно не видно.

– Да, я уезжала в Лос-Анджелес, работала в юридической конторе и продолжала учиться, но мне там не нравится. В Лос-Анджелесе, я имею в виду. Слишком многолюдно, слишком душно, все слишком. Приехала повидаться с родителями. – Она широко улыбнулась. – С тех пор, как я уехала, тут стало как-то странно.

«Неужели это так заметно? – подумал Дуг. – Неужели даже посторонние обращают внимание?»

– Это ваша жена? – кивнула Жизель в сторону Триш.

– Да. Трития. Познакомьтесь.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась Триш.

– Привет – откликнулась Жизель. – Знаете, ваш муж – прекрасный учитель. Вы должны им гордиться. Никогда особо не любила английский – у меня скорее математическое мышление, – но мне очень нравилось на его уроках.

– Но ты что-нибудь усвоила? – пошутил Дуг.

– Конечно! Я усвоила разницу между «кто» и «который».

Дуг усмехнулся.

– Не смейтесь! Я серьезно. Я всегда в этом путалась. Обычно я говорила: человек, кто вошел в магазин, или парень, кто продал мне машину. Но после ваших уроков я теперь говорю: человек, который вошел в магазин, парень, который продал машину.

– Рад, что сумел помочь хоть кому-то.

– Правда, вы мне очень помогли. Теперь я в этом деле – настоящий сноб. Например, прихожу я на вечеринку, а там какой-нибудь парень – весь прикинутый и строит из себя интеллектуала, только все равно путается между «кто» и «который». Я сразу чувствую себя на голову выше! Дальше он может ко мне как угодно клеиться, но без толку. Он меня не волнует. У меня к нему отвращение, если хотите знать. Это так здорово!

– Наверное, я должен сказать спасибо, – растерялся Дуг.

– Не за что!

– Вы ему голову вскружили, – заметила Триш. – С ним теперь вообще жить будет невозможно.

– Самый лучший учитель, которого я когда-либо встречала, – не отреагировала на шутку Жизель. – Хотя всегда ставил мне одни «тройки». – Она поискала взглядом свою продуктовую тележку – Ну ладно, мне пора. Я проживу некоторое время в Виллисе. Может, еще встретимся как-нибудь. Может, на ленч как-нибудь или еще что, – смущенно добавила она, отводя глаза в сторону.

– Возможно, – кивнул Дуг. – Буду рад встрече.

Девушка вернулась к своей тележке и покатила ее по проходу.

– Ха! – произнесла Триш, вскинув бровь.

– Что означает твое «ха»?

– Ты прекрасно знаешь, что это означает – Бедная девочка зашла в магазин за покупками, а ты сразу на нее взъелась!

– Кобель! – рассмеялась Триш и ткнула его в плечо. Дуг почувствовал себя немного получше. Приобняв жену за талию, он двинулся вдоль прилавков, выбирая продукты, и больше уже ни слова не слышал о Самоубийствах. Но когда они уже встали в очередь в кассу, обрывки чужих разговоров, в которых проскальзывало «покончил с собой» и «смерть», снова полезли в уши. На глаза ему попала местная еженедельная газетка «Виллис Уикли», стопка которой лежала рядом с прилавком кассы, и он подумал про Бена Стокли, ее редактора. Даже непонятно, почему он не вспомнил про него раньше.

Если кто-то в городе и мог его выслушать, услышать, а возможно, даже поверить, – так это прежде всего Бен Стокли. Дуг ничего не сказал Триш, но про себя твердо решил в ближайшее же время повидать редактора.

Они продолжали двигаться к кассе.

* * *

На обратном пути их «бронко», казалось, вознамерился пересчитать все выбоины и рытвины на дороге. В багажнике лежали яйца и прочие хрупкие предметы, поэтому Дуг ехал медленно, по возможности огибая кочки грунтовой дороги.

Они переехали ручей, миновали поворот и уже вышли на финишную прямую, когда увидели впереди себя на проезжей части Рона и Ханну Нельсонов, которые стояли молча, склонившись над неподвижным телом немецкой овчарки.

– О Боже, – судорожно вздохнула Триш. – Это же Скуби! Остановись!

Дуг съехал на обочину. Теперь они разглядели, что лицо Ханны Нельсон залито слезами.

Триш выскочила из машины и поспешила к подруге. При их приближении Рон выпрямился.

– Что случилось? – крикнул Дуг.

– Скуби погиб, – сдавленно ответил Рон, едва сдерживая слезы. – Думаю, его отравили. На теле никаких следов, а слюна еще течет. Слюна – розовая.

– Вам нужна помощь? Хотите, я отвезу его в ветлечебницу?

– Нет, мы сами его заберем. Ему уже ничем не поможешь.

Дуг посмотрел на собаку. На ней действительно не было ни царапины, но в остекленевших глазах животного застыло выражение испуга и боли. С оскаленных клыков стекала слюна. Земля в этом месте уже превратилась в кровавую кашу. Он взглянул на Триш. Та смотрела на животное с жалостью и гневом.

– Кто же мог его отравить? – спросила она. – Вы подозреваете кого-нибудь?

– Нет, – тяжело сглотнул Рон. – У Вилкерсонов вчера тоже собаку отравили, и я слышал, что за последние дни в городе было отравлено еще несколько.

– Но как они могли добраться до Скуби? Он же всегда на привязи.

– Именно вчера он сорвался и убежал, – пояснила Ханна. Закрыв глаза, она глубоко вздохнула, явно стараясь не разрыдаться. – Мы его несколько часов искали.

– И нашли почти у вашего дома, – добавил Рон.

Ханна отвернулась. Плечи ее опять затряслись в рыданиях.

– Вы уверены, что справитесь сами? – переспросил Дуг, успокаивающим жестом обнимая Триш.

– Да, спасибо, – ответил Рон.

– Позвоните нам обязательно, как только что-нибудь выяснится, – проговорила Триш и взяла Ханну за локоть. – Позвони обязательно.

Женщина молча кивнула. Дуг с Тритией сели в машину. Дуг вставил ключ замка зажигания, завел стартер, включил скорость, и они медленно проехали по обочине мимо четы Нельсонов. В зеркальце заднего обзора Дуг видел, как Рон поднял пса на руки и понес к дому.

Оставшуюся часть пути они проехали молча.

Повернув к крыльцу. Дуг вышел и начал вытаскивать сумки с продуктами из багажника. Трития понесла в дом пакеты. В гостиной на диване перед телевизором, как всегда, развалился Билли. Шайка Брэди. Дуг поставил сумки у кухонного стола. Рядом лежала утренняя почта.

Ее доставили рано утром, еще раньше, чем они проснулись, но ни у кого не хватило храбрости распечатать конверты.

Теперь Дуг просмотрел всю корреспонденцию, выбрал три письма, адресованных ему, и распечатал первое. Триш тем временем разбирала покупки.

Дорогой Тим!

Его имя не Тим. Нахмурившись, Дуг продолжил чтение.

Ты пропустил собрание, поэтому хочу изложить детали. Мы приняли резолюцию пятью голосами из девяти при тайном голосовании и решили нанять нового сторожа. Козел Элбин изложил нам слезную историю насчет книжек, и мы пообещали изыскать фонды – главным образом, чтобы он заткнулся, поскольку, честно говоря, есть гораздо более важные вещи, на которые можно потратить деньги. Я бы хотел, чтобы ты написал ему письмо и объяснил, что наш бюджет на нынешний финансовый год исключает возможность новых расходов наряду с теми, что уже запланированы и так далее, в том же духе...

Глаза Дуга скользнули в конец письма. Оно было подписано Уиллардом Янгом, президентом совета школы. Тим – это Тим Уошборн, единственный член совета, который не пришел на собрание.

– Вот сукины дети! – в сердцах выпалил он.

– В чем дело? – тут же отреагировала Триш.

– Они не собираются приобретать мне книги!

– Но ты же говорил...

– Они мне наврали! – Дуг помахал письмом. – Просто не верится!

– Почему же?

Триш прочитала письмо и бросила его на стол.

– Почему тебя это удивляет? Они только и знают, что издеваться над учителями. С чего ты взял, что что-то должно измениться?

Дуг распечатал второе письмо. Как и ожидалось, в нем содержалось официальное извещение совета, что, к сожалению, бюджет этого года не позволяет закупить требуемое количество экземпляров «Гекльберри Финна».

Порвав письмо в мелкие клочки. Дуг открыл дверцу шкафа под мойкой и вышвырнул их в мусорное ведро.

Трития собралась снова заняться продуктами, но он взял письмо, адресованное ей, и предложил прочитать.

– Прямо сейчас?

– У меня появилась теория.

Трития взяла конверт, аккуратно вскрыла его и прочитала небольшую записку. Нет, этого не может быть! Она перечитала заново.

...С чего ты взяла, что я захочу с тобой встретиться? Ты всегда была высокомерной самоуверенной сучкой, и у меня нет никаких оснований полагать, что ты изменилась...

Высокомерная самодовольная сучка.

Это выражение частенько использовала Паула применительно к женщинам, которые ей не нравились. По одной этой фразе можно было наверняка судить об авторе письма, даже не читая его до конца. У Триш внезапно пересохла губы. Естественно, она никогда не рассказывала Дугу о своей последней встрече с Паулой и о том, что они наговорили друг другу. Она объяснила ему, что они просто отделились после переезда и притворялись, что они еще дружат, хотя все давным-давно было кончено.

Но прошло столько лет, и после того письма Триш искренне полагала, что Паула хочет восстановить былые отношения. Бог знает почему, но за прошедшие годы она часто вспоминала Паулу и сожалела о том, что наговорила ей сгоряча. Они были такими близкими подружками, а разрыв произошел из-за такой, в сущности, мелочи, что Триш без колебаний поверила в желание Паулы встретиться.

Высокомерная самодовольная сучка.

– Ну что там? – поинтересовался Дуг.

– Паула не приедет, – проговорила Триш, быстро пряча письмо. – Она передумала.

– Так же, как и Дон, – сухо заметил муж, протягивая ей письмо от Дона Дженнингса.

Между обращением и подписью было написано одно-единственное слово: «мудак».

Триш часто заморгала, не веря своим глазам. Дон никогда не ругался. Даже такие слова, как «дерьмо» или «черт», он не употреблял.

– Это не похоже на Дона, – заметила она. – Не мог он так измениться. Даже за все эти годы.

– Я и не думаю, что это от Дона.

– Хочешь сказать...

– Первое тоже было не от него, – предвосхитил он ее вопрос. – Дон не получал работу в Фениксе, Дженнингсы не переехали в Аризону, он вообще не собирался писать мне.

Триш буквально передернуло от страха.

– Для обычного глупого розыгрыша это слишком сложно, – сказала она. – Тот, кто это написал, должен знать либо Дона, либо тебя, потому что в письме есть детали, которые невозможно узнать постороннему человеку.

– Это не розыгрыш, – ответил Дуг. – Не знаю, что это, но только не розыгрыш. Дай мне твое письмо.

Триш не хотелось, чтобы кто-то читал это послание, тем не менее, она протянула конверт.

Глаза Дуга быстро пробежали по строчкам.

– Именно так я и думал.

Повисло молчание. Триш оглянулась на Билли, который сидел перед телевизором и делал вид, что не слышит их разговора. Она знала, что сын все прекрасно слышал, но была рада, что он притворяется. Не хотелось разговаривать с ним о письмах, не хотелось объяснять то, что она не могла объяснить.

Триш отвернулась. С Дугом ей тоже не хотелось больше обсуждать эту тему. Она вообще больше не хотела об этом говорить. И она вернулась к разбору покупок.

16

– Очень интересная теория, – проговорил Стокли. – Очень интересная. – Он разломил очередное «печенье-гадание», прочитал бумажку с предсказанием судьбы, отшвырнул ее и стал, не торопясь, жевать печенюшку, размышляя над тем, что узнал от Дуга.

Бен Стокли, неряшливый пузатый мужчина пятидесяти лет с гаком, выглядел как типичный репортер. Брюки он носил исключительно черные, рубашки – белые, и то и другое непременно мятое. Его густые седые волосы, зачесанные на пробор, казались слишком длинными – не по возрасту и не по моде. Грубые черты лица чем-то напоминали Бродерика

Кроуфорда. Казалось, он постоянно потеет – вне зависимости от температуры воздуха. В нижнем правом ящике письменного стола редактора всегда лежала коробка с рискованными «печеньями-гаданиями», которые он специально заказывал для себя у какой-то нью-йоркской фирмы. Он говорил, что покупает это печенье, потому что хочет сэкономить на еде. Но, кроме того, ему очень нравилось предлагать печенье ничего не подозревающим посетителям и наблюдать за выражениями их лиц, пока они читали предсказания, обычно содержащие разные непристойности. Особенно он любил давать эти печенье застенчивым девушкам и чопорным пожилым дамам.

– И что вы на это скажете? – произнес Дуг.

– В отравлении собак вы тоже хотите обвинить почтальона?

– Вы мне не верите. – Дуг поерзал в кресле.

– Я этого не сказал.

Дуг посмотрел на него с надеждой. Редактор разломил очередное печенье.

– Вы обращались в полицию?

– Я рассказал им про письма с просьбами отключить мне свет, воду и телефон. Даже оставил им копии. Но больше ничего не говорил.

– Может, надо сходить еще раз. Я не говорю, что уже вам поверил. – Стокли поднял указательный палец. – Но если вы правы, это определенно дело полиции.

– Я тоже не уверен, что прав. Поэтому и пришел к вам. Если я пойду в полицейский участок и расскажу то, что рассказал вам, они отправят меня в психушку.

– Вы боитесь огласки, – усмехнулся редактор, – поэтому обращаетесь в газету. Неплохая мысль. – Дуг ринулся объяснить, но Стокли остановил его. – Я понимаю. Я понимаю, чего вы хотите, но проблема в том, что газета оперирует фактами. Если в статье нет «кто, где, когда и почему», я ее не публикую. Я могу сделать сенсационный материал, дать вам возможность высказать свои мысли, но это будет ваша личная точка зрения, а я не уверен, что вы добиваетесь именно этого.

– На самом деле я о статье не думал, хотя, разумеется, надо предупредить людей. Прежде всего я думал о поддержке. Вы же знаете все, что происходит в этом городе. Если кто-нибудь споткнется или подхватит простуду, вы в курсе. И я подумал: если кто-нибудь еще подметил нечто необычное в последнее время, так это вы. Я прав?

Стокли молча жевал печенье.

– Ну хотя бы поясните мне, что происходит. Вы что-нибудь слышали?

Стокли задумался.

– Отношения между журналистом и его источниками – дело святое, – наконец заговорил он. – Так же, как между адвокатом и его клиентом, врачом и пациентом, пастором и исповедующимся. Я мог бы отговориться, но скажу вам честно. Да, кое-какие разговоры я слышал. Ничего особенного, ничего похожего на то, что вы мне рассказывали, и ничего такого, в чем люди признались бы под присягой, но с недавних пор кое-кто стал замечать странные вещи. Причем после самоубийства Берни Роджерса таких странностей стало больше. Я должен помнить об объективности, не принимать ничьей стороны, но хочу сказать правду. Да, я считаю, что вокруг творится что-то странное. И я думаю, что все это так или иначе связано с почтальоном.

Дуг почувствовал огромное облегчение. Он даже не представлял, насколько хорошо обрести союзника, убедиться, что он все-таки не сошел с ума и действительно что-то обнаружил.

В то же время ему стало еще страшнее. Если все это правда, то психика почтальона по меньшей мере опасно неустойчива.

Стокли прав. Надо идти в полицию и все рассказать.

Редактор открыл ящик письменного стола и вытащил пачку писем.

– В газету всегда приходит много корреспонденции. Самой невероятной. Мы вынуждены иметь дело с самыми невообразимыми ситуациями. Нацисты требуют для себя свободы печати, коммунисты, чтобы мы рассказывали об их требованиях, религиозные фанатики, чтобы мы объяснили людям, как антихрист проник в правительство. В последние две недели – как раз со дня смерти Ронды – мы получаем только хорошие сообщения. Подписка растет, валом валият

письма с благодарностями, даже хронические шизики доставать перестали. Это само по себе очень странно. А два дня назад начали приходить вот такие послания, – он протянул Дугу один из конвертов. – Читайте!

Дуг быстро пробежал глазами содержание письма. В нем описывались сексуальные издевательства над некоей Синди Хоуэлл. Он скривился. Описание было настолько мерзким, что он не смог заставить себя дочитать до конца.

– Кто такая Синди Хоуэлл?

– Моя дочь.

Дуг недоуменно вскинул голову.

– С ней все в порядке, – продолжил Стокли. – Ничего этого не было. Она живет в Чикаго. Я тут же ей позвонил. И позвонил в чикагскую полицию. Все рассказал и отправил фотокопию этого письма как доказательство.

Они были так любезны, что установили наблюдение за ее домом.

– Не знал, что у вас есть дочь.

– Потому что я никому об этом не говорил.

Она от первого брака, о чем я тоже никому не рассказывал.

– Как же об этом узнал почтальон?

– А я не уверен, что это он. Взгляните на штемпель. Отправлено из Чикаго. Возможно, письмо послали мои враги или какой-нибудь псих, который преследует мою дочь. Может быть, это безвредная угроза какого-нибудь шизика. Обратите внимание: все описывается в прошедшем времени. Якобы все это уже случилось.

– Но вы же сказали, что подозреваете почтальона...

– Не знаю. Я ни в чем не уверен. – Редактор приподнял стопку писем. – Они все очень похожи. На них штампы разных городов, в них упоминаются люди, с которыми я был когда-то знаком. Они не столь сексуально откровенны, как это, но в равной степени мерзки. Вполне возможно, это часть какой-то организованной против меня кампании, хотя оснований для этого я не вижу. Но не исключено, что это просто совершенно невероятное случайное стечение обстоятельств. Я склонен поверить вам насчет почтальона, потому что обнаружил в собственной почте такие же странности, как и вы. И потому, что соседи намеками дали мне понять то же самое. Не могу сказать наверняка, что понимаю смысл происходящего, но это явно концентрируется вокруг почты и началось с появлением Джона Смита.

– В таком случае, почему бы вам не пойти вместе со мной в полицию? Вдвоем нам скорее поверят.

– Поверят? Поверят в то, что один человек в состоянии пересортировать и переадресовать всю почту, сочинить подложные письма всем жителям города, что он же несет ответственность за два самоубийства и Бог знает за что еще? Сомневаюсь, что я сам в это верю. Я подозреваю, что почтальон каким-то образом имеет ко всему этому отношение, но какое, понять не могу. Боюсь, тут начинается территория сумеречной зоны.

– Считаете, я должен рассказать полиции все, что знаю?

– А что вы знаете?

– Ну, что я думаю.

– Вряд ли это будет полезно, ведь у вас нет ни единого доказательства...

– А письма с ручья?

– Это верно. – Редактор откинулся в кресле. – Да. Думаю, вам следует обратиться в полицию. Я с вами не пойду, потому что моя репутация принадлежит не мне одному. Она в равной степени имеет отношение к газете, и пренебрегать этим я не имею права. Вы знакомы с Майком Трентоном?

– Я учил его несколько лет назад.

– Он хороший парень и хороший полицейский. Поговорите с ним. У него ясная голова. Он умеет слушать. Но держитесь подальше от Кэтфилда.

– Майк Трентон. Можно рассказать ему о ваших письмах?

– Расскажите, – вздохнув, кивнул Стокли и потянулся за очередным печеньем. – Не надо бы мне в это ввязываться. Я должен рассказывать о событиях, а не участвовать в них, но, честно говоря, вы меня здорово напугали.

- Я уже целую неделю в таком состоянии, – нехотя усмехнулся Дуг.
- Да, пора с этим что-то делать, – согласился Стокли и положил в рот кусочек печенья.

* * *

Дуг сидел на низком разлапистом диване в приемной полицейского участка. За перегородкой клерки и офицеры отвечали на телефонные звонки, заполняли какие-то бумаги. Трое сотрудников в разное время учились у Дуга. В этом не было ничего необычного. В таком маленьком городке, как Виллис, он на каждом шагу натывался на своих бывших учеников. Но от вида их повзрослевших лиц и сознания того, что они олицетворяют власть. Дуг чувствовал себя безнадежно старым.

Дверь одного из служебных помещений распахнулась, и на пороге появился широко улыбающийся Майк Трентон. Стрижка у него теперь была куда короче, чем в школе, но помимо этого он практически не изменился. Открытое, немножко наивное выражение лица. Даже в своей темно-синей форме он выглядел совсем юным.

- Давно не виделись, мистер Элбин!
- Зови меня Дуг.
- Дуг. – Парень встряхнул головой. – Очень странно обращаться к учителю по имени. – Усмехнувшись, он продолжил:
- Чем я могу вам помочь?
- Тут слишком шумно, – оглядел помещение Дуг. – Ты знаешь какое-нибудь местечко, где можно спокойно поговорить?
- Если вы насчет отключений, лучше обратитесь к лейтенанту Шипли. Он пытается проследить...
- Нет, я по другому делу, – перебил его Дуг. – Можно поговорить у тебя в кабинете или еще где-нибудь?

– У меня нет кабинета, но комната для допросов сейчас свободна. Я в дознавалке! – крикнул Майк одному из сотрудников. Тот согласно кивнул. Они прошли сквозь воротца охранника, пересекли холл и оказались в маленькой квадратной комнатухе, где едва хватало места для стола и двух стульев.

Оказавшись здесь, Дуг не мог придумать, с чего начать. Сама атмосфера полицейского участка, напоминающая, что тут все имеют дело с голыми фактами, действовала обескураживающе. Хронология, которую он выстроил, аргументы, которые тщательно подбирал, – расплывались. У него не было ни единого доказательства. Лишь странные происшествия и притянутые за уши связи. Уверенность, которую он ощущал во время беседы со Стокли, начисто испарилась. Дуг не надеялся, что полиция отнесется к его идеям так же, как журналист, но уже понял, что здесь его истории никто не будет внимать с должным пониманием. А к этому он оказался не готов. Вообще идти сюда было полнейшей глупостью.

Но пока что, глядя на Майка Трентона, он видел на лице юного офицера не цинизм и отсутствие интереса, а неподдельное желание выслушать.

Это, можно считать, больше чем достаточно.

Дуг начал с самого начала. Со странного самоубийства Ронды и своего впечатления от нового почтальона на похоронах. Сначала у него было желание говорить побыстрее, в краткой манере, как это обычно делают свидетели в кинофильмах, но он заставил себя не спешить, тщательно описывал все детали, все эмоциональные ощущения в надежде, что это придаст большее правдоподобие всей истории.

Майк остановил его примерно посередине.

– Прошу прощения, мистер Элбин. Ради Бога, не обижайтесь, но у нас тут совершенно сумасшедшая неделя выдалась. Виллис – городок небольшой. Всего двенадцать копов, мы работаем в две смены. Серия отравлений собак, самоубийство, которое до сих пор расследуется, не говоря уж о всяких драках в ковбойских барах. У нас сейчас крайне не хватает людей. Я понял, с почтой возникли серьезные проблемы, но вам лучше поговорить с самим Ховардом Кроуэллом.

– Ты можешь считать, что я сошел с ума, но...

– Я не считаю, что вы сошли с ума, мистер Элбин.

– Дуг.

– Дуг.

– Я не очень-то понимаю, что происходит, но мне кажется, что Джон Смит – если это его настоящее имя – каким-то образом управляет движением почтовой корреспонденции по своему усмотрению. Он отделяет письма от счетов, хорошие письма – от плохих. Он может перенаправить письмо от предполагаемого получателя к тому, о ком идет речь в этом письме. Позавчера мы получили письмо от Ховарда Кроуэлла, которое должно было попасть к Элен Ронде. Но на конверте стоял наш адрес. Подобное случалось и с другими людьми.

– Значит, вы хотите сказать, что мистер Смит каким-то образом вскрывает все эти конверты, читает письма и перенаправляет их другим лицам ради хохмы?

– Понятия не имею, что я хочу сказать.

– Допустим, так оно и есть. Но вы представляете, сколько времени уйдет у одного человека на всю эту деятельность, даже в таком маленьком городке, как наш?

– Я не уверен, что он когда-нибудь спит. Черт побери, я вообще не уверен, что он – человек.

– Вы меня не слушаете, мистер Элбин. Я уважаю вас и все прочее, я признаю, что с недавних пор с почтой происходят странные вещи, но это уж слишком.

– Ты не хочешь меня услышать, – сухо усмехнулся Дуг. – Я считаю, что смерть Берни Роджерса и Боба Ронды тоже с ним как-то связана.

– Вы шутите?

– Никаких шуток. Постарайся меня дослушать.

Дуг рассказал о своем открытии у ручья и совершенно диких по содержанию письмах, которые пришли к нему и к редактору газеты.

– Почему Бен не рассказал мне об этом? – нахмурился Майк.

– Он не хотел, чтобы и я рассказывал.

– А что с Рондой и Роджерсом?

Дуг пояснил их отношение к деятельности почтового отделения и странные, на его взгляд, обстоятельства самоубийств.

– Мы до сих пор не можем понять, как Берни удалось привязать ту веревку, – признался Майк.

– А что была в записке, приколотой к его груди?

– Извините, – покачал головой полисмен. – Конфиденциальная информация.

– Но ты не считаешь меня полным психом?

– Нет, не считаю, – после некоторого молчания произнес Майк. – Бог знает почему, но я так не считаю. Не могу сказать, что я верю каждому вашему слову, но отвергнуть все, что вы говорите, тоже не могу.

– И на том спасибо. Я знаю, что никаких доказательств против почтальона у меня нет. Поэтому задерживать его вы не имеете оснований. Пока. Но я призываю вас быть максимально внимательными. Вы должны быть готовы к любым неожиданностям.

– Если кто-нибудь узнает, о чем мы тут с вами беседовали, – усмехнулся молодой полицейский, – меня съедят заживо. Но я обещаю.

Дуг встал и отодвинул стул.

– Тебе тоже что-то приходило, да? – проговорил он, внимательно глядя Майку в глаза. – По почте?

Майк выдержал взгляд, потом медленно кивнул.

– Я это сразу понял. Слишком быстро ты отключился от полицейской рутины и въехал в эту ситуацию. Могу дальше не спрашивать.

– Я получил письмо от моей невесты из Феникса, – заговорил Майк. – Она написала, что хочет со мной расстаться. Я тут же ей позвонил, но телефон не отвечал. Я сказался больным, взял отгул и помчался выяснять, в чем дело. Оказалось, что она не писала мне никакого письма. А в тот день, когда я звонил, телефонный шнур случайно выдернулся из розетки. – Он почесал нос. – Может быть, я ошибаюсь, но это очень похоже на то, о чем вы рассказывали. И действительно как-то связано с почтальоном. Вы меня все равно не до конца убедили и

надеюсь, мы не станем делать из мистера Смита козла отпущения, но я буду следить.

– Это все, о чем я прошу. Если что-нибудь еще случится – дам тебе знать.

– А мы сразу дадим вам знать, если что-нибудь выяснится с теми письмами насчет воды, света и телефона.

Дуг поблагодарил, и молодой полисмен проводил его мимо охраны к выходу. Садясь в машину, Дуг чувствовал себя несравненно лучше.

Очень приятно разделить с кем-нибудь груз ответственности. Он завел мотор своего «бронко» и двинулся к дому. По пути, у кольца "К", ему встретился почтальон. Тот извлекал письма из почтового ящика, сортировал конверты, некоторые аккуратно складывал в пластиковую коробку, другие небрежно швырял в коричневый бумажный мешок.

Когда Дуг проезжал мимо, почтальон неторопливо помахал рукой.

17

На следующий день с почтой ничего не произошло. Ее опять привезли слишком рано, когда они еще спали. Подписной бланк на «Ньюсуик», счет «Визы», несколько рекламных листовок. Ничего необычного, хотя само по себе это было необычно.

Дуг попытался дозвониться до Стокли, но секретарша сказала, что шеф игнорирует все звонки. Дуг попросил передать редактору, кто звонит, и после долгих уговоров она согласилась, но когда снова взяла трубку, Дуг услышал, что сегодня у них день сдачи номера и редактор не может отвлечься ни на секунду. В утешение девушка сказала, что Стокли перезвонит ему сам, как только появится такая возможность.

Днем позже почта тоже не принесла ничего неожиданного. Дуг уже начал думать, не поторопился ли, делая выводы, и не ошибся ли вообще. Трития молчала, однако он знал, что у нее на уме то же самое. Он обратил внимание, что жена даже стала себя лучше чувствовать.

На третий день почтовый ящик оказался буквально забит всевозможной корреспонденцией.

Дуг сходил к ящику рано утром, пока Билли спал, а Триш поливала огород. Он насчитал десять конвертов. Большинство выглядело довольно зловеще. Дуг пробежал глазами адреса отправителей.

Некоторые были ему знакомы. Он сунул конверты в задний карман брюк, выпустил рубашку, чтобы их не было видно, и вернулся в дом, где немедленно разорвал все на мелкие клочки, спрятал обрывки в пустую картонку из-под молока и запихнул в мусорную корзину.

Вернулась Триш. Вытирая мокрые руки, она поинтересовалась:

– Есть почта?

– Нет, – уверенно солгал он.

На четвертый день писем не было, равно как и на пятый. Складывалось ощущение, что это своеобразное наказание за то, что получатель выбросил корреспонденцию, не читая. Словно отказавшись от предложения, он провинился и лишен права получать почту вообще.

Абсолютно ненормальная мысль.

Тем не менее, полное отсутствие корреспонденции нервировало не меньше, чем ее наличие.

Дуг уже начал бояться, не случилось ли что с его психикой. Может, он слишком много смотрел кинофильмов или перечитал книжек, но в этой временной передышке ему стало чудиться нечто зловещее. Затишье перед бурей. Он ждал, когда грянет буря. Он пытался достроить хотя бы одну стену сарая, но никак не мог сосредоточиться и бросал все, не проработав и часу. Поехав после обеда в город, Дуг обратил внимание, что многие знакомые люди, с которыми он обычно общался, ведут себя как-то странно.

Тодд Голд, хозяин деликатесной лавочки по соседству с Бейлесом, даже не ответил на его приветствие. Когда Дуг помахал рукой и поздоровался, Тодд резко отвернулся и ушел. Но Триш он не стал об этом рассказывать.

С тех пор, как перестали приносить почту, она выглядела значительно бодрее, и хотя такая манера поведения – «с глаз долой – из сердца вон» – была для нее несвойственна, можно сказать, просто нехарактерна, ему не хотелось втягивать жену в то, что, возможно, является

всего-навсего плодом его больной фантазии. В конце концов, может, вообще не происходит ничего странного, ничего из ряда вон выходящего? Может быть, просто воображение разыгралось, реагируя на странную цепочку случайных совпадений, между которыми на самом деле нет ничего общего?

Может быть.

Но он так не думал.

18

Сегодня Триш чувствовала себя лучше. Третий день подряд они жили без писем, и от этого у нее почему-то поднималось настроение.

Старая, проверенная теория: отсутствие новостей – лучшие новости. Кроме того, она собиралась в гости к Айрин Хилл, а визиты к этой пожилой даме всегда давали ей заряд бодрости.

Триш свернула с шоссе и покатила по Пайн-стрит. Около городского Женского клуба ее кольнуло легкое чувство вины. Шесть месяцев назад она была одним из инициаторов создания группы желающих похудеть, но после третьего занятия больше ни разу там не показывалась.

Две недели она терпеливо сидела на суровой диете и ухитрилась сбросить пять фунтов, что составляло примерно половину желаемого, но напряжение оказалось чересчур сильным. Постоянные взвешивания, зажигательные речи, лекции, журналы, пропаганда стали вызывать у нее раздражение. Кроме того, Триш хотелось прежде всего сократить объем бедер, а все пышные формы остались при ней.

В этот момент одна из ее бывших компаньенок, Бет Джонсон, выехала со стоянки у здания почты. Бет помахала рукой, растянув губы в фальшивой пластиковой улыбке, Триш ответила тем же.

Некоторое время она еще ехала по Пайн-стрит, потом свернула на грунтовку около гольф-клуба. Дорога огибала пологий холм и утыкалась в небольшой участок, застроенный особняками. Теперь до дома Айрин было рукой подать. Они познакомились с Айрин Хилл несколько лет назад на ежегодной благотворительной книжной ярмарке в городской библиотеке.

Айрин стала одной из основательниц библиотеки еще в те времена, когда немногочисленные горожане читали или хотели читать. Без всякого преувеличения ее можно было назвать главной интеллектуальной силой местного общества. Даже после ухода на пенсию Айрин продолжала поддерживать связь с библиотекой, прилагала титанические усилия для расширения фондов, агитировала добровольцев сдавать ненужные книги, заботилась о деятельности попечительского совета, организовывала книжные и журнальные распродажи. Собственно говоря, именно Айрин и обратилась тогда к Триш за помощью.

Женщины моментально нашли общий язык.

Конечно, между ними существовала разница в целое поколение, но Айрин была в курсе всех политических и культурных событий, и, несмотря на свой безграничный энтузиазм по отношению к чему бы то ни было, имела гораздо больше общего с Триш, нежели с закосневшими добровольцами ее возраста.

Триш вышла из машины и поднялась на затянутую сеткой веранду. На стук из кухни послышался голос Айрин.

– Входите! Дверь не заперта!

Триш вошла внутрь. Дом Айрин был полон антиквариата, хотя в годы приобретения ни одна из этих вещей антиквариатом считаться не могла. Большую часть прихожей занимала напольная вешалка: в гостиной, помимо старинных книжных шкафов и горок с фарфором, стояла старинная виолончель и великолепный кабинетный рояль. На застекленных полочках вдоль стены красовались фарфоровые фигурки, собранные за последние полвека.

Дом был теплый, уютный, полный цветущих растений, и Триш всегда чувствовала себя здесь счастливой, она будто попадала в убежище, защищенное от внешнего мира.

Айрин занималась тем, что отщипывала листики от большого пучка сушеных растений.

Она любила заваривать чай из мяты и различных цветов, которые выращивала в своем

садике. Получался восхитительный напиток, который, к сожалению. Дуг и Билли иначе, чем травой, именовать отказывались. Пожилая леди повернулась навстречу Триш, пальцы ее продолжали уверенно выбирать листочки и стебельки, словно действовали сами по себе, безотносительно намерений их владелицы.

– Как дела, милочка? Сколько мы с тобой не виделись – две или три недели?

Триш улыбнулась. Айрин была единственным человеком, который употреблял словечки типа «милочка» или «дорогуша», умудряясь не придавать им оттенок приторности или снисходительности.

– Все хорошо.

– А выглядишь ты усталой. Я бы даже сказала – несколько зачахшей.

– Стресс, – решила не вдаваться в подробности Триш.

Хозяйка перестала обрывать листья и отерла вспотевший лоб подолом передника.

– Дуг?

– Нет, дело совсем не в этом. Скорее... – Триш запнулась. – Даже не знаю, в чем дело.

– Утром получила твою открыточку.

– Открытку? – В мозгу Триш моментально вспыхнул красный сигнал опасности. Она не посылала Айрин никаких открыток.

– Да, я долго смеялась, хотя не поняла, почему ты так написала. Я вполне здорова.

Триш охватил уже знакомый страх; было такое ощущение, что она снова окунулась в тревожную атмосферу недавних дней. Она огляделась. Кухня внезапно показалась ей странной, даже свет, льющийся из окна, был каким-то не правильным.

– Я ничего не посылала.

Пожилая дама нахмурилась. Некоторое время она молча машинально перебирала траву, потом произнесла:

– Этого я и боялась.

В голосе ее не было ни тени эмоций. Простая констатация факта.

Трития подошла к угловому диванчику и присела.

– Значит, вы тоже знаете?..

– О чем?

– О почтальоне.

Айрин бросила свое занятие и села напротив гостьи.

– Его самого я не видела. Но как не заметить, что с почтой творится что-то неладное? Я получаю письма от людей, с которыми не виделась годами. Можно сказать – десятилетиями. От людей, которых считала уже умершими. Одно письмо пришло от Сью, из библиотеки, но Сью ничего мне не посылала.

– Это происходит со всеми, – кивнула Триш.

– Но никто не желает говорить об этом. В самом начале я позвонила Ховарду, решила пожаловаться, но он был в таких расстроенных чувствах, что не очень-то понял, о чем я толкую. Тогда я решила после обеда съездить на почту, а там этот новый сотрудник сказал, что Ховард заболел и уехал домой. – Айрин покачала головой. – Никогда не думала, что Ховард Кроуэлл может заболеть.

– Я тоже, – вставила Трития.

– Последние несколько дней я получаю открытки от разных людей с пожеланиями скорейшего выздоровления, – улыбнулась хозяйка. – Сначала подумала, что мой врач наговорил им какие-то глупости. Странная шутка, если это вообще можно назвать шуткой. Судя по текстам, друзья считали, что у меня сердечный приступ. Я всем перезванивала, сообщала, что со мной все в порядке, а они объясняли, что не посылали мне никаких открыток.

– Я тоже не посылала.

– Да, ты уже говорила. – Айрин отвернулась к окну. За стеклом колибри на секунду зависла над веткой жимолости, потом метнулась в сторону и исчезла. – Я решила не обращать внимания. К счастью, сейчас это все прекратилось.

Трития нахмурилась. Такое пассивное поведение для Айрин совершенно не характерно.

Она не могла быть «счастлива» от того, что нечто просто прекратилось.

– Вы с тех пор видели Ховарда?

Айрин отрицательно покачала головой.

– А ты?

Триш тоже с ним не общалась, хотя и не могла четко определить причину. Она уже знала, что Ховард ничего не писал Элен Ронде, тем не менее не могла окончательно избавиться от первоначального чувства обиды на поразившее ее в тот момент двуличие почтмейстера.

Надо сделать над собой усилие и заехать к Ховарду на обратном пути.

– Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом, – предложила Айрин, вставая. – Что, у нас других дел нет?

Это тоже было совсем на нее не похоже. Трития внимательно взглянула на собеседницу и увидела перед собой совершенно незнакомую женщину. Испуганную женщину. Тревожный огонек опасности уже полыхал вовсю, и к нему добавился вой сирен.

– Вы говорили еще кому-нибудь?

– Давай об этом больше не будем, – жестко повторила Айрин.

* * *

Трития несколько раз объехала квартал, прежде чем припарковаться перед зданием почты. Некоторое время она еще посидела в машине, потом усилием воли заставила себя выйти наружу.

Стоянка была практически пуста – лишь одна легковушка и один пикап были припаркованы по соседству. Ничего странного в этом Триш не углядела – середина дня. Но то, что на скамеечках рядом с почтой не сидели старики, которые целые дни проводили на этом, месте, ее встревожило.

Она вошла в здание. У кассы стоял единственный посетитель – пожилой седоусый мужчина. Его обслуживал новый почтальон. С близкого расстояния его ярко-рыжие волосы выглядели угрожающе, особенно в сочетании с невыразительными чертами бледного лица. Ховарда нигде не было. Триш попробовала заглянуть в служебное помещение, которое отделяла от стойки небольшая перегородка, чтобы проверить, но ничего не увидела.

Поэтому она огляделась по сторонам. Помещение заметно изменилось. Вместо плаката о воинской повинности, который всегда располагался на самом видном месте, плаката, изображавшего кроткого вида юношу, сидящего на стуле рядом с симпатичной девушкой, был наклеен другой. На нем был запечатлен устрашающего вида моряк с крупными каплями пота на лбу и в форме, забрызганной кровью. Текст содержал настойчивое требование ко всем молодым людям, достигшим восемнадцати лет, немедленно идти регистрироваться на призывные пункты. Триш показалось, что в здании почты изменилась сама атмосфера. Даже плакаты с почтовыми марками стали другими. Ховард обожал редкие марки с изображениями флоры и фауны. Теперь же стены украшали три одинаковых плаката – реклама новой марки, выпущенной в честь юбилея изобретения водородной бомбы.

В помещении было жарко, угнетающе жарко. День выдался не особенно знойным и влажным, скорее нехарактерно прохладным для этого времени, но внутри почтового отделения царил настоящее пекло.

Единственный посетитель раскланялся с почтальоном и собрался уходить. Ощувив легкую панику, Триш развернулась, нацеливаясь на выход, но профессионально ровный голос остановил ее.

– Миссис Элбин!

Триш оглянулась. Почтальон смотрел на нее, улыбаясь, и на мгновение ей показалось, что они с Дугом ведут себя как параноики и что этот Джон Смит – совершенно нормальный человек, безо всяких странностей. Она подошла поближе, и только тогда обратила внимание на плотно сжатые тонкие губы, холодные голубые глаза. И сразу вспомнила письма у ручья.

И ночную доставку почты.

Почтальон по-прежнему улыбался. Хотя скорее это была не улыбка, а самодовольная ухмылка.

– Чем могу служить?

– Я хочу поговорить с Ховардом. – Трития постаралась, чтобы ее голос звучал как можно

тверже. Главное – не показать своего страха.

– К сожалению, – ответил почтальон, – Ховард еще утром ушел домой. Почувствовал себя плохо. Я могу его заменить?

Он произносил совершенно невинные слова, ясные, однозначные, но от его голоса у Триш по спине побежали мурашки. Она покачала головой и медленно попятилась к двери.

– Нет, спасибо. Я заеду, когда он поправится.

– Его может не быть некоторое время, – предупредил почтальон.

Теперь в его словах прозвучала явная угроза, хотя на лице по-прежнему оставалась пластиковая улыбка.

Триш повернулась к нему спиной. Несмотря на гнетущую духоту, между лопатками заледенело.

– А вы славная, – произнес он ей вслед, словно делая какое-то двусмысленное предложение.

Она взвилась, ощутив мгновенную вспышку страха и ярости одновременно.

– Держись от меня подальше, ты, мерзкий сукин сын, не то засажу в кутузку и глазом моргнуть не успеешь!

Улыбка почтальона стала еще шире.

– Билли тоже славный.

Она уставилась на него, не в силах ответить.

В ушах, совпадая по ритму с колотящимся сердцем, билась одна фраза: Билли тоже славный.

Билли тоже славный. Билли тоже славный.

Триш больше не могла сдерживать свой страх.

Ее охватило желание немедленно выскочить на улицу, прыгнуть в машину и умчаться куда глаза глядят. Непонятно, откуда она нашла в себе мужество остаться на месте и произнести ледяным тоном:

– Сволочь. Я немедленно еду в полицию.

После этого твердой, уверенной походкой покинула здание и села в машину.

Но в полицию Триш не поехала. Только оказавшись на шоссе и миновав первый перекресток, она смогла остановиться и отсидеться, чтобы унять нервную дрожь и найти силы добраться до дома.

19

Билли смотрел телевизор, когда пришел Лейн. Точнее, не смотрел. Телевизор работал, глаза мальчика не отрывались от экрана, но и звук, и изображение скользили фоном, не затрагивая сознания. Он думал про Лейна. В последнее время друг здорово изменился.

Билли не знал конкретно, в чем дело, но изменение оказалось более глубоким и тревожным, чем можно было ожидать после разногласий в связи с тем письмом. Нет, это не просто расхождения во взглядах. Вчера они с Лейном ездили на раскопки, помогали извлекать из земли удивительно хорошо сохранившиеся предметы примитивной кухонной утвари, и Лейн вел себя – надо отдать ему должное – абсолютно как раньше. Но в его поведении появилась какая-то скрытность, непроизвольно действующая Билли на нервы. Лейн напоминал ему героя одного фильма, который в течение ряда лет убивал маленьких детей, прятал трупы у себя в подвале и терпеливо ждал подходящего момента, чтобы поведать об этом миру, гордо объявить всем и каждому о своих деяниях.

Разумеется, это совершеннейшая глупость.

Нет у Лейна подобных тайн, да и быть не может.

Тем не менее его друг изменился, изменился сильно, и причины этого Билли понять не мог. В связи с ним Билли вспомнил о почтальоне.

И это тоже выглядело очень странно. Между ними не могло быть никакой связи – ни явной, ни тайной, тем не менее, на подсознательном уровне Билли чувствовал, что она существует, и это его пугало. Причем боялся он скорее не за своего приятеля. Боялся он за себя.

Послышался знакомый отрывистый стук в сетчатую дверь, и Билли крикнул, что дверь

открыта. Появился Лейн. На нем были старые потертые джинсы и черная майка с короткими рукавами. Он изменил прическу – расчесал волосы на пробор, отчего стал выглядеть старше, взрослее.

– Привет, – поздоровался Билли.

Лейн уселся на диван. Лицо его расплылось в самодовольной ухмылке, показавшейся Билли неприятной и неестественной.

– Мать дома?

– Нет.

– Очень жаль.

Билли постарался ничем не выдать своего удивления. Когда это Лейн жалел, что его предков нет дома? Оба они старались по возможности избегать общения с родителями, утверждая тем самым собственную самостоятельность.

Некоторое время мальчики молча сидели, уставившись в телевизор. Наконец Билли снял ноги с кофейного столика и встал.

– Какие планы?

Лейн неопределенно пожал плечами. В этом жесте Билли тоже почудилась некая фальшь.

– Может, сгоняем на раскопки, посмотрим, как там дела?

– А в форт заглянуть не хочешь? – вопросом на вопрос откликнулся Лейн. – Я бы тебе кое-что показал.

Билли согласился, хотя не был уверен, что хочет увидеть то, чем с ним собирался поделиться друг. Выйдя на крыльцо, он обошел вокруг дома. Отец читал на задней веранде.

– Мы уходим, – объявил он.

– Кто это «мы»? – оторвался от книжки Дуг. – И куда именно?

Билли слегка покраснел, смущенный вопросом, явно нарушающим его независимость.

– Мы с Лейном. Хотим пойти в форт.

– Пожалуйста.

– Добрый день, мистер Элбин, – поздоровался подошедший Лейн.

Мальчишки спустились с веранды, миновали зеленую изгородь, прошли под деревьями, и дом тут же пропал из виду. Под ногами похрустывали мелкие ветки и сосновые иглы.

– Так что ты хотел показать? – спросил Билли.

– Потерпи, увидишь! – загадочно улыбнулся Лейн.

Они подошли к форту, легко взобрались на крышу и через люк спустились в большую комнату. Лейн сразу направился в «штаб», сел, достал номер «Плейбоя» и начал его листать.

Билли немного разозлился. Друг явно испытывал его терпение, надеясь услышать очередную просьбу показать то, что обещал. Он решил не доставлять Лейну такого удовольствия и остался в большой комнате, делая вид, что рассматривает висящий на стене плакат.

Лейн не выдержал первым. Отложив журнал, он встал – Я получил ответ, – заявил он.

– От той женщины"? – удивился Билли.

Лейн улыбнулся лукавой, многозначительной улыбкой, которая, очевидно, должна была выглядеть заговорщицкой.

– Хочешь взглянуть?

Билли понимал, что следует отказаться. Самодовольное выражение лица Лейна было таким непривычным, что почти пугало, особенно в полумраке форта. Тем не менее он непроизвольно кивнул. Ухмыляясь, Лейн протянул конверт Билли вынул письмо и стал медленно его разворачивать. Лейн жадно ловил каждое его движение. Развернув листок. Билли испытал нечто похожее на удар в солнечное сплетение.

В кресле, высоко задрав разведенные в стороны ноги и широко улыбаясь, сидела его собственная мать, абсолютно голая. Несмотря на мгновенно заслезившиеся глаза, Билли разглядел влажные поблескивающие края ее разверстого влагалища и сморщенную дырку ануса.

Посередине листа, прямо под фотографией, была одна строчка, впрочем, написанная явно не материнской рукой:

ЛЮБЛЮ СОГЛАШАТЬСЯ

Билли почувствовал, что не может вздохнуть. Он судорожно пытался втянуть в себя воздух, но легкие просто отказывались работать.

В глотке пересохло. От мерзкого привкуса, внезапно появившегося во рту, его затошнило.

Рука, держащая письмо, тряслась так, что бумага хрустела. Он разжал пальцы и взглянул на Лейна. Приятель осклабился в похотливой самодовольной ухмылке.

Билли, не говоря ни слова, ринулся вперед.

Первый удар пришелся точно в ухмыляющееся лицо. Лейн рухнул навзничь. Билли поддал ему еще раз. Вокруг царил полумрак, поэтому мальчик не сразу сообразил, что глаза его заливают слезы.

Наконец Лейн поднялся на ноги. Ему здорово досталось – кровь хлестала из носа, глаза слезились, тем не менее, он опять расплылся в какой-то нездоровой улыбке.

– Она это любит, я ответил, что могу ей это предоставить. Я буду трахать ее, как захочет.

Билли снова выбросил вперед кулак, но на сей раз Лейн был готов отразить нападение.

Увернувшись, он ответил ударом в живот, от которого Билли со стоном сложился пополам.

Лейн ухватился за канат, собираясь выбраться наружу.

– Я всем это буду показывать, – пообещал он. – Может, еще кто-нибудь захочет поразвлекаться с твоей мамашей.

Шаги бывшего друга прогрохотали по крыше и скоро затихли. Билли корчился на полу, заливаясь слезами.

20

Дуг сидел на веранде, разглядывая в телескоп деревья на гребне горы. Наступило полнолуние, и он собирался вдоволь полюбоваться лунными кратерами. Телескоп он купил для Билли на прошлое Рождество. Интерес мальчишки к астрономии возникал и пропадал в четком соответствии с фазами Луны. В последний раз Билли показалось, что сбилась настройка, и он попросил отца все проверить, но Дуг до нынешнего вечера никак не мог найти подходящий момент.

Он настроил линзы так, что можно было различить отдельные иглы на ветках сосны, стоящей на самой вершине. Билли оказался прав.

При увеличении изображение несколько размывалось, но не настолько, чтобы окончательно испортить удовольствие. По крайней мере, кратеры будут видны довольно прилично.

Дуг повел трубу телескопа в сторону поднимающейся на гору Ридж-роуд. Шел уже восьмой час. Солнце быстро закатывалось за горизонт.

Грунтовая дорога петляла между скал, которые казались рыжими в косых лучах заходящего солнца. Он уже хотел перевести трубу на что-нибудь более любопытное, когда в поле зрения что-то мелькнуло.

Вверх по дороге медленно ползла красная легковая машина.

Дуг почувствовал, как замерло сердце.

Почтальон поднимался на перевал.

Его окатила волна холода. Ридж-роуд шла параллельно основному городскому шоссе, а потом резко уходила вверх, заканчиваясь тупиком среди нагромождения скал. Она пересекала Дубовую аллею как раз около школы и среди старшеклассников именовалась не иначе как трассой любви. Но на вершине хребта никто не жил.

Почтальону некуда было везти почту.

Машина перевалила через хребет и исчезла из виду. Дуг встал. Отсюда дорога была видна невооруженным глазом – узкая светлая полоска, выходящая по темному лесистому склону.

Движущуюся машину можно разглядеть без труда.

Он смотрел и ждал.

Ждал и смотрел.

Солнце опустилось совсем низко, обращенный к нему склон горы погрузился в темноту.

Постепенно дорога, скалы и деревья слились в одну темную массу. Если почтальон поедет

обратно с включенными фарами, машину будет отлично видно, а если с выключенными...

Внутренний голос подсказывал, что почтальон остановился где-то на вершине и какое-то время пробудет там.

Можно ли что-нибудь предпринять?

Дуг быстро проскользнул в сетчатую дверь, чтобы никакие летучие насекомые не проникли в дом. Трития заканчивала мыть посуду. Билли уже ушел наверх.

– Хочу съездить на кольцо "К", – объявил он.

– Зачем? – откликнулась Триш, закрывая шкафчик.

Дуг не приготовил заранее правдоподобный предлог, поэтому лихорадочно выпалил первое, что пришло в голову.

– Сладкого захотелось. Хочешь чего-нибудь?

Триш подозрительно посмотрела на него, но промолчала, лишь отрицательно покачав головой.

– Мне «Великана», – прокричал сверху Билли.

– А если не будет?

– Тогда «Сюрприз»!

– Хорошо. А тебе? – еще раз спросил он у Триш. – Гранолы¹ не хочешь?

– Нет. – В какой-то момент ему показалось, что жена собирается что-то сказать, но Триш промолчала.

– Вернусь минут через пятнадцать. – Дуг вышел на веранду и начал спускаться с крыльца.

– Будь осторожен, – негромко произнесла Триш ему в спину.

Дуг оглянулся. Жена явно что-то поняла или почувствовала. Он мог с уверенностью сказать, что она волнуется. Ему захотелось заговорить с ней, объяснить, что случилось, но он никак не мог подобрать слова. Поэтому он молча кивнул и направился к своему «бронко».

Отъехав подальше от дома. Дуг прибавил газу и помчался вперед, стремясь как можно быстрее оказаться на вершине горы, хотя чутье подсказывало ему, что почтальон никуда не денется.

Все это было очень странно. Насколько знал Дуг, почтальона никто не видел заходящим в магазин, заправляющим машину, где-то едящим или вообще делающим хоть что-то, кроме исполнения своих служебных обязанностей. В таком маленьком городе, как Виллис, очень трудно вести тайный образ жизни. До последнего времени Дуг полагал, что это вообще невозможно. Даже если ты патологически асоциальная личность, соседи все равно проследят за твоими уходами и приходами, обратят внимание на твои привычки, расскажут друзьям, которые, в свою очередь, передадут своим друзьям и в скором времени город окажется в курсе всех твоих перемещений. В маленьком городке, где все жители на виду, нет возможности вести жизнь затворника. Но почтальону, судя по всему, это каким-то образом удавалось.

Теперь у Дуга появился шанс впервые понаблюдать Джона Смита в нерабочее время.

Он не сомневался, что сейчас почтальон занимается отнюдь не доставкой корреспонденции.

Дуг свернул на шоссе и помчался сквозь город, лишь у здания банка сбросив скорость до предписанных тридцати пяти миль. Потом выехал на Дубовую аллею и помчался к Ридж-роуд. Ладони, сжимающие баранку, вспотели.

Трасса была темной, без единого фонаря. Оказавшись у самой вершины, он сбросил скорость до минимума. Не представляя, что ждет его впереди, он не хотел обращать на себя внимание.

Плоская вершина горы, усеянная крупными камнями, между которыми росли чахлые кусты и высокая трава, не могла послужить надежным укрытием. Выключив фары. Дуг съехал на обочину и заглушил двигатель. Необходимо преодолеть свой страх. Он опустил боковое стекло. На востоке поднималась луна. По вершине поползли длинные тени. Он знал, что через какую-нибудь милю дорога заканчивается, значит, если он ничего не упустил, почтальон в данный момент находится совсем рядом:

¹ Гранола – подслащенная овсянка с добавлением орехов и изюма.

Дуг посидел еще некоторое время в машине, собираясь с духом и привыкая к темноте. На вершине горы гулял легкий, но вполне ощутимый ветерок. Стебли травы, залитой голубоватым светом, покачивались и едва слышно шелестели. Но помимо шелеста, до Дуга внезапно донесся какой-то звук. Приглушенное неразборчивое бормотание. Оно то затихало, то усиливалось, как волны прибоя.

Почтальон.

Дуг ощутил, как руки покрылись мурашками. Медленно, беззвучно он открыл дверцу и выбрался из машины. К счастью, одет он был во все темное, и его фигура полностью растворилась во мраке ночи.

Оказалось, что вершина горы далеко не ровная. Склон продолжал подниматься, перекрывая ему поле зрения.

Бормотание стало громче.

Дуг двинулся вперед. В кармане позвякивали ключи и металлическая мелочь. Пришлось сгрести все в кулак. Дорога слегка загибалась, подъем неожиданно кончился. Он резко остановился. Сердце громко колотилось в груди. На равнине, в стороне от дороги, на расстоянии меньше полумили. Дуг увидел почтальона. Его гибкую, тощую фигуру с дико размахивающими руками, извивающуюся в бешеной пляске между скальных обломков. Ближе можно было и не подходить, но Дугу хотелось рассмотреть детали, поэтому он сошел с дороги, нырнул в траву и быстро пополз вперед. От страха сводило мышцы. За спиной всходила яркая полная луна, заливая фосфоресцирующим светом открывшееся его глазам зрелище.

Бормотание становилось все громче и громче. Почтальон декламировал нараспев какие-то стихи. Дугу даже показалось, что на иностранном языке, настолько странными, чужеродными были и слова, и ритм. Но по мере приближения он понял, что слова декламации были английскими.

«Ни дождь, ни снег, ни лед, ни град...»

Джон Смит декламировал девиз почтовой службы.

Дуг почувствовал, что у него на голове зашевелились волосы. Он заполз за большой, не правильной формы валун и осторожно выглянул из своего укрытия. Почтальон высоко подпрыгивал и крутился, не глядя под ноги, словно в экстазе. Дуг оказался уже так близко, что мог разглядеть блестящие латунные пуговицы его форменного мундира и иссиня-черные сверкающие ботинки.

В горле пересохло; Дуг испугался, что почтальон услышит, как колотится его сердце. Он с первой же встречи почувствовал, что от почтальона исходит какое-то зло. Но только сейчас понял, насколько далеки от истины были эти предчувствия. Безумный торжествующий танец мог иметь отношение "с колдовству или сатанизму, но интуиция подсказывала Дугу, что за этим кроется нечто гораздо более худшее, затрагивающее такие основы и такие глубины, которых он не понимает да и вряд ли сумеет понять.

Почтальон замолчал и оскалился в бешеной улыбке. В лунном свете ярко блеснула полоска зубов. Он задрал голову к небу, но его ноги продолжали выделять невообразимые па, сопровождающиеся взмахами рук. Потом декламация возобновилась. Лозунг почтовой службы.

Все время, что Дуг наблюдал за ним, почтальон ни на мгновение не прекратил своего сумасшедшего танца и не проявил ни малейшего признака усталости. Он даже не вспотел.

Дуг понял, что почтальон может протанцевать до рассвета.

Он попятился и двинулся обратно тем же способом, прячась в высокой траве. В какой-то момент ему показалось, что почтальон смотрит ему в спину и беззвучно смеется, но он решил не вдаваться в подробности и предпочел бегом, пригибаясь, побыстрее вернуться к «бронко».

Не зажигая фар, он развернулся и погнал вниз по Ридж-роуд.

Дуг совершенно забыл, что собирался заехать на кольцо "К" и купить Билли его «Великана», но ни сын, ни жена не сказали ему ни слова. Они, безусловно, поняли, что он солгал.

Он лежал в темноте с открытыми глазами, прислушиваясь к глубокому ровному дыханию Триш и звукам ночной жизни за окном. Где-то рядом с домом без устали стрекотали цикады, издавала равномерное уханье совы.

Дуг никогда не страдал от бессонницы. Ребенком он нуждался в длительном отдыхе, и даже став взрослым, засыпал мгновенно, как только голова касалась подушки. Сегодня вечером он просмотрел до конца все телепередачи, потом выключил телевизор, решив, что, видимо, звук мешает ему уснуть, хотя раньше это совершенно ему не мешало. Как только умолк телевизор, везде наступила полная тишина. Дуг лежал, уставившись в темноту, и ему казалось, что легкий ночной ветерок доносит далекий размеренный речитатив.

21

Хоби проснулся от звука лязгающего металла. Спросонок он даже не сразу понял, в чем дело. Перед глазами еще вертелись картины чудесного сна. Ему снился огромный бассейн, в котором купались обнаженные женщины. Он был охранником и как раз скинул свою одежку, чтобы пристроиться к симпатичной блондинке, раскинувшейся на пляжном полотенце, но именно в этот момент в сознание проник посторонний звук и вернул его в мир реальности.

Звук повторился. Металлическое клацанье.

Теперь он его узнал – дверца почтового ящика. Нахмурившись, Хоби пошарил глазами в поисках будильника. Господи, три часа!

Какого дьявола почту стали приносить в три часа ночи?

Откинув простыню, он уже собирался встать, но неожиданно замер на месте. Каким образом он услышал звук открываемой и закрываемой дверцы почтового ящика? Ящик висит на противоположном торце трейлера, и услышать лязганье можно лишь в непосредственной близости. И почему его разбудил такой слабый звук? Обычно Хоби спал очень крепко, не просыпаясь до утра, и даже на звон будильника реагировал с опозданием.

Хоби внезапно замерз, поэтому все-таки встал и накинул халат. Продолжает твориться что-то очень странное. Если почтальон еще не уехал, пожалуй, надо пойти и спросить этого ненормального сукина сына...

А почему он решил, что это почтальон?

Его начал бить озноб. Холодная волна прокатилась между лопатками. Сама мысль показалась ему просто дикой: почему он решил, нет, был абсолютно уверен, что сейчас, посреди ночи, именно почтальон привез именно ему корреспонденцию? Почему не предположить, что какие-то хулиганы хотят раскурочить почтовый ящик? Мальчишки, например, накидали туда сырых яиц?

Хоби вышел из спальни в тамбур. Он был не из трусливого десятка, но ему пришлось поднапрячься, чтобы заставить себя пройти по ковровой дорожке. На самом деле ему очень хотелось вернуться в постель и укрыться с головой одеялом.

Он распахнул дверь. Улица была пустынна.

Капоты его автомобилей поблескивали в лунном свете. Запустив руку в ящик, он достал толстый, грубый конверт. Тщательно заперев за собой дверь, Хоби вернулся в спальню и включил свет.

На конверте не было обратного адреса. Но на штемпеле четко виднелось слово «Вьетнам». Вьетнам?

Он рассмотрел штамп повнимательнее.

4 июня 1968 года.

Хоби прошиб холодный пот. Ему показалось, что в трейлере одновременно и жарко, и холодно. Он тяжело опустился на диван, глядя на конверт и не решаясь вскрыть его.

Вьетнам. 1968.

Невероятно. Письмо, затерявшееся двадцать лет назад, не может быть найдено и доставлено адресату. Или все-таки может? Он нервно ощупал конверт. Наверное, Дуг прав. Наверное, сам почтальон рассылает людям фальшивые письма. А иначе зачем ему заниматься доставкой в такое время?

Интересно, чего же он хочет добиться? Подделка писем – уголовное преступление. Если поймают, ему грозит тюрьма.

Хоби вскрыл конверт.

Выпали четыре фотографии. Как в прошлый раз, на фотографиях было запечатлено «до» и

«после». Девушка азиатского вида, лет четырнадцать или пятнадцать, на четвереньках в темной грязной комнате. Пах и голова гладко выбриты. Та же девушка, но с отрубленными и закинутыми за голову ногами, лицо искажено криком боли и ужаса. Другая девушка, еще более юная, не то азиатка, не то белая, привязанная за руки и за ноги к воткнутым в грязь Кольям, на фоне темно-зеленых джунглей. Та же девушка, но с распотрошенными внутренностями, дико распахнутыми глазами и огромным ртом, застывшим в мучительном крике.

Хоби почувствовал спазм в желудке. Его охватил настоящий страх. Ладони взмокли от пота, руки тряслись так, что бумага зашелестела, но он все-таки заставил себя прочитать письмо.

Брат,

дела принимают хреновый оборот. Мы покинули города и теперь в деревнях. Чертовы джунгли действительно непроходимы. Куда ни глянь – сплошная зелень, черт бы ее побрал. Даже, небо кажется зеленым. Понятия не имеем, где прячутся вьетконговцы и когда им взбредет в голову атаковать. Все на взводе. Дергаешься на каждый шорох. Мы собирались встать на окраине джунглей и ждать, но сержант решил, что лучшая оборона – нападение, и позавчера мы двинулись вперед. Погляди на фотки. Их сделал один парень, его зовут Мак. Это в деревне вьетконговцев. Мужчины все убежали, остались их жены и девки. Сам понимаешь, чего им требовалось от здоровых американских парней. Но оставить их просто так было глупо. Они могли рассказать, в какую сторону мы пошли. Поэтому мы сначала их перетрахаили, а потом заставили замолчать. Это тоже на фотках. Ну, мне пора. Отцу можешь рассказать, а матери не надо. Я напишу ей отдельно, как будет время.

Дэн.

Дочитав письмо, Хоби долго не мог отвести глаза от листка бумаги. Письмо от Дэна. В этом нет никаких сомнений. Даже спустя двадцать лет почерк брата он мог определить безошибочно. Но жестокость, бесчувственность, откровенное стремление к насилию и убийству были совершенно нехарактерны для Дэна.

Почему-то он вспомнил, как в детстве вместе с друзьями засыпал солью улиток и наблюдал, как они растекаются. Это увидел Дэн и залился слезами, оплакивая улитку и ее осиротевшее семейство. Мать с отцом только совместными усилиями смогли его успокоить.

Теперь захотелось заплакать Хоби. От горечи утраты брата, которая мгновенно вспыхнула с новой силой, и от осознания тех изменений, которые произошли в юном мальчике до того, как он успел погибнуть. Изменений, которых ни он, ни родители даже не ожидали.

Каким бы стал Дэн, если бы вернулся?

Хоби отложил письмо и снова взял фотографии. После взгляда на девушку со вспоротым животом страх, который временно отступил, заставил его дернуться к светильнику и включить его на полную мощность. Яркий свет разогнал тени в комнате, но не смог развеять мрак, царивший в его душе.

Нет, с этим пора кончать. Дуг прав. Вокруг определенно творится какая-то мерзость. Утром он первым же делом отправится на почту и разберется. Он выяснит, почему стали приходить письма двадцатилетней давности с такими фотографиями и почему их доставляют по ночам. Он потребует от Ховарда принять меры, а если старикан не захочет, что ж, пусть молится Богу, что вовремя делал страховые взносы.

Хоби сложил лист бумаги и сунул его в конверт вместе с фотографиями. Он испытывал двойственное желание – либо порвать письмо вместе с фотографиями на мелкие клочки и вышвырнуть в мусорную корзину, либо сохранить как последнюю память о Дэне. Поколебавшись, он положил конверт на кофейный столик. Он решит, что делать с письмом и вообще что с этим делать, утром, на свежую голову.

Хоби уже собирался выключить свет и лечь досыпать, когда услышал за дверью легкий шелест шагов. Страх вспыхнул с новой силой. Негромкое металлическое звяканье свидетельствовало о том, что кто-то опять открыл и закрыл дверцу почтового ящика.

Пришло еще одно письмо.

Хоби понимал, что надо выскочить и застукать почтальона на месте, вытряхнуть из этого мерзкого ублюдка всю его поганую душу, но он боялся обнаружить свое присутствие. Поэтому он крепко зажмурился, напрягая мышцы, чтобы унять колотившую его внутреннюю дрожь, и

расслабился только тогда, когда услышал удаляющиеся шаги и, спустя некоторое время, тихое урчание мотора отъезжающего автомобиля.

Он просидел до рассвета, боясь вернуться в постель, боясь заглянуть в почтовый ящик, боясь пошевелиться. Только звонок будильника, поставленного на шесть утра, заставил его подняться с дивана.

22

Дуг сидел на стуле с высокой спинкой в кабинете начальника полиции.

– Я видел своими глазами!

– Хорошо, допустим, почтальон танцевал ночью, при луне. И что? Танцевать не запрещено. Танцы считаются нормальной формой самовыражения индивидуума.

– Не делайте из меня идиота! Что вы со мной в игрушки играете! В нашем городе черт-те что происходит, а вы тут порете чушь собачью!

Лицо шефа полиции сделалось непреклонным.

– Закон – это не чушь собачья, мистер Элбин. Я принял к сведению ваше мнение и скажу вам честно. В расследованиях мы отрабатываем все возможные версии.

Майк Трентон, сидя рядом с шефом, молча изучал столешницу.

– Не надо меня успокаивать общими фразами. Вы прекрасно знаете, что в городе настоящий бардак.

– Я же не учу вас, как преподавать литературу, – раздраженно произнес шеф полиции, вставая из-за стола. – Вот и вы не учите меня, как работать. Буду весьма признателен, если вы перестанете вмешиваться в дела полиции. Мы вполне способны справиться своими...

– Вполне способны?

– Хватит, мистер Элбин! – Полисмен навис над столом, упираясь в него руками. – Я потратил достаточно времени, беседуя с вами и выслушивая ваши теории. Прошу больше не мешать работе отдела, иначе вас обвинят в создании помех осуществлению правосудия. Я достаточно ясно выразился?

Дуг покосился на Майка, но молодой полицейский по-прежнему сидел, опустив голову и явно избегая встречного взгляда.

– Абсолютно.

* * *

Остаток дня Дуг провел так, как хотел бы провести все лето, – сидя на веранде с книжкой в руках. Но расслабиться и получить наслаждение ему так и не удалось. Визит в полицейский участок пошел псу под хвост. Ощущение, что этим посещением он ни на йоту не поколебал законопослушность почтальона в глазах полиции, сжигало его изнутри. Надо было поступить иначе. Надо было сохранить хотя бы видимость спокойной рассудительности. Вместо этого он ринулся в бой, как одержимый фанатик.

Отложив книгу Дуг стал разглядывать деревья. Возможно ли, что он неверно трактует события? Неужели он одержим навязчивой идеей?

Нет.

Он видел доказательства своими собственными глазами.

Синичка порхала с ветки на ветку в поисках корма. Дуг безучастно следил за ней взглядом.

Многие его коллеги-учителя живут в своем маленьком замкнутом академическом мире, полностью отрешившись от всего, что их окружает.

Он так не мог. К счастью или к несчастью, он жил в мире реальном. Его волновала политика.

Экономика. Погода.

Почтальон.

За последние две недели Дуг с огромным удивлением обнаружил, насколько жизнь его семьи зависит от наличия или отсутствия почты.

– Дуг! – Он поднял голову. На пороге, придерживая сетчатую дверь, стояла Триш. – Где будем полдничать? На веранде или внутри?

Он неуверенно пожал плечами и поднял книгу. Спустя мгновение Триш оказалась рядом и положила руку ему на плечо.

– Почему бы нам не съездить, например, в Седону, хотя бы на сутки? По-моему, мы оба придаем этим глупостям слишком большое значение.

– Ты права, – медленно кивнул Дуг.

– Иногда не мешает проветриться.

– Да. Можем прокатиться по каньону Дубового ручья и заодно заглянуть в Флагстаф. Там у них нормальная почта. Может, мне удастся поговорить...

– Нет, – жестко оборвала Триш. – Нам нужно отдохнуть от всего этого сумасшествия.

Такое ощущение, что почта – единственное, о чем мы в состоянии думать и говорить. Давай возьмем Билли и уедем на день в Седону. Устроим себе настоящий отдых. Будем есть, ходить по магазинам и вести себя как настоящие туристы. Ну, как тебе эта мысль?

– Неплохо.

– Значит, попробуем?

Дуг молча кивнул.

– Так где накрывать – в доме или здесь?

– На веранде.

– Будет исполнено! – Она бодро развернулась и поспешила на кухню.

* * *

На следующий день они выехали с утра пораньше. Остановились по дороге у кондитерской, купили свежих пончиков, кофе и молочного шоколада. Проезжая по городским улицам, Дуг думал, что Триш в очередной раз оказалась права. Видимо, им действительно нужна короткая передышка, каникулы, перерыв, хотя бы для того, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Миновав знак, снимающий ограничение скорости, он прибавил газу. По обочинам замелькали шумящие листвой деревья. Дуг уже чувствовал себя легче, словно груз ответственности, который он взвалил на себя, остался за спиной вместе с городскими ограничениями. Конечно, по возвращении все начнется заново, но как же хорошо избавиться от него хотя бы на время! Он решительно настроился получить максимум наслаждения.

По мере продвижения на север леса становились гуще. Узкое шоссе петляло между скал, ныряло в ущелья, следуя рельефу местности. В тени гигантских сосен пытался тянуться к солнцу чахлый подлесок. Все видимое пространство занимали низкорослые кустарники. То и дело на глаза попадались огромные голые стволы деревьев, пострадавших от ударов молнии.

Их безлистные мертвые сучья странно контрастировали с пышной растительностью. Однажды у небольшого озера, на травянистом лугу, они заметили оленя, замершего в ужасе при виде несущегося автомобиля.

Постепенно лес уступил место голому плоскогорью, и спустя еще час они оказались на шоссе «Черный каньон».

– Королевский бургер, – заявил Билли, когда они миновали знак, сообщающий, что до Седоны осталось сорок миль. – Давайте съедим по королевскому бургеру!

Первый раз за весь день сын проявил интерес к чему бы то ни было, и Дуг уже хотел согласиться, когда услышал жесткое «нет» жены.

– Ни в коем случае! Мы будем обедать в Тлаквепаке!

– Опять! – взвыл Билли.

– Мы не были там целый год, – попробовала урезонить его Триш.

– Не так уж и давно!

– Ну хватит! – прикрикнула мать.

Все замолчали. В салоне звучали мелодии кантри, передаваемые радиостанцией Флагстафа. Спустя пятнадцать минут после поворота к замку Монтесумы Дуг свернул на узкую двухполосную дорогу, ведущую в Седону. Из трех путей, которые вели в город, этот считался

самым живописным. Здесь не менялся цвет скал, как по дороге из Камп-Верде; не было и буйной растительности, заслоняющий вид, как на трассе из каньона Дубового ручья. Этот пейзаж напоминал, скорее, картину из фильма-вестерна – обширные ровные пространства, среди которых, как театральные декорации, возвышались красные скалы. Синее небо, белые облака, зеленая трава, красные скалы – подобные контрасты живой природы не сумела бы передать никакая камера.

Они миновали скалу «Колокол», церковь Святого Креста Франка Ллойда Райта. Дорога, постепенно прижимаясь к берегу ручья, петляла под скалами. Наконец в поле зрения появились жилые здания. Дуг направил машину напрямик к Тлаквепаку – выстроенному в испанском стиле комплексу магазинов, художественных галерей и бутиков в лесном массиве у Дубового ручья.

Некоторое время они не торопясь гуляли по магазинчикам, но Билли быстро заскучал и убежал вперед инспектировать многочисленные фонтаны. Выстеленное керамической плиткой дно каждого фонтана было усыпано мелкими монетами, пересчитать которые Билли считал своим долгом. Родители тем временем разглядывали манекены в купальных костюмах, выставленные в витринах магазинов. В одной из галерей Тритии понравилась гравюра Дэна Наминги, и Дуг под предлогом необходимости заглянуть в туалет отстал, вернулся и купил ее, но спрятал под покрывалом на заднем сиденье автомобиля.

Потом они устроились перекусить в маленьком мексиканском ресторанчике, во внутреннем дворике под открытым небом, рядом с беспрестанно журчащим ручьем. Стены и высокие деревья ограничивали обзор, но возвышающиеся вдали высокие красные скалы все равно радовали глаз. На фоне сочной зеленой листвы они выглядели еще более выразительно.

Все это действовало так расслабляюще, что Дуг постепенно забыл и о почте, и о последних событиях в Виллисе. И вдруг на глаза ему попался почтальон в синей форме с коричневой сумкой на боку. Он подошел к кассе и вручил сидящей за аппаратом девушке пачку писем.

При этом он улыбнулся – вполне нормально и дружелюбно, – но благодостное настроение Дуга уже испарилось. Доедая свое реллено под соусом чили, он не отрываясь следил за почтальоном, который совершил полный круг по просторной площади.

* * *

Домой они доехали без приключений. Билли спал на заднем сиденье, а Дуг и Триш слушали старую пленку Эмерсона – «Лэйк энд Палмер».

В начале пятого на обочине мелькнула зеленая табличка ограничения скорости, извещающая о том, что здесь проходит граница Виллиса.

Они проехали мимо гаража Генри, мимо офиса торговли недвижимостью «Пондероза», но сразу за бензозаправкой «Тексако» обнаружили, что трасса заблокирована двумя полицейскими машинами с включенными мигалками. У каждой машины стояло по полицейскому в окружении кучки водителей, желающих миновать кордон.

Тут же толпились жители из окрестных домов.

Дуг заметил коричневую униформу представителя службы шерифа.

Он притормозил, съехал на обочину и остановился за помятым джипом. Приказав Триш не выходить из машины и не выпускать Билли, Дуг отправился выяснять, в чем дело. По мере приближения к импровизированной баррикаде он углядел среди полицейских Майка и направился напрямик к нему.

– Майк, что случилось?

– Пожалуйста, оставайтесь там, мистер Элбин. Дальше нельзя.

– Но в чем дело?

– Бен Стокли сошел с ума. Примерно час назад вошел с пистолетом в банк и открыл стрельбу.

– О Господи! Есть пострадавшие?

– Четырнадцать человек убиты, мистер Элбин, – с трудом выговорил побледневший полисмен.

23

Убийства стали сюжетом общенациональных новостей. Все три вещательных канала Феникса прислали в Виллис своих корреспондентов с телекамерами; их репортажи пошли в вечерние выпуски. Лучше всех справился со своей задачей 12-й канал. Перед тем как ложиться спать, Дуг еще раз посмотрел, как телеобъектив запечатлел вспышки в окне банка в тот самый момент, когда редактор последним выстрелом покончил с собой. Самоубийство произошло во время пятиминутных новостей, и даже репортер умолк, когда грохнул выстрел, обозначивший конец этого дикого события. Оператор продолжал снимать выбегающих из здания посетителей, ринувшихся внутрь полицейских... Картинка расплылась от навернувшихся слез. Дуг уже понял, что Бен Стокли мертв.

Они со Стокли никогда не были друзьями, но их отношения были довольно близкими. Смерть этого человека сильно подействовала на Дуга. Он уважал редактора. И даже испытывал к нему симпатию. Было очень странно наблюдать по телевизору знакомые места и знакомых людей в таком отстраненном и обезличенном виде. Это почему-то действовало еще более угнетающе.

В комментарии, идущем поверх съемок, диктор сообщила, что в столе редактора обнаружили пачку писем, и полиция надеется, что это послужит ключом к расследованию причин, подтолкнувших Стокли на это дикое преступление.

Письма.

Дуг выключил телевизор и двинулся в спальню. Триш уже спала, тихонько посапывая.

Письма.

Связь была столь очевидной, что даже тупой шеф полиции не может не обратить на это внимания. Но Дуг тут же вспомнил телерепортажи о подобных событиях. Как правило, друзья и соседи в один голос твердили, что не понимают, как добрый, уважаемый, совершенно нормальный человек решился на столь ужасный поступок.

Люди, внезапно охваченные приступом безумия и убивающие невинных граждан, случайно оказавшихся рядом, стали с пугающей регулярностью появляться в сводках ночных новостей.

Такие события уже никому не казались из ряда вон выходящими.

Дуг тоже не понимал, что подвигло Стокли на подобный шаг. Естественно, корнем зла является почтальон, но что же нужно написать в письме, чтобы человек резко сошел с катушек и ринулся расстреливать невинных граждан?

Значит, у Стокли изначально были проблемы, было какое-то слабое место, какая-то кнопка, а почтальон просто знал, когда и где надавить, чтобы она сработала.

Это пугало еще больше. Получалось, что каждый человек имеет свою цену. Свое слабое место.

Может, он ошибался раньше. Может, почтальон не убивал ни Ронду, ни Берни Роджерса. Может, они сами наложили на себя руки, потому что почтальон точно знал, как поступить, чтобы заставить их шагнуть за грань. Может быть, почтальону известны такие же слабые точки каждого жителя города. Его самого.

Тритии.

Билли.

Дуг заснул далеко за полночь. Ему снились бледные лица, рыжие волосы и стаи конвертов.

* * *

Следующий день оказался еще жарче прежнего. Абсолютно безоблачное небо не предполагало даже краткосрочной передышки от палящего солнца. Перед ленчем заскочил Хоби в своей обычной форме охранника, хотя была среда, а по средам бассейн закрывают на профилактику. Он взшел на веранду, согласился выпить чаю со льдом и выглядел очень рассеянным и даже больным, не способным сосредоточиться. Дуг заговорил об убийствах, но

Хоби только кивал и не выказывал никакого желания что-то прокомментировать или высказать свои соображения; более того, казалось, он вообще не слушает, о чем идет речь.

Дуг обратил внимание, что черные спортивные брюки Хоби заляпаны остатками пищи, а его белая безрукавка уже не белая и весьма помятая, словно он носил ее несколько дней не снимая, а то и спал в ней.

Они сидели на веранде и жевали итальянские сэндвичи. Судя по тому, что Триш вела себя очень мирно, она тоже обратила внимание на странности в поведении Хоби. Она даже попыталась завязать с ним беседу, и парень слегка расслабился, хотя от бывшего разговорчивого Хоби, которого порой трудно было остановить, не осталось и тени.

После ленча Трития ушла в дом, а мужчины остались на веранде.

– Так что там с твоими книжками? – спросил Хоби, громко рыгнув. – Официальный отказ получил или нет?

Дуг кивнул.

– Но тут же отправил им письмо с жалобой.

– И что?

– Ничего, – сухо усмехнулся Дуг. – Думаю, их ответ где-то затерялся.

– Уиллард Янг. Чтоб он сдох, этот хрен с ушами!

– Не с той стороны смотришь. Я бы назвал его ослиной задницей.

– И это верно.

Некоторое время оба молчали; Из дома доносилось приглушенное звяканье тарелок.

Триш мыла посуду.

– Что-то творится в этом городе, – наконец произнес Хоби. Его голос звучал негромко, очень серьезно и совсем не напоминал иерихонскую трубу. Дуг впервые уловил в голосе друга нотки страха.

От этого у него по телу пробежали мурашки, а волосы на руках и затылке зашевелились.

Эмоции, должно быть, заразная вещь.

– То есть? – как можно спокойнее произнес он.

– Сам все прекрасно знаешь, – откликнулся Хоби. – Дело в почтальоне.

– Давно хотел от тебя это услышать. – Дуг откинулся в кресле.

Хоби облизнул губы и провел пятерней по давно нечесаной гриве.

– Я получаю письма от брата.

– Ты никогда не говорил, что у тебя есть брат.

– Он погиб во Вьетнаме в девятнадцать лет. – Хоби глубоко, прерывисто вздохнул, а когда заговорил снова, в голосе появилась нехарактерная горечь. – Ему было всего девятнадцать. Ричард Никсон вместе с Линдоном Джонсоном должны за это гореть в аду. – Он поднял голову и взглянул Дугу в лицо. – Но дело в другом. Дело в письмах. Дэн написал их еще там.

Письма, которые мы не получили. Письма, которые каким-то образом пропали.

– Может, это фальшивки, – прокашлявшись, медленно заговорил Дуг. – Нам тоже приходили письма якобы от наших друзей, но написанные самим почтальоном. Не понимаю, как он это делает и зачем, но...

– Эти – настоящие. Письма от Дэна. – Хоби молча уставился на деревья, словно разглядывая там что-то. Дуг обернулся, но ничего не заметил. Когда же он вновь посмотрел на друга, то обнаружил, что Хоби плачет. – Не знаю, где почтальон мог найти эти письма, но они написаны почерком Дэна и в них есть такие подробности, которые были известны только ему. Разве что... Ты знаешь, я отнюдь не религиозный человек. Но я не могу отделаться от мысли, что эти письма должны были потеряться либо мы не должны были их получить, потому что... – Он встряхнул головой и отер слезы. – Я узнал о моем брате такое, что лучше бы никогда не знал.

Он стал совсем другим человеком. Ни я, ни родители такого даже не могли представить. Может, он изменился во Вьетнаме, а может. Знаешь, лучше бы я не получал этих писем, но теперь, когда они уже пришли, я их прочитал и продолжаю перечитывать. Чувствую, что не хочу, но должен об этом знать. Ты что-нибудь в этом понимаешь?

– Сколько ты получил?

– По одному за день. – Хоби попытался улыбнуться. – Или за ночь. Их доставляют ночью.

Оба некоторое время молчали.

– Стокли – дело рук почтальона, – тихо проговорил Дуг. – Не знаю, что он сделал и как, но это его рук дело. Он довел Стокли до убийства. Он заставил его пойти в этот чертов банк и начать стрельбу. Это звучит дико. Я понимаю. Но это правда.

Хоби промолчал.

– Я сомневаюсь, что Берни Роджерс покончил с собой, но если это и так, то его принудили. То же самое с Рондой. – Дуг потянулся и положил руку на плечо Хоби. Жест получился странным, неловким, но вполне естественным. При этом у Дуга мелькнула мысль, что он прикоснулся к другу впервые за все годы знакомства. – Я за тебя беспокоюсь. Постарайся быть осторожным. Я не понимаю, что происходит, но похоже, что почтальон по какой-то причине теперь выбрал тебя...

– То есть? Ты хочешь сказать, что я буду следующим? – Хоби негодуяще фыркнул и на мгновение превратился в себя прежнего. – Думаешь, я могу наложить на себя руки? Черта с два! Придумай что-нибудь получше!

– Я рад это слышать, – улыбнулся Дуг.

– Согласен, меня здорово перетряхнуло, но так просто меня не возьмешь! Я не позволю какому-то почтальонишке свести меня с ума.

– Отлично.

– Но нам надо что-то делать с этим засранцем, согласен? – серьезно, с напряжением продолжал Хоби, глядя приятелю прямо в глаза.

Выражение его лица испугало Дуга, и он поспешил отвернуться.

– Ты поддержишь меня? Ты все-таки первый, кто обратил на это внимание.

– Да, – кивнул Дуг. – Но...

– Но что?

– Просто не делай глупостей, ладно? Мы его обязательно прищучим, только не делай ничего противозаконного. Будь осторожен.

– Мне пора. – Хоби встал – Пора возвращаться в бассейн.

– Бассейн же сегодня закрыт, – мягко напомнил Дуг.

– Верно, – откликнулся Хоби, спускаясь по ступенькам, и несколько раз энергично встряхнул головой. – Что-то я стал забывать все в последнее время.

– Будь осторожен, – повторил Дуг. Хоби уже садился в свой грузовик. Триш вышла на веранду и встала рядом с мужем, вытирая руки посудным полотенцем. Хоби развернулся и вырулил на дорогу. Они помахали ему вслед.

Но Хоби им не ответил.

24

Дуг с Тритией пошли к почтовому ящику вместе.

Странно, как такой невинный предмет, неодушевленная металлическая коробочка, может за столь короткое время стать настоящим источником зла. Они шли по хрустящему гравию.

Шли медленно, сосредоточенно, подавляя внутреннюю дрожь, словно на гильотину. Шли молча, словно опасаясь проронить хоть слово.

Утро выдалось необычно облачным для конца июня. Дуг даже подумал, что в этом году сезон дождей может начаться раньше. Эта мысль тревожила. Сам факт, что ко всем происходящим странностям добавляется еще и изменение традиционных погодных условий, переводил ситуацию на более высокий, чуть ли не космический уровень. Раньше Дуг просто отмахнулся бы от столь откровенной нелепости, но у них теперь была совершенно другая жизнь.

И Триш, и Билли последние дни вели себя замкнуто, и все больше молчали. Дуг знал, что каждый из них что-то замечает, но не хочет в этом признаваться.

Это добавляло страху. У них была очень дружная семья, они всегда делились всеми своими мыслями и чувствами, а сейчас стали резко отдаляться друг от друга, замыкаться в себе. И он не знал, как с этим бороться.

Они подошли к почтовому ящику. Словно исполняя древний ритуал или играя хорошо

выученную роль. Дуг открыл дверцу, а Триш извлекла конверты.

Пришло два письма. Одно – ему, другое – ей.

Трития вопросительно взглянула на мужа и протянула конверт.

Дуг молча вскрыл его. Конверт оказался пуст.

Триш распечатала свой. В конверте оказался листок бумаги. Она развернула его, пробежала глазами и побледнела. Потом подняла голову и глухо спросила:

– Кто такая Мишель?

– Мишель? – недоуменно повторил Дуг.

Она протянула письмо. Дуг начал читать и на половине вспомнил, о какой Мишель идет речь. Мишель Брюннер, его давняя подруга по колледжу, единственная женщина, не считая Триш, с которой у него было то, что на юридическом языке называется сексуальной связью.

По мере чтения он хмурился все больше и больше. Из письма следовало, что они с Мишель в течение многих лет оставались страстными любовниками, встречались при каждом удобном случае, хотя между ними все кончилось после первого курса колледжа, за два семестра до встречи с Триш.

– Фальшивка, – коротко бросил Дуг, складывая листок.

– Кто такая Мишель?

– Мишель Брюннер. Я тебе рассказывал о ней. Ну та, бешеная.

– Потаскушка?

– Она самая, – через силу улыбнулся Дуг.

– Она до сих пор тебе пишет?

– Ты прекрасно знаешь, кто все это пишет, – ответил Дуг уже без улыбки. – Отнюдь не Мишель.

Триш устало опустила голову.

– Что же нам делать? Это становится утомительно.

– Мы должны положить этому конец. После завтрака я поговорю с Ховардом. Если мне не удастся заставить его что-нибудь предпринять, буду звонить в главное управление, в Феникс. Не знаю, почему я до сих пор этого не сделал. Надо было сразу же им позвонить. Надо было послать им несколько писем из тех, что мы нашли у ручья.

– Они бы их никогда не получили.

– Это верно.

– И что ты собираешься им рассказать? Думаешь, тебе поверят? Скорее решат, что у тебя паранойя.

– Я не буду рассказывать им все. Расскажу только про доставку почты. Как минимум, они переведут почтальона в другое место.

– А если он не захочет?

Вопрос повис в воздухе. Оба молчали.

– Ну, пошли, – наконец произнес Дуг – Пора завтракать.

* * *

Перед отделением почты выстроилась длинная очередь. Клиенты злились. Дуг медленно шел через автостоянку. Люди в очереди выглядели совсем не так, как обычно. Все стали какими-то жалкими, потрепанными. Никто не потрудился приодеться, принарядиться, как это бывало раньше. Наоборот, в глаза бросались рабочие штаны, заляпанные куртки, драные майки. У мужчин были грязные лица, грязные руки; а из женщин лишь единицы озаботились тем, чтобы причесаться или хотя бы вынуть из волос бигуди. Одна пожилая леди была в купальном халате и тапочках.

Даже издали Дуг различил угрожающие нотки в слитном гудении толпы. Люди не обсуждали новости, спорт, погоду, не обменивались местными сплетнями. Они даже не жаловались.

Они выражали свой гнев, повторяя одно и то же, словно стараясь поддерживать свою ярость на должном уровне. Речь шла о прекращении страховок, об угрозе санкций за неуплату по счетам – о проблемах, причиненных почтой.

Вместо того чтобы пристроиться в хвост очереди, Дуг обогнул здание и вошел внутрь через другую дверь. С тех пор, как он был здесь в последний раз, все разительно изменилось. Помещение казалось еще более мрачным и грязным.

Шторы на окнах были опущены. Большая часть ламп дневного света перегорела. Водяной кондиционер опять не работал. В комнате царил духотища. Влажный, как бы предгрозового воздух представлял собой дикую смесь дезодорантов, пота и тяжелого дыхания. Плакаты на стенах тоже изменились. Замечательный плакат с марками на тему любви, который всегда висел над столом для заполнения бланков, исчез; вместо него красовалось изображение пятидесятицентовой марки, выпущенной в честь юбилея изобретения гильотины. Белый плакат бросался в глаза на темном фоне стены. Широкое металлическое лезвие деревянной гильотины словно сияло. Вокруг толпились люди со злобными лицами. На другой стене, где Ховард обычно вывешивал плакаты, рекламирующие новые марки, посвященные выдающимся личностям, висел огромный плакат с маркой, изображающей Адольфа Гитлера, а рядом с ним – изображение безумного Чарлза Мэнсона.

За стойкой стоял почтальон. Его рыжие волосы буквально светились в полумраке.

Дуг почувствовал дрожь в коленках, но решил ни за что не демонстрировать почтальону свой страх. Решительным шагом он подошел к оконцу.

– Мне нужно поговорить с Ховардом, – со всей возможной жесткостью произнес он.

Почтальон окинул его холодным взглядом.

– Я обслуживаю клиента. Если вы дождетесь своей очереди...

– Просто скажите, здесь Ховард или нет.

– Вы должны соблюдать очередь.

– Правильно, – поддержало несколько голосов.

– Его здесь нет, – произнес какой-то мужчина. – Я слышал, как мистер Смит уже объяснял кому-то, что Ховарда нет.

Дуг поискал глазами говорящего. Этот человек был ему совсем незнаком – застенчивого вида мужчина, зажатый между злобно зыркающей дамой и подростком с незапоминающимся лицом. Мужчина явно не привык высказываться и выражать свое мнение. Его словно когда-то напугали раз и навсегда, и это испуганное выражение так и застыло на его лице. Но в данный момент глаза незнакомца светились решительностью, а голос дрожал от гнева – он показался Дугу почти что героем. Значит, еще кто-то собирается дать бой новому почтальону.

– Большое спасибо, – кивнул Дуг.

– Не за что, – улыбнулся тщедушный человечек.

Почтальон тем временем обслуживал очередного клиента и делал вид, что ничего не происходит. Дуг вышел на улицу и направился к своей машине, нащупывая в кармане ключи.

Значит, придется поехать к Ховарду и привезти его сюда. Дугу стало совершенно ясно, что почтмейстер, как и все остальные, боится своего подчиненного. Но, может, удастся уговорить его предпринять хоть какие-нибудь действия. Черт побери, что-то же надо делать!

Дуг сел за руль. На лобовом стекле снаружи растекся здоровый густой плевок. Он оглядел длинную очередь, пытаясь понять, кто мог это сделать, но никто даже головы не повернул в его сторону.

Включив дворники, он вырулил со стоянки и поехал по улице.

* * *

Почтмейстер жил на пологом холме, в одном из лучших районов города. Дом располагался почти в пригороде Виллиса и вместе с тем не очень далеко от отделения связи. В отличие от района, где обитал Хоби Бичем, одноэтажные дома на улице Ховарда выглядели ухоженными и прибранными.

Дуг остановился перед домом, обшитым белой вагонкой, и выключил зажигание. Машины Ховарда нигде не было, но это еще ничего не значило. Она вполне могла стоять в гараже.

Выйдя из «бронко». Дуг направился к дому.

По дороге он обратил внимание, что трава по сравнению с яркой зеленью соседних участков заметно пожухла и стала какой-то желтовато-бурой. Недобрый знак. Как и

большинство пожилых людей, Ховард с фанатичным усердием ухаживал за своим двором.

Дуг поднялся на крыльцо, нажал кнопку звонка и прислушался. Тишина. Он несколько раз ударил кулаком в дверь, подождал некоторое время и забарабанил снова.

– Ховард! Вы здесь?

Изнутри не доносилось ни звука. Трижды повторив попытки и выждав минут пять, Дуг сошел вниз и отправился вокруг дома. Занавески на окне гостиной слегка просвечивали, и он надеялся что-нибудь разглядеть. Но не тут-то было. Сквозь ткань ничего рассмотреть не удалось. Комната была слишком темной, чтобы различить хотя бы предметы обстановки. Дуг пошел дальше – мимо окон столовой, потом кухни, потом мимо второй спальни в надежде, что где-нибудь найдется щель достаточная, чтобы заглянуть внутрь. Но все шторы были плотно задернуты. Он подергал заднюю дверь, но та была, разумеется, заперта.

– Ховард! – снова заорал Дуг, барабанив в дверь.

Ответа не последовало.

Обитатели соседних домов либо уехали, либо сидели взаперти. Во всяком случае все вокруг выглядело абсолютно вымершим. Дуг почувствовал неприятный озноб. Сказывалось ощущение, что он стал героем романа про вспышку на солнце или какую-нибудь другую псевдонаучную катастрофу, погубившую человечество, остался единственным живым человеком на всей планете и обречен бродить среди прекрасно сохранившихся плодов человеческой деятельности и нетронутой природы.

Вдалеке залаяла чья-то собака. Дуг чуть не подпрыгнул от неожиданности. Господи, до чего же он стал пуглив!

– Ховард! – опять позвал он.

Тишина.

Либо почтмейстера действительно нет, либо он настолько болен, что не может встать, либо он просто прячется.

Как бы то ни было, надо попробовать еще раз позвонить, а если никто не откликнется, придется связаться с почтовым отделением Феникса.

Размышляя об этом, Дуг поднялся на крыльцо и уже хотел нажать кнопку звонка, когда увидел под ногами, на коричневом соломенном коврике, белый прямоугольник конверта. Раньше его здесь не было. В этом Дуг абсолютно не сомневался.

Он поднял странное послание. На конверте дрожащими детскими каракулями было выведено его имя. Внутри оказался вдвое сложенный листок бумаги с двумя словами:

ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ

Дуг заколотил в дверь.

– Ховард! Откройте! Я знаю, в чем дело, Ховард!

Но дверь оставалась глухо запертой, шторы не шелохнулись. А внутри не было слышно ни малейшего звука.

* * *

Телефон главной почтовой конторы Феникса Дуг нашел в справочнике. Он решил позвонить из спальни. Набрав номер, он прикрыл ногой дверь, чтобы Билли и Триш, которые толклись в кухне, случайно его не услышали.

Ответил женский голос.

– Справочная почтовой службы Соединенных Штатов. Чем могу быть полезна?

– Я хочу подать жалобу на одного из ваших почтальонов.

– Одну минутку, сэр. Я соединю вас с отделом кадров.

Дуг несколько секунд слушал безобидную фирменную мелодию, приглушенно звучащую в трубке. Потом заговорил мужчина.

– Добрый день, меня зовут Джим. Чем могу вам помочь?

– Я хочу подать жалобу на одного из ваших почтальонов.

– Назовите, пожалуйста, свое имя и почтовый индекс.

– Меня зовут Дуг Элбин, индекс 85432. Я живу в Виллисе.

– В Виллисе? Прошу прощения, сэр. Но вы можете обратиться со своей жалобой

непосредственно к начальнику почтового отделения вашего региона.

– В том-то и дело. Я никак не могу связаться с почтмейстером. А кроме того, у нас настолько разболталась система доставки корреспонденции, что я решил поставить в известность вас об этом.

– Разрешите, я соединю вас с моим руководством.

25

Четвертого июля – в День независимости – в городе царил атмосфера необычной подавленности. Всего треть жителей – по сравнению с прошлым годом – решила выбраться на традиционный пикник в городской парк, и даже фейерверк Джойси, казалось, никого не заинтересовал. Но Дуг уговорил Триш и Билли провести в парке весь день и дожидаться этого фейерверка, хотя особого желания ни у кого не было. Из последних сил изображая веселье. Дуг обратил внимание на странное поведение соседей и давних знакомых. Это задевало гораздо больше, чем он мог бы себе признать. Люди, с которыми он был знаком годами, даже коллеги-учителя и бывшие ученики вели себя холодно, отчужденно, почти враждебно. Казалось, никому нынешнее празднество не в радость.

Дугу тоже было невесело. Вчера он опять съездил в полицию, чтобы сообщить новую информацию о почтальоне, но там к нему отнеслись как к хроническому жалобщику, как к человеку, который постоянно досаждаёт всем своими подозрениями, в основе которых – параноидальная мания преследования. Он высказал пожелание встретиться с Майком, но в ответ услышал, что тот сегодня не работает, поэтому пришлось разговаривать с Джеком Шипли, который выслушал все со снисходительным равнодушием. Дуг старался быть сдержанным и логичным, излагал только факты, сообщил Шипли, что ложное обвинение почтового служащего является наказуемым преступлением, но его слова можно проверить в главном почтовом управлении Феникса. Полицейский заверил, что примет к сведению информацию, изложенную Дугом, но было ясно, что он и пальцем о палец не ударит по этому поводу.

Что можно сделать, когда весь город валится в тартарары, а чертова полиция настолько слепа, что не обращает на это внимания, и настолько тупа, что не способна действовать, даже когда их уже тыкают в преступление носом?

Кстати, чем занимается почтальон сегодня, в День независимости? По праздникам доставка почты не производится. Но Дуг не видел, чтобы почтальон принимал участие в патриотическом празднике, появился на людях, приобщился к яблочному пирогу или съел где-нибудь сосиску в тесте.

День выдался жарким. У игроков в традиционный послеобеденный софтбол настроение было никудышным. Желаящих едва набралось на две команды, да и те вышли на поле в основном не ради удовольствия, а, скорее, из чувства долга. Игра шла жестко, грязно, мячи нарочно летели в бэтсменов, удары направлялись в питчеров. Но зрители явно получали от этого удовольствие и жаждали крови. В недавнем прошлом такие матчи проходили мирно, весело; родные, друзья и знакомые доброжелательно подбадривали свои команды. Но сегодня игроки были готовы перегрызть глотки соперникам, сцепиться в жестокой драке, которая не замедлила начаться на поле и тут же перекинулась на болельщиков. Никто не собирался их останавливать.

Дуг, Трития и Билли посмотрели немного на это безобразие и двинулись в сторону барбекю.

Еда была никудышной: хот-доги и гамбургеры оказались сухими и черствыми, кока – теплой и выдохшейся. В толпе не было также знакомой фигуры Бена Стокли, не прекращавшего работы даже тогда, когда все другие отдыхали, встречающего в семейные междусобойчики и пользующегося случаем задать официальным лицам неловкие вопросы, на которые у тех не находилось ответов. Это еще больше нагнетало и без того тяжкую атмосферу нынешнего Четвертого июля.

Ближе к концу дня появилась, как обычно, Айрин, и Трития пригласила ее присоединиться к ним. Пожилая женщина была в хорошем расположении духа. Пока все

четверо рассаживались за столиком под соснами, она начала рассказывать байки о прошлых праздниках, невольно приподнимая настроение слушателям.

Вечером, после фейерверка, на автостоянке схлестнулись Билл Симс и Рон Лазарус – сначала в словесной перепалке, а потом дело дошло и до драки, свидетелями которой оказались оба их благородных семейства. Мужчины валялись в пыли, нещадно мутузя один другого, их жены громко визжали. Дугу с помощью двух крепких парней удалось растащить дерущихся в разные стороны.

– Ты убил мою собаку! – орал Симс. – Подонок!

– Не трогал я твою паршивую собаку козел! – не остался в долгу Рон, смачно харкнув себе под ноги. – Хотя надо было!

Дуг держал Симса, который так и норовил вырваться из его объятий. Другие успокаивали Лазаруса. Кто-то из женщин побежал за полицией.

Появился Майк Трентон и сообщил, что если они немедленно не прекратят это мерзкое безобразие, то ближайшую ночь проведут в кутузке.

Мужчины сердито разошлись по своим машинам, толпа разбрелась. Дуг с Майком переглянулись. Впрочем, молодой полицейский сразу же отвел взгляд.

– Надеюсь, тебе передали, что я приходил.

– Я пытался позвонить вам сегодня утром, – кивнул Майк, – но ваш телефон не отвечал.

– Я был дома. Мы все были дома.

– Я звонил дважды, – пожал плечами полисмен. – Никто не брал трубку.

– А зачем ты звонил?

– Хотел сказать, что допросил мистера Смита и звонил в Феникс.

– Ну и?..

– Он все отрицает. Разумеется, я не стал называть вашего имени. Я...

– А что в Фениксе? Что они сказали?

– Нам не удалось проверить ваши слова. У них зависли компьютеры. Как только они получают доступ к информации, нам перезвонят.

– И что ты думаешь?

– Я вам верю, – после еле ощутимой заминки ответил Майк.

– А твой шеф?

– Нет.

– А мой шеф?

– Нет.

– Почему бы вам не подождать меня в машине? – вспомнил Дуг о Триш и Билли, которые стояли поодаль. – Я сейчас приду – Ключи? – напустила Триш, протягивая руку.

Он достал из кармана ключи и бросил в ее сторону. Триш ловко поймала связку, взяла Билли за руку и направилась к «бронко». Дуг обернулся к полицейскому.

– Он не человек, Майк – Я получил еще одно письмо от невесты, – немного помолчав, заговорил Майк Трентон. – Вчера. Опять написала, что хочет расстаться.

– Это фальшивка. Ты сам знаешь.

– Я ей звонил, но она бросает трубку. Не дает мне и слова сказать.

– Ты думаешь...

– Думаю, она тоже получает письма – это его рук дело. – Полисмен глубоко вздохнул.

Люди вокруг разбрелись по своим машинам, собираясь домой. – Не знаю, то ли мне держаться от него подальше, то ли взять как следует за задницу и заставить расколоться.

– Мой совет тебе не нужен. Ты сам знаешь, как поступить.

– В самом деле? Хотите по-честному? Мне плевать, что вокруг творится. Мне главное – сохранить мою Жанин. Это все, что меня волнует.

– Не правда, – негромко ответил Дуг. – Тебя волнует не только это. Поэтому ты со мной сейчас и разговариваешь.

– Я не знаю.

– Ты знаешь, Майк.

– Но мы ничего не можем сделать. Всерьез – ничего. Уличить его не в чем. Доказать мы ничего не можем. Я бы с удовольствием зацепил его хоть за что-то и засадил в тюрьму, но я

просто бессилен.

– Он занимается подделкой почтовых отправлений. Возьмите его за это.

– Нет доказательств.

– Появятся, когда тебе позвонят из почтовой конторы.

– А если нет?

– Майк, в городе гибнут люди. Мы должны что-то делать.

– Да? И что вы от меня хотите? Чтобы я выбросил свой жетон? Вышел на улицу, взял ружье и пристрелил его?

– Нет, конечно, нет.

Да! Да! – тихо пискнул в глубине души испуганный внутренний голос.

– Я внимательно наблюдаю за ним, как и обещал. Но большего от меня не ждите. Я сотрудник полиции, а не разбойник с большой дороги.

Дуг понимал, что его бывший ученик нуждается в поддержке, но у него просто не было сил. Ведь в подобных случаях старший далеко не всегда оказывается мудрее. Вся эта ситуация пугала его не меньше, чем молодого полисмена.

Дуг понятия не имел, что можно предпринять.

Поэтому он просто кивнул.

– Большого я и не прошу.

– Ну мне пора продолжать работу. Толпа сегодня вечером просто бешеная.

– Да, конечно. Мне тоже пора. – Дуг собрался уже развернуться, но задержался и пристально взглянул парню в глаза. – Будь осторожен, Майк. Если он посылает письма твоей невесте, значит, он много про тебя знает.

Майк ничего не ответил и молча скрылся в толпе. Дуг так же молча отправился к своей машине.

На обратном пути он ехал медленно и осторожно, хотя предвкушаемая с утра выпивка так и не состоялась. Трасса оказалась совсем пустынной. Более того, ни в одном из окон расположенных вдоль дороги домов не было света.

Часы на приборной доске показывали половину десятого. Очень странно. Даже в обычную пятницу люди ложатся гораздо позже, не говоря уж о празднике. Складывалось ощущение, что они едут по городу-призраку. И несмотря на то, что в машине сидели и Триш, и Билли, Дуг опять почувствовал приступ страха.

Виллис стал другим.

Ни в субботу, ни в воскресенье почта не работала. В понедельник Дуг поехал в магазин и по дороге встретил почтальона, вынимающего корреспонденцию из почтового ящика. Джон Смит показался ему бледнее, чем обычно, и еще более худым, если такое вообще возможно.

«Может, он заболел? – не отказал себе в удовольствии подумать Дуг. – Может, он болен и скоро умрет?»

Но все это, разумеется, лишь мечты. Ничего такого и быть не может.

Почтальон, как всегда, улыбнулся и медленно помахал рукой проезжавшему мимо Дугу.

26

Билли яростно накручивал педали велосипеда; широкие, толстые шины, легко преодолевая корни и камни, прокладывали путь сквозь жидкий кустарник. Несколько недель назад они с Лейном подали заявку на участие в велокроссе, и хотя Билли всегда настраивал себя на победу; теперь это стало для него насущней необходимостью, а не просто желанием.

Правда, его мало интересовало, придет он к финишу первым или не придет, – главное, победить Лейна. Сурово его обыграть.

Он промчался мимо огромного валуна и, не тормозя, сделал максимально крутой поворот.

По опыту и мастерству они с Лейном были примерно равны, и Билли понимал, что только напряженные тренировки и полная самоотдача позволят ему победить бывшего друга.

Но он обязательно победит его.

Он заставит Лейна глотать дорожную пыль.

Билли катался, не выбирая направления, но постепенно обнаружил, что приближается к

месту археологических раскопок у подножья холма. После размолвки с Лейном он тут не показывался, и не потому, что не хотел, – просто Лейн был более разговорчивым и, как правило, общался за двоих. Так что теперь Билли приближался к раскопкам, немного нервничая.

Он катил вниз по узкой долине. Впереди показалась промытая весенними ручьями канава.

Вздернув на себя руль, он перескочил через нее, велосипед тяжело приземлился на противоположном краю, но Билли удалось удержаться в седле.

Склон постепенно выравнивался, и мальчик притормозил, опасаясь напугать кого-нибудь своим внезапным появлением. Нырнув под деревья, растущие по периметру раскопок, он спрыгнул на землю и повел свою машину за руль.

Но внутри каменной ограды никого не было.

Лагерь обезлюдел.

Билли огляделся по сторонам. Профессор не собирался сворачивать летнюю практику как минимум до конца августа, но на этот раз он, видимо, передумал. Сначала Билли решил, что студенты просто устроили себе выходной и уехали купаться на какое-нибудь близлежащее озеро, но потом заметил, что все палатки исчезли, значит, они закончили работы и отправились домой. От экспедиции не осталось ничего, кроме нескольких торчащих из земли кольев и клочков бумаги, напоминающих обрывки конвертов.

Билли нахмурился. Что-то здесь не так. Прошлым летом экспедиция не оставила после себя даже крошки мусора. Любимым выражением профессора было «раскопал – закопай обратно», и он воспитывал своих студентов таким образом, чтобы они по возможности оставляли место раскопок в том самом виде, в каком оно было до приезда.

Внезапно Билли испугался, сообразив, что стоит здесь совершенно один, что ближайшие дома находятся далеко, за вершиной холма.

Ощущение изолированности, отрезанности от всего мира накатило внезапно. Он быстро развернул свой велосипед...

И увидел почтальона.

Почтальон шел к нему напрямик, не разбирая дороги. Его ярко-рыжие волосы светились на фоне густой листвы. Отсутствие почтовой сумки и конвертов в руке свидетельствовало о том, что Джон Смит появился здесь вовсе не для того, чтобы доставить корреспонденцию. Билли затрясло от ужаса. Он прыгнул в седло, нажал на педали...

Но не заметил в траве узкую траншею. Переднее колесо угодило как раз в нее, велосипед занесло, и мальчик упал на землю. Больно не было, и Билли тут же вскочил. Но почтальон уже стоял рядом, приветливо улыбаясь.

– Билли, – произнес он негромко, пугающе вкрадчиво.

Билли хотел броситься бежать, но ноги не слушались. Силы враз покинули тело. Лес вокруг раскопа превратился в густую непроходимую чашу.

Почтальон опустил руку ему на плечо. Прикосновение было мягким, нежным, словно женским.

– Иди сюда, – произнес он и с неожиданной силой повлек Билли через канаву к огромной яме в дальнем конце раскопа. Билли не помнил тут никакой ямы и не хотел видеть то, что собирался показать ему почтальон.

– Смотри, – сказал почтальон, улыбаясь.

В яме лежали обрубки человеческих тел; широко раскрытые остекленевшие глаза смотрели в небо, отрубленные руки обнимали не принадлежащие им туловища. В то краткое мгновение, которое прошло, прежде чем Билли зажмурился, глаз успел зафиксировать дикую цветовую гамму розового цвета плоти, от темно-красной крови до белых костей, и ему даже померещилось, что он видит на самом верху этой кучи, прямо перед собой, среди сплетения рук и ног, нижнюю часть головы профессора.

* * *

Билли очнулся, вынырнув из кошмарного сна мокрый как мышь. Несколько секунд он даже не мог понять, где находится, собственная комната казалась ему чужой, все было не на

своих местах – мебель, плакаты на стенах, даже сами стены. Затем он очнулся, и все прошло.

Но не совсем.

Картины сна отказывались покидать сознание. Они не имели ничего общего с отстраненными воспоминаниями кадров кинофильма или обычного сна, – они были слишком реальны. И, хотя Билли твердил про себя: «Это просто сон, это просто сон, это просто сон», – внутренний голос подсказывал ему, что он ошибается.

27

– Дошло до того, – продолжала рассказывать Айрин, – что я стала бояться получать почту.

– Я знаю, о чем вы говорите, – кивнула Трития, сидя напротив нее в старинном уютном кресле. – Первое, что я теперь делаю, разбирая письма, смотрю на адрес отправителя. Если незнакомый, я их выбрасываю.

– Я выбрасываю всю почту, даже от людей, которых я знаю помногу лет. Последнее письмо, которое я вскрыла, было от Билла Симса. Он обвинил меня в том, что я отравила его собаку. Можешь себе представить? – Пожилая женщина нервно облизнула губы, и Триш поняла, что ее старшая подруга напугана. Сильно напугана.

Триш свела брови. Айрин никто не назвал бы трусихой. Вряд ли несколько писем с пустыми угрозами могли довести ее до такого состояния.

Триш поставила на столик бокал с ледяным чаем.

– В чем дело? Что случилось? Я чувствую, дело не в Билле Симсе.

– Ничего, – покачала головой Айрин.

– Как это ничего, черт побери! – не сдержалась Триш. – Неужели нельзя мне сказать?

Удивленная неожиданной вспышкой ярости, Айрин окинула ее долгим взглядом, помолчала, а затем кивнула.

– Ну хорошо. Хочешь знать, в чем дело? Пойдем. – В голосе пожилой женщины прозвучал настоящий страх.

Трития проследовала за ней в комнату, которая была когда-то кабинетом мужа Айрин. С годами эта комната превратилась в настоящий склад, заполненный материальными свидетельствами болезненных воспоминаний о прошлом – предметами, которые либо принадлежали, либо имели какую-то связь с покойным хозяином дома. Трития огляделась по сторонам. Главной отличительной чертой этой комнаты оказались высокие, от пола до потолка, книжные стеллажи, которые тянулись вдоль двух стен. В центре комнаты, среди других деталей обстановки, на большом дубовом обеденном столе лежали какие-то предметы одежды вперемешку с другими вещами личного характера.

– Смотри, – произнесла Айрин дрогнувшим голосом.

Трития проследила взглядом за ее пальцем.

На шведском бюро с выдвижной крышкой, рядом с запыленной стопкой вестернов в бумажных обложках, лежала небольшая коробка, частично обернутая в грубую коричневую почтовую бумагу.

На пыльной поверхности бюро виднелся отчетливый след – коробку не положили, а просто бросили в спешке или волнении.

Айрин по-прежнему стояла в дверях, крепко сжимая бронзовую ручку.

– Это пришло вчера, – заговорила она и громко сглотнула. В тишине комнаты Триш слышала ее хриплое дыхание. Руки старой женщины заметно дрожали. – Палец.

– Что?

– Палец в коробке.

Трития медленно подошла ближе. Сердце билось как бешеное. Протянув руку, она раскрыла коробку.

Она уже знала, что ее ждет, тем не менее была шокирована увиденным. В коробке, ошеломительно белый на коричневом фоне, лежал палец, большой палец человеческой ноги. Он был таким маленьким, что казался искусственным, сделанным из резины. И в то же время до боли реальным. С округлой оконечностью, с изогнутыми линиями суставов, с отдельными волосками, торчащими из кожи, с розоватым ногтем... Он был отрублен, но Триш не заметила

ни капли крови.

Она опустила коробку, чувствуя, как к горлу катится тошнота. Палец перевернулся, и Триш разглядела красноватые мышечные ткани, голубоватые вены и плотный белый кружок кости. Комната внезапно показалась слишком маленькой, слишком душной, и она непроизвольно отшатнулась.

– Джаспер нечаянно отрубил себе палец на лесоповале в 1954 году, – пояснила Айрин.

Документированное подтверждение инцидента придало зрелищу отрубленного сустава еще более зловещий смысл. Трития посмотрела на приятельницу. Айрин была бледна, испугана и впервые выглядела старше своих лет.

Как только Трития вышла из комнаты, Айрин плотно закрыла и заперла дверь кабинета. Не произнеся ни слова, они вернулись в гостиную. Прежде чем сесть на диван, хозяйка взяла свой бокал с чаем. Кубики льда отчетливо задребезжали.

– Он работал в Тонто, – заговорила Айрин. – Это недалеко от Пэйсона. Рубил топором сучья, случайно отвлекся и саданул топором по ноге. Я так и не поняла, как он ухитрился отрубить только один палец, но так получилось. Джаспер рассказывал, что заорал так, что его было слышно, наверное, за несколько миль. А вся хвоя вокруг стала красного цвета. Кто-то оказал ему первую помощь, ведь на лесоповале такие инциденты случаются постоянно. Короче, кровь ему как-то остановили и быстро доставили в больницу в Пэйсоне. Тогда не было таких хирургических изысков, как сейчас, и врач сказал, что все равно не смог бы пришить палец обратно, даже если бы они привезли его с собой. Сказал, что спокойнее будет просто зашить рану. Все само заживет.

Айрин перевела дух и умолкла.

– А что стало с пальцем? – спросила Триш.

– Джаспер позвонил мне, рассказал, что произошло, и я уговорила кого-то отвезти меня в Пэйсон. В те времена я еще не водила машину. Палец положили в пробирку и залили какой-то жидкостью. Джаспер спросил, не хочу ли я его сохранить, но мне это показалось просто отвратительным. Больше того, я попросила медсестру на время моего появления в палате куда-нибудь спрятать его. Безусловно, я не собиралась хранить отрубленный палец в квартире. Я сказала, чтобы больница сама как-нибудь с этим разобралась. – Айрин покачала головой, охваченная воспоминаниями. – Но позже мне стало известно, что Джаспер со своими друзьями-лесорубами как следует надрался, и они устроили в лесу балаганные похороны. Похоронили палец. – Айрин бросила на Триш затравленный взгляд. – Это было очень давно. Никто и не помнит уже об этой истории. И я не могу понять, каким образом это узнал почтальон, не говоря уж о том, как ему удалось найти палец и каким образом он так хорошо сохранился.

– Может, это вообще не... – подала голос Триш.

– Нет-нет, никаких сомнений, – жестко оборвала ее Айрин.

– Вы звонили в полицию?

– Зачем?

– Это противозаконно. Какой-то...

– Послушай меня. – Айрин положила ладонь на руку Тритии. Пальцы были сухими, холодными. – Полиции это не касается. Это частное дело.

– Ничего подобного! – подалась вперед Триш. – Вам прекрасно известно, что происходит в городе. И вы понимаете, что мы никак не можем поймать почтальона за руку. У нас нет никаких доказательств, подтверждающих наши предположения. – Она махнула рукой в сторону запертого кабинета. – Но теперь они появились!

– Ничего не появилось. Ты можешь представить, как все это будет выглядеть? Почтальон скажет, что он всего-навсего доставляет корреспонденцию и не несет ответственности за ее содержание. Он скажет, что представления не имеет, о чем идет речь. Мы с тобой обе прекрасно это понимаем.

Трития посмотрела в лицо приятельницы и подумала, что Айрин права. Как это ни ужасно, но она права. Айрин точно описала возможное поведение почтальона.

– По крайней мере, разрешите мне рассказать все Дугу. Он придет и поможет вам избавиться от этого. Вы же не хотите, чтобы...

– Нет, – жестко парировала Айрин. – Я не хочу, чтобы кто бы то ни было прикасался к коробке. И никто, кроме тебя, не должен увидеть ее содержимое. Это зло. – Последние слова пожилая женщина произнесла таким тоном, что у Триш по спине пробежали мурашки. Она кивнула, ради спокойствия подруги сделав вид, что разделяет ее точку зрения. Хотя на самом деле считала, что Айрин уже на грани безумия. Это событие подвинуло бедняжку к опасной черте, и любой последующий толчок вполне способен перенести ее туда, откуда уже нет возврата.

Конечно, именно этого и добивается почтальон.

– Мне пора, – Трития встала со своего места.

– Я запрещаю тебе обращаться в полицию, – произнесла Айрин.

– Мне кажется, вам все-таки надо кому-нибудь об этом сообщить.

– Нет.

Трития поймала взгляд Айрин и вздохнула.

– Ну хорошо. В конце концов дело ваше. – Прежде чем выйти на крыльцо, она обернулась и добавила:

– Позвоните, если вам что-нибудь будет нужно. Все, что угодно. Мы с Дугом примчимся немедленно.

– Спасибо, но у меня все в порядке, – улыбнулась Айрин. – Может, мне просто больше не следует открывать почтовый ящик.

– По-моему, это хорошая мысль.

Пожилая женщина рассмеялась, и на мгновение Триш увидела прежнюю Айрин.

– Всего доброго, милочка. Еще встретимся.

– До свиданья, – произнесла Триш, спускаясь по ступенькам крыльца.

За спиной раздалось жесткое клацанье железного внутреннего запора.

Отъезжая, Триш помахала Айрин рукой, но ответного взмаха так и не увидела. Выехав на улицу, она повернула к дому.

Разумеется в нарушении нормальной жизни города виноват почтальон. Виноват в неоплаченных счетах, виноват в путанице с корреспонденцией, виноват в письмах, дышащих злобой, виноват – да, виноват, – в смертях, обрушившихся на город. Но только увидев в коробке отрубленный палец, Триш ощутила, насколько глубоко его желание внедриться в жизнь каждого горожанина, насколько он способен вмешаться в жизнь каждого человека. И понять причину такой необычной и в то же время глубоко продуманной ненависти она не могла.

Но больше всего пугало ее, что должность почтальона – единственная должность, которая дает реальную возможность установить контакт с каждым жителем города, возможность ежедневно общаться с любым человеком, быть вхожим в жизнь каждой семьи.

Триш никогда не отличалась особой религиозностью и даже сомневалась, что в состоянии четко разделить такие неоднозначные и расплывчатые понятия, как «добро» и «зло». Но теперь ей казалось, что она прекрасно в этом разбирается. Ей казалось, что в данном случае зло избрало для себя совершенную форму для реализации.

Если бы Джон Смит был пастором, учителем или политиком, он был бы лишен возможности подобного контакта – возможности, которую он приобрел, работая почтальоном. Никто никогда не позволил бы ему столь непринужденно вторгаться в жизнь незнакомых людей.

Кроме того, Триш нервировала пассивность города. Нежелание жителей Виллиса взглянуть в лицо фактам. Даже они с Дугом, несмотря на все разговоры, делали слишком мало, чтобы помешать почтальону спокойно реализовывать свои планы. Все вокруг точно ждали, чтобы это сделал кто-нибудь другой, кто смог бы взять на себя ответственность за решение этой проблемы.

Но, с другой стороны, что они могли сделать? Даже с учетом полного понимания происходящего и твердого желания оградить себя от неприятностей жители города произвольно оказались подвластны воле почтальона. Они сопротивлялись, как могли, пению почтовых сирен, затыкали глаза и уши на откровенные психологические атаки, но обрушившиеся испытания исподволь влияли на течение их обычной жизни. Люди не

сплотились перед лицом опасности, они ушли в себя. Конечно, пока еще рано говорить о каких-то стенах или барьерах, возникших в семье. Отношения не стали более напряженными или натянутыми, но комфортная атмосфера дружеских пикировок, на которые были мастера Дуг и Билли, как-то улетучилась. Ее сменило такое же дружеское, но слегка более формальное и чуть менее интимное исполнение заученных ролей. Ее собственное отношение к мужу и сыну постепенно изменилось. Они с Дугом отдалились друг от друга; даже занятия сексом теперь выглядели скорее как самоудовлетворение, нежели выражение любви, хотя технически, так сказать, ничего не изменилось. А недавно она поймала себя на том, что выговаривает за что-то Билли в такой манере, которую – Триш могла в этом поклясться – она всегда считала просто неприемлемой.

Триш чувствовала, что Дуг тоже замечает происходящие изменения. Она видела это по его глазам, по его поведению. Это проявлялось скорее не в словах, а в том, о чем он не говорил.

Они по-прежнему общались, обсуждали текущие проблемы, домашние дела, даже иногда вскользь касались темы почтальона, но все это как-то поверхностно, причем поверхностность сквозила даже там, где ей по определению не было места, – в таком серьезном и важном аспекте, как их личные отношения. Не раз ей казалось, что они разговаривают каждый сам по себе, а не друг с другом.

И в этом тоже виноват почтальон.

Нет, она не позволит ему торжествовать, не позволит развалить их семью. Трещина, наметившаяся между нею и Дугом, быстро увеличивается. Но Триш поклялась, что больше ни на шаг не отступит перед обстоятельствами. Она во что бы то ни стало достигнет и до мужа, и до сына, вырвет их из эмоциональной летаргии и заставит вести себя точно так же.

В какой-то момент у Триш даже появилось желание заехать на почту, дать понять почтальону, что она больше не намерена терпеть его попытки сломить ее, что она объявляет ему войну. Но она сразу же вспомнила тот случай, когда в первый раз хотела дать ему отпор, и охватившее ее тогда чувство ужаса. По коже тут же пробежали мурашки, а волосы на затылке зашевелились. Сейчас она, конечно, решительна и сердита, но глупости совершать не намерена.

А вы славная!

Она больше не войдет в здание почты одна.

Третья почти доехала до дороги, ведущей к дому, когда вспомнила, что забыла купить еды на ужин. Она уже несколько дней не ездила в магазин. В доме кончились и молоко, и масло, и другие необходимые мелочи, да и на сегодняшний вечер ничего не было.

Пришлось развернуться прямо на шоссе и двинуться в обратную сторону. Обычно Триш продумывала, чем кормить семью, как минимум на день вперед. Но последнюю неделю она чувствовала себя такой усталой и физически и, главное, психологически, что не могла ничего готовить и швыряла на стол все, что подворачивалось под руку. Такое поведение было для нее настолько не характерно, что Триш сама себе удивлялась.

Творящееся вокруг безумие затронуло, судя по всему, не только эмоциональную жизнь семьи, но и ее кулинарные способности. Она решила заглянуть в деликатесную лавку посмотреть, нет ли свежей рыбы. Ей захотелось форели. Форель, жаренная на углях, – очень даже неплохо.

Триш въехала на площадь у торгового центра. Перед магазином Бейлеса стоянка была забита, а у деликатесной лавки практически пуста. Это ее удивило. У Тодда лучший в городе выбор сыров и свежей рыбы. Если уж у Бейлеса многолюдно, то здесь должно быть просто столпотворение.

Она остановила машину прямо напротив лавки и вошла внутрь.

И моментально почувствовала, что здесь что-то изменилось. Именно почувствовала, так как внешне все выглядело по-прежнему. Напряженность. Странное, неприятное чувство, совершенно не характерное для этого помещения.

Она огляделась. Магазин был пуст, не считая ее и Тодда за кассой. Триш улыбнулась хозяину и пошла вдоль мясного прилавка. Тодд не повел и бровью. «Ну что ж, значит, надо купить продукты и побыстрее отсюда сматываться», – решила Триш. Увидев на другом прилавке среди кубиков льда разделанную форель, она заинтересовалась:

– Свежая?

Тодд молча кивнул.

Неприятное чувство усилилось.

– Я возьму три покрупнее, – быстро произнесла Триш.

Хозяин открыл крышку прилавка, вытащил три рыбины и бросил на весы.

– Передайте своему мужу, мне не нравится то, что он делает, – произнес Тодд.

– О чем вы говорите? – нахмурилась Триш. – Что такого он делает?

– Мне это совершенно не нравится.

– Да что не нравится? – повысила голос Триш. – Тодд, объясните мне, что тут происходит? Я совершенно не понимаю, о чем вы говорите.

Продавец улыбнулся, на мгновение утратив сдержанность. Улыбка получилась печальной.

– Я знаю, – проронил он, заворачивая рыбу.

– Тодд!

– Я вам верю. Иначе вас бы тут не было, – обвел он рукой пустое помещение. – Вы у меня сегодня первая покупательница.

– В чем дело? – Триш слегка подалась вперед. – Письма?

Лицо продавца мгновенно закаменело.

– С вас три пятьдесят – холодно сообщил он.

– Тодд!

– Три пятьдесят.

Триш расплатилась и вышла из магазина. Уже подходя к машине, она оглянулась. Тодд стоял в дверях и глядел ей вслед. Триш показалось, что на глазах у него были слезы.

28

Билли сидел в полутемной гостиной перед телевизором. «Дик ван Дайк» плавно перешел в «Энди Гриффина», за ним последовали «Флинтстоуны» и «Семейка Брэди». Было нечто успокаивающее в неизменных характерах персонажей телесериалов, некий элемент стабильности в знакомых сюжетах и предсказуемости событий. В реальной жизни все может идти наперекосяк, но в телевизоре Майк и Кэрол Брэди – неизменно доброжелательные родители, которые стремятся погасить пламя войны, то и дело вспыхивающее между их разнополыми отпрысками.

Началась реклама, и Билли встал, чтобы сделать себе что-нибудь перекусить. Он три дня сидел перед телевизором, как приклеенный, и хотя все сериалы были очень интересными, уже ощущал легкое беспокойство, неловкость и даже некоторое чувство вины. Раньше родители никогда не позволяли ему столько времени проводить у телевизора. Билли отлично понимал, что поступает не правильно и что вместо бездарного времяпрепровождения перед экраном следовало бы заняться чем-нибудь более продуктивным.

Но родители явно не обращали на него внимания. Они были слишком поглощены другими заботами. Отец, который прошел мимо несколько минут назад, не сказал ни слова и, кажется, даже не заметил, что он тут сидит.

Билли сделал себе бутерброды с ореховым маслом, вернулся в гостиную и снова устроился в кресле перед экраном. Несколько дней он честно пытался найти себе какое-нибудь другое занятие, но безуспешно. Он звонил всем своим приятелям в надежде пригласить кого-нибудь покататься на велосипеде, или сходить искупаться, или посетить форт, но друзей либо не было дома, либо они не желали с ним разговаривать. Один раз он съездил в сторону раскопок, но даже не стал спускаться с холма, потому что археологи куда-то запропастились. На холме ему стало страшно, и он поспешил вернуться домой.

Интересно, чем сейчас занимается Лейн?

В последнее время он часто думал о Лейне, пытаясь понять, из-за чего между ними произошел разрыв. Любая дружба может оборваться внезапно – с этим Билли уже сталкивался. Так у них произошло с Фрэнком Фримэном. Они дружили с четвертого класса, и внезапно – причем из-за какого-то пустяка – все закончилось. Возникшее отчуждение радикальным образом изменило жизнь. Они с Фрэнком стали врагами, разошлись по соперничающим компаниям и не упускали случая как можно больнее уязвить друг друга.

Никто не способен уязвить больше, чем бывший друг.

Но с Лейном они дружили очень долго.

Между ними случались и большие ссоры, и легкие недоразумения, но все как-то само собой разрешалось, и на дружбе никак не сказывалось. Никто и не предполагал, что случится нечто подобное.

Но Лейн изменился.

Многие люди сейчас изменились.

«Семейка Брэди» закончилась. Билли переключился на канал Флагстаффа, где начинался сериал «Заколдованные».

Покончив с бутербродами, он вытер липкие пальцы о собственные штаны.

Билли удивлялся сам себе, не представлял, что такое может когда-нибудь произойти, и тем не менее факт оставался фактом: ему впервые хотелось, чтобы быстрее закончилось лето. Он с нетерпением ждал начала занятий в школе.

* * *

Дуг сидел на крыльце и думал о почте. Сегодня утром он получил пачку писем и несколько счетов, отправленных неделю назад, все – со штампом «Адресат не установлен». Один конверт, источающий аромат духов и надписанный витиеватым почерком, был адресован Тритии.

Он порвал его на мелкие клочки и вышвырнул, не читая.

Он понял, что начал всерьез бояться почтового ящика. С этим ничего нельзя было поделать. Проходя по дорожке, ведущей к шоссе. Дуг непроизвольно рассматривал кусты и деревья, растущие по обочинам, словно они скрывали за собой опасность.

В какой-то момент он даже хотел перенести ящик к дому, прикрепить рядом с дверью, как делают в городе, но тут же отбросил эту мысль.

Нельзя допустить, чтобы почтальон приблизился к их жилищу, приблизился к Билли и Тритии.

Потом появилась мысль вообще избавиться от почтового ящика. Если у них нет почтового ящика, значит, они не получают почту, правильно? Нет, это не просто трусость, это безумие. Какого черта ему прятаться от несчастного почтальона? Ведь проблема от этого не исчезнет.

На дорожку к дому въехала Трития. Дуг отвернулся, делая вид, что разглядывает деревья.

Он слышал, как жена поставила машину на ручной тормоз, потом хлопнула дверцей и направилась к крыльцу.

– Я приехала!

Он не ответил. Трития подошла поближе.

– Я говорю – приехала!

– Медаль тебе за это дать? – буркнул Дуг.

На лице Триш промелькнула целая гамма чувств – от гнева и обиды до спокойного равнодушия. Он почувствовал себя виноватым и отвернулся. Грубость была совершенно необоснованной. Жена всего лишь хотела проявить дружелюбие. Но ее поведение в стиле Полианны,² ее желание сделать вид, что все в порядке, каким-то образом задело его и разозлило. И породило желание ее оскорбить.

С недавних пор он постоянно злился на эту женщину.

– У нас сегодня рыба на ужин, – проговорила Триш. – Форель на углях. Разрешаю тебе пойти и заняться жаровней.

– А ты купила древесный уголь и горючую жидкость? У нас ни того ни другого.

– Забыла, – призналась Триш, покачав головой. – Значит, придется просто пожарить.

– Нет, поеду куплю. Все равно хотелось на время выбраться из дома.

– С тобой все в порядке? – Триш заботливо положила руку ему на плечо.

² Полианна – героиня одноименной повести Э. Портер; имя, ставшее нарицательным для неисправимого оптимиста.

Дуг с удивлением уставился на руку жены.

Они уже так давно не прикасались друг к другу.

Затем посмотрел ей в глаза. Чувство напряженности и враждебности немного рассеялось. Он понял, что Триш из последних сил старается не испортить отношения.

– Да, – ответил он значительно мягче. – Все нормально.

– Тогда ладно, – согласилась Триш, открывая сетчатую дверь. – Тогда заодно и машину заправь. Бензин почти кончился.

– Хорошо.

Дуг спустился с крыльца и пошел к машине.

Телевизор в доме умолк, Триш о чем-то заговорила с Билли, без раздражения, скорее с пониманием и сочувствием. От этого повеяло знакомым приятным комфортом. Словно вернулся старый добрый друг, с которым давно не виделись. На душе полегчало.

Стрелка бензомера действительно лежала практически на нуле, поэтому Дуг первым делом заехал на бензоколонку. После чего отправился к дому Ховарда.

Жилище почтмейстера выглядело определенно заброшенным. Газон побурел, даже лианы высохли и казались неживыми. У соседнего дома из пикапа показался мужчина. Дуг поспешил выйти из машины и поприветствовал его.

Мужчина вздрогнул и торопливо юркнул в дом.

Дуг застыл на месте. Чертов город! Все стали вести себя, как трусливые суслики. Можно, конечно, пройти по ближайшим соседям Ховарда, постучать, попробовать разузнать о почтмейстере, но Дуг был почти уверен, что скорее всего не дождется от них никакой помощи. Впрочем, как и от всех остальных.

Он обратил внимание, что газоны перед некоторыми домами тоже находятся в откровенно заброшенном состоянии.

Не очень надеясь на положительный результат, Дуг все же подошел к дому Ховарда и постучал. Точнее, громко забарабанил в дверь. И заорал во всю глотку. Но все потуги оказались тщетными. Он снова проверил окна и заднюю дверь – окна были заперты наглухо. За знакомыми шторами, казалось, теперь висели еще одни – более плотные, так что не оставалось ни единой щелочки, в которую можно было бы разглядеть хоть какое-то движение внутри.

Дуг подумал, не следует ли позвонить в полицию. Дом определенно выглядел покинутым, а поскольку никто, кроме почтальона, не видел Ховарда за последние две недели, у них был хороший повод вломиться к почтмейстеру и проверить, все ли в порядке.

Но звонок в полицию ничего не даст. В прошлый раз он уже рассказывал им об этом, но никто и пальцем не шевельнул. А кроме того, они ни за что не станут выписывать ордер на обыск или вламываться в жилище, если только не увидят своими глазами, что почтальон входит туда с окровавленной головой почтмейстера в руках.

Дуг покачал головой. Жители Аризоны почти фанатично относятся к частной собственности. У них сохранился менталитет времен Дикого Запада, извращенное представление о том, что частная собственность имеет гораздо большую ценность, чем человеческая жизнь.

Как-то раз они с Билли отправились на прогулку по Оленьей долине и решили пройти вдоль русла высохшего ручья. Следуя его причудливым изгибам, они случайно наткнулись на хижину. Естественно, они решили обойти ее стороной, но раньше услышали звонкий мальчишеский голос: «Шлятутся тут, пап!» Не прошло и минуты, как тишину разорвал громopodobный выстрел. Дуг ощутил себя, как в дурацком кино. Выстрелов больше не последовало, но они с Билли, пригибаясь как можно ниже, бегом ринулись прочь и остановились только у машины.

Когда он потом сообщил об этом полиции, дежурный сержант лишь улыбнулся и терпеливо разъяснил, что Дугу не следовало нарушать границу чужих владений, словно смерть – вполне приемлемое наказание для человека, неумышленно шагнувшего на землю, принадлежащую кому-то другому.

Нынешняя ситуация с Ховардом – прямое следствие общепринятого убеждения, согласно которому человек на своей территории волен делать абсолютно все, что заблагорассудится, без каких-либо ограничений.

Тем не менее, Дуг сел в машину и направился в полицейский участок. Лишняя попытка не повредит. Начальника, к счастью, на месте не было, но, к несчастью, не было и Майка. За неимением лучшего Дугу пришлось изложить всю историю молодой сотруднице, которая внимательно выслушала посетителя и пообещала передать все лично лейтенанту, ответственному за данный квартал. Дуг был очень любезен, улыбался, неоднократно благодарил за помощь и в результате остался с убеждением, что приезжал напрасно.

Черт побери, может, надо взломать дверь самому, взять дело, так сказать, в свои руки?

Нет, шеф полиции моментально арестует его и упечет за решетку.

Сев в машину, Дуг наконец отправился к Бэйлесу за углем и горючим, понимая, что Триш наверняка уже начала волноваться. Уехав якобы в магазин, он отсутствует уже больше часа.

В магазине Дуг быстро прошел к прилавку с непродовольственными товарами, взял бумажный мешок с углем и пластиковую канистру с горючим. Касса для одной-двух покупок не работала, а к трем остальным тянулись длинные очереди. Выбрав ту, что казалась поменьше, Дуг пристроился за пожилым мужчиной с корзинкой, уставленной молочными продуктами.

В глаза бросился пустой проволочный контейнер, в котором раньше всегда лежали газеты.

Контейнер казался грустным и одиноким, если можно говорить об эмоциях применительно к металлической конструкции. Дуг поймал себя на том, что задумался о судьбе печений-гаданий, наверняка оставшихся в письменном столе Бена Стокли. Образ главного редактора, сидящего в своем кабинете, постепенно выветривался из памяти, на его месте появлялись кадры телерепортажа, запечатлевшего прошитое пулями тело.

Что же произошло со Стокли? В горле Дуга образовался комок. Он заставил себя отвернуться от пустого газетного контейнера и посмотреть на прилавки со всякими безделушками.

Уже полмесяца в городе нет собственной газеты. «Уикли», которая так или иначе была делом одного человека, после гибели Стокли просто прекратила существовать. Дуг не сомневался, что, когда все образуется и встанет на свои места, восстановится и газета. В городе достаточно мелких репортеров, которые были бы не прочь взять на себя редакторские обязанности, а секретарша покойного Стокли прекрасно разбиралась во всем, что касалось экономической стороны дела.

Но в данный момент прессу Виллиса успешно ликвидировали. Дуг не мог отделаться от мысли, что именно этого и добивался почтальон. Никаких независимых средств распространения информации. Ни одного официального источника сведений о том, что творится в городе.

Разумеется, по неофициальным каналам новости распространялись по-прежнему. И распространялись довольно быстро. Даже сейчас, стоя в очереди, Дуг краем уха поймал несколько отрывочных фраз, из которых следовало, что в городе продолжают гибнуть собаки, только теперь их не травят, а обезглавливают, причем головы исчезают.

Разумеется, слухам нельзя доверять стопроцентно, и детская игра в испорченный телефон прекрасное тому подтверждение, но Дуг по собственному опыту знал, что вести, передаваемые из уст в уста, отнюдь не худший способ узнать, что происходит на самом деле.

Он поднял голову и увидел входящую в магазин Жизель Бреннан. Она тоже его заметила, приветственно помахала рукой и направилась через турникет поздороваться.

Дуг опять обратил внимание, что девушка не носит лифчик. Крупные твердые соски заметно выпирали под тонкой тканью маечки с короткими рукавами. Большая грудь колыхалась при каждом шаге. Да, она совсем выросла. Взрослая молодая женщина, но для него Жизель по-прежнему оставалась школьницей-подростком, и Дугу было странно думать о ней в столь откровенно сексуальном ключе. Это вызывало некоторое беспокойство и даже немного нервировало.

– Добрый день, – суховато улыбнулся Дуг, когда девушка подошла поближе. – Как твои дела?

– Я нашла работу.

– Правда? – Дуг положил покупки на черную ленту транспортера; резиновый разделитель автоматически поднялся. – И где же?

– На почте, – широко улыбнулась девушка. – Можете себе представить?

Улыбка застыла на его лице. Да, это он мог представить.

– Не знал, что им требуются работники, – осторожно произнес Дуг.

– Да, это только временно, – кивнула Жизель. – У них сломалась сортировочная машина, и они искали человека, который смог бы выполнять эту работу вручную.

– А кто тебя взял? – подался вперед Дуг. – Сам Ховард?

– Нет. Мистер Кроуэлл болен. Думаю, это одна из причин, почему им нужен еще один человек. Меня принимал мистер Смит.

– Ну и как тебе мистер Смит? – заставил себя улыбнуться Дуг.

Лицо Жизели на секунду затуманилось, словно она хотела что-то сказать, но в последний момент передумала.

– Не знаю, – пожала она плечами.

Мужчина, стоящий впереди, расплатился за свои покупки. Дуг положил руку девушке на плечо. Она не отстранилась.

– Не уверен, что тебе следует там работать, – произнес он серьезно.

– Моя мать говорит то же самое, – рассмеялась Жизель. – Не волнуйтесь. Все будет нормально.

– Будь осторожной.

– Конечно. – Она улыбнулась и, помахав пальчиками, двинулась к прилавку с замороженными продуктами. – До встречи!

Дуг посмотрел ей вслед. Крутые ягодички в обтягивающих джинсах соблазнительно покачивались.

– Два восемьдесят пять.

– Что? – обернулся Дуг на голос кассира.

Молодой человек понимающе усмехнулся.

– С вас два восемьдесят пять.

Дуг достал бумажник.

* * *

Перед сном Трития прильнула к нему и прижалась всем телом так, как давно уже не делала.

Ужин получился отличный и, что более важно, полезный для здоровья. Форель с рисом и стручками аспарагуса. К Триш вернулось ее обычное состояние повышенного внимания к здоровому питанию, и это каким-то образом положительно отразилось на настроении Дуга.

Тревога несколько отступила, он даже почувствовал некий прилив оптимизма. Все остальное может катиться ко всем чертям, но они сами в любом случае уцелеют.

Триш подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

– Ты меня еще любишь?

– Что за вопрос!

– Ты меня еще любишь? – тихо, но очень серьезно повторила Триш.

– Конечно, люблю, – озадаченно произнес Дуг.

– Ты очень давно этого не говорил.

– Как-то в голову не приходило, – невольно улыбнулся он. – Мы с тобой уже пятнадцать лет женаты. Иначе зачем бы я столько мучался?

– Я серьезно.

– Послушай, если бы я не любил тебя, я бы с тобой не жил.

– Все не так просто. А кроме того, мне иногда хочется это слышать.

– Мишель, – догадался Дуг. – Ее письмо.

Ты из-за этого, да?

Она ничего не ответила, только еще крепче обняла мужа. Он поцеловал ее в макушку.

– Мне страшно, – наконец прошептала Триш.

– Мне тоже.

– Но мне страшно за нас. За наши отношения. Понимаешь, у меня такое чувство, что ты что-то от меня скрываешь, что ты боишься со мной разговаривать. Или не хочешь.

– Это не правда! – возразил Дуг.

– Сам знаешь, что правда.

Некоторое время они лежали молча.

– Ты права, – наконец заговорил Дуг. – Мы начали как-то отдаляться друг от друга.

Сам не понимаю, почему. Я очень хотел бы свалить все на почтальона, но понимаю, что только этим все не объяснишь. Это моя вина.

– Это наша вина, – поправила Триш.

Они крепко обнялись. Дуг подумал, что они только что избежали катастрофы, к которой все шло, вовремя заметили трещину, которая грозила разделить их бесповоротно, и что планы почтальона на их счет полетели ко всем чертям.

29

Триш проснулась от страха; кошмарный сон, который был связан, конечно же, с почтой, оставил тяжелый эмоциональный осадок. Ей приснилось, что она девочка, но почему-то уже живет в этом доме. Она идет по дорожке к почтовому ящику. День прекрасный. Яркое солнце, синее небо, на ней чудесное розовое платье с фонариками. Она открывает ящик и достает пачку ярких конвертов; на том, что сверху, изображены танцующие медвежата. Стараясь не испортить картинку, она пытается распечатать конверт...

Но из конверта высовывается белая рука и хватается ее за горло.

Она кричит, конверты падают, раскрываются сами собой, и из каждого лезут длинные белые руки. Одна рука моментально лезет к ней под подол, пальцы вцепляются в пах; две другие начинают сжимать ее маленькие грудки. Еще одна рука пытается протиснуться между ягодицами. Следующие хватают ее за руки и за ноги.

Она пытается кричать, но последняя бледная лапа затыкает ей рот. Она падает.

И просыпается.

Не самый лучший вариант начала нового дня.

Сегодня была ее очередь готовить завтрак.

Триш пожарила оладьи из отрубей и выдавила сок из нескольких апельсинов, после чего решила выйти проверить свой огороδικ. Триш чувствовала себя разбитой, на душе было гадко, но она помнила, что вчера клятвенно пообещала Дугу отбросить прочь все неприятные мысли. Она взяла шланг и включила воду. Все растения уже готовились дать семена. Триш продолжала поливать их, хотя некоторое время назад перестала бороться с сорняками, жуками-вредителями и не обрывала засохшие листья. В результате нынешний урожай обещал быть самым бедным за все годы, которые она этим занималась.

Это тоже надо было решительно изменять.

Триш дала себе слово все утро посвятить своему огороду и привести его в порядок. Пора брать себя в руки. Нельзя, чтобы какой-то почтальон манипулировал ее жизнью.

Она подумала об Айрин. Надо позвонить сегодня приятельнице и узнать, все ли у нее в порядке.

Вскоре проснулся Дуг. Она услышала шум воды в душе и вернулась в дом, чтобы разбудить Билли. Сегодня они будут завтракать вместе.

Как раньше.

После завтрака Дуг мыл посуду, а Билли вытирал тарелки. Затем она огласила список дел, которые запланировала для них в саду и на огороде. Билли попытался увильнуть, сообщив, что хочет посмотреть какую-то телепередачу, но они с Дугом вынудили его согласиться подмести дорожку перед домом. Впервые за долгое время мальчик поддался на уговоры и добросовестно выполнил задание. Триш даже показалось, что сын занялся этим не без удовольствия, и она шепотом сообщила об этом мужу на что Дуг заметил, что нет худа без добра и человеку на самом деле немного надо, чтобы получить удовольствие даже от скучной, рутинной работы по дому.

Потом они устроили ленч на веранде. Триш приготовила сэндвичи с беконом, салатом-латуком и помидорами. Наевшись, отец и сын решили проехаться к старому ранчо Сатпена.

Триш наполнила канистру водой со льдом, упаковала на всякий случай несколько бутербродов и потребовала, чтобы мужчины вернулись не позже пяти, иначе она будет звонить в лесничество. Билли и Дуг уселись в «бронко», помахали руками и укатили.

После этого Триш позвонила Айрин.

Она долго думала, что сказать, подбирала самые убедительные аргументы, чтобы заставить подругу обратиться в полицию, или по крайней мере рассказать все Дугу. Но как только в трубке зазвучал испуганный надтреснутый голос Айрин, Триш поняла, что никакие аргументы не подействуют.

– Алло, – произнесла Айрин.

– Алло, это я. Трития!

– Я знаю, что это ты. Только поэтому и взяла трубку.

Трития глубоко вздохнула.

– Я ваш друг...

– Нет, я никому ничего говорить не собираюсь.

Тритию поразила решительность пожилой женщины.

– Как вы догадались, о чем я хочу попросить?

– А зачем бы еще ты звонила? – горько хмыкнула Айрин. – Нет, я сама должна с этим разобраться. Понимаешь меня? Это из разряда вещей, с которыми только я сама могу справиться.

– Да, но...

– Тебе этого не понять, – произнесла собеседница таким тоном, что у Триш по спине пробежали мурашки. – Я и так тебе слишком много наговорила.

– Я только хотела помочь...

– Я знаю, – сухо кашлянула Айрин.

– По крайней мере, пообещайте мне, – после секундного замешательства продолжила Триш, – что обязательно позвоните, если что-то случится. Позвоните, если потребуется моя помощь.

– Да, разумеется.

– Хорошо. – Триш не знала, стоит ли продолжать разговор. Судя по тону, Айрин не настроена на долгую беседу. – Но вы действительно нормально себя чувствуете?

– Все в порядке. Позвоню в другой раз, ладно?

– Конечно.

Не попрощавшись, старая женщина положила трубку.

«Дуг ошибается, – подумала Триш, – считая, что изменения, происходящие в настоящее время с людьми, могут быть никак не связаны с почтой. Прямо или косвенно, с почтой связано все». И источником распространившейся в Виллисе недоброжелательности, корнем всеобщего безумия является почтальон.

Сегодня утром, пока Билли и Дуг еще спали, она сходила к почтовому ящику. Пришли два письма. Оба были адресованы ей лично. Все утро она размышляла, стоит ли их открывать.

Вспомнив об этом, Триш вышла на улицу, нашла спрятанные конверты, взяла лопату, вырыла на краю участка глубокую яму и закопала их, не распечатывая.

* * *

Трития шла по дороге по направлению к дому Нельсонов. Ханна не звонила уже две недели. Точнее сказать. Трития не разговаривала со своей подругой с тех пор, как погиб бедный Скуби. Такого раньше никогда не было. Они с Ханной ходили друг к другу в гости или по крайней мере перезванивались не реже чем раз в два дня.

За это время Триш неоднократно пыталась дозвониться до Нельсонов, но линия каждый раз была занята, а сегодня днем в трубке послышался решительный механический голос автоответчика телефонной компании, который сообщил, что линия больше не обслуживается.

Тогда она решила сходить к подруге пешком.

После отъезда Дуга и Билли прошел небольшой дождик, длился он десять минут, но этого хватило, чтобы прибить пыль на обочине, Очень удачно. Обычно пыль вздымалась при каждом

шаге, и к дому Нельсонов Триш приходила насквозь пропыленной. Но дождь, уничтожив пыль, увеличил влажность, и с этим волей-неволей приходилось мириться. К финалу своего небольшого путешествия Триш вся обливалась потом.

Машина Нельсонов стояла возле дома, значит, они никуда не уехали. Триш прошла по дорожке. Мелкий гравий громко хрустел под ногами. На глаза попался металлический кол, к которому до сих пор была привязана цепь Скуби. Рядом со столбом валялась пустая пластиковая миска для воды. Было очень странно не слышать знакомого веселого собачьего лая.

Триш почувствовала неловкость, словно забрела в чужой дом.

Она поднялась на крыльцо и постучала по косяку внешней сетчатой двери. В домке послышался какой-то шум, но тяжелая основная дверь не открылась. Она подождала пару минут, постучала снова и решила дать о себе знать иначе.

– Ханна, это я!

– Проваливай отсюда! – раздался в ответ злобный голос подруги.

– Ханна, это я, Триш!

– Я сказала – проваливай! – Ханна наконец приоткрыла тяжелую дверь и встала на пороге перед сеткой. Триш обратила внимание на свалывшиеся, непричесанные волосы, грязный домашний халат. Она не могла припомнить, что когда-то видела свою подругу неухоженной и одетой не очень тщательно, и столь разительная перемена произвела шокирующее действие сама по себе.

– Ханна!

– Убирайся отсюда, сука!

Трития потеряла дар речи.

– Убийца собак! – взвизгнула Ханна и плюнула, целясь в лицо. Слюна попала на сетку и медленно потекла вниз.

– О чем ты говоришь? – удивилась Трития.

– Мы получили письмо. Мы все знаем! Рон! – Ханна бросилась в дом, оставив Триш любоваться потеками слюны на сетке.

Из полумрака гостиной появился Рон. Он открыл сетчатую дверь и вышел на крыльцо.

Встав напротив Триш и слегка расставив ноги, словно собираясь броситься в рукопашную, он заговорил, тяжело роняя слова.

– Не предполагал, что у тебя хватит наглости когда-нибудь появиться здесь собственной персоной!

– Я не понимаю, о чем ты...

– Убирайся прочь! – снова взвизгнула из-за его спины Ханна.

– Ты слышала, что говорит моя жена? – сверкнул глазами Рон. – Убирайся отсюда подобру-поздорову. И чтобы твоего духу тут не было!

Трития непроизвольно попятилась.

– Я действительно не понимаю...

– Проваливай, сука! – Рон смачно харкнул ей под ноги. – И передай своему пацану, чтобы он тоже здесь больше не появлялся. Я знаю, что он лазит к нам в сад воровать лимоны. Пусть лучше одумается, а не то схлопочет себе пулю в задницу. Я понятно выразился?

От ярости перед глазами у Триш поплыли красные круги.

– Мой сын никогда в жизни не воровал!

Кроме того, последнюю неделю он вообще не выходит из дома. И если бы ты не был таким законченным кретином, мог бы сам об этом догадаться!

Рон двинулся вперед, сжимая кулаки, и Триш пришлось спасаться бегством. Но на краю участка она обернулась.

– А если бы у тебя были мозги, ты бы понял, что мы не могли сделать ничего плохого и Скуби!

Рон подобрал с земли камень и замахнулся.

Триш вызывающе ткнула в его сторону выставленным средним пальцем и, глотая слезы, поспешила домой.

Через час, когда вернулись муж с сыном, она уже успокоилась и взяла себя в руки. Дуг тут

же был извещен о случившемся, и они оба отправились к Нельсонам, строго-настрого запретив Билли отлучаться из дома.

Но хотя автомобиль Нельсонов стоял на том же месте, а Дуг добрых пять минут барабанил в дверь, им никто не открыл.

30

Электричество вырубилось во вторник утром, примерно посередине информационной программы «Сегодня». Телевизор мигнул и погас. В то же мгновение погас свет на кухне. Когда Дуг наконец пробился сквозь сплошные короткие гудки в контору электрической компании, неуверенный мужской голос принялся заверять его, что электроснабжение восстановят, как только будет выяснена причина аварии.

– И когда приблизительно это может произойти? – поинтересовался Дуг.

Мужчина нервно прокашлялся.

– Боюсь, я не могу вам сейчас ответить, сэр.

– Но речь идет о минутах или месяцах?

– Скорее всего к концу дня. В крайнем случае – к завтрашнему утру.

Дуг повесил трубку, понимая, что толком так ничего и не выяснил. Это, конечно же, полная глупость, но он не мог отделаться от мысли, что счета за пользование электричеством затерялись в недрах почтового ведомства, энергетики не получили надлежащих денег, и машины попросту встали.

Или нечто в том же духе.

Нечто, связанное с почтой.

* * *

К пяти часам вечера были отключены вода, газ и телефон.

31

«Странно, – думал Дуг, – почему нам ни разу не приходило в голову просто уехать из города?» Например, съездить на пару недель к его родителям или заглянуть в гости к отцу Триш в Калифорнию. Их ничто не держало, не было ничего, что мешало бы им вырваться из этого сумасшествия, но, хотя они с Триш и не обсуждали эту тему, он чувствовал, что жена испытывает схожие чувства: они заперты в Виллисе, как в клетке.

Насколько он знал, ни один человек не покинул город. Все покорно сидели по своим домам, как бараны, а волк бродил между ними, высматривая себе добычу.

Но почему? Какая эпидемия поразила общество? Что заставляет всех оставаться здесь, вопреки здравому смыслу, вопреки тому, что должен подсказывать элементарный инстинкт? Видимо, то же самое, что заставляло людей оставаться в пораженных чумой городах, на глазах превращающихся в города-призраки. Некое иррациональное, идиотское понятие «дома».

Электричество не могли восстановить уже третьи сутки, и Дугу уже порядком надоели и холодный душ, и вечера в темноте, и сидение на бутербродах, но хотя бы водопровод и телефон заработали. Надо было бы радоваться этому, но Дуг даже не сомневался, что все недоразумения с коммунальными услугами направлены на то, чтобы еще больше нарушить привычные связи и контакты между жителями города. Он лично за последние несколько дней не общался ни с кем, кроме Триш и Билли, а когда позвонил Майку Трентону, молодой полисмен разговаривал холодно и отчужденно.

Хоби даже не подходил к телефону.

Поэтому Дуг решил к нему съездить.

Он уже миновал центр города и приближался к кварталу, где обитал Хоби. Больше всего, как это ни странно, его задевали и нервировали казалось бы, самые элементарные мелочи – нестриженные газоны в парке, трава, пробивающаяся сквозь асфальт на автостоянке, урны,

переполненные мусором, – внешне незначительные, но вполне красноречивые признаки всеобщего упадка. Проезжая по городу. Дуг не мог отделаться от мысли, что большинство горожан сегодня даже не выходили из домов и вся городская деятельность замерла. Уму непостижимо, как может один-единственный человек оказать такое влияние на целый город, тем не менее доказательства этому были на лицо.

Он остановил машину прямо перед трейлером. Все автомобили Хоби стояли на своих местах, значит, хозяин дома. Хоби никуда не ходил пешком, если туда можно было подъехать на автомобиле.

Дуг прошел по замусоренной дорожке и нажал кнопку звонка.

Спустя несколько секунд дверь открылась и на пороге появился Хоби в черной с золотом фирменной майке школьной спортивной команды; но лицо его как-то выцвело, даже губы стали бесцветными.

– Привет. Давненько не виделись.

Дуг через силу улыбнулся.

– Привет. Как дела?

– Так себе, – пожал плечами Хоби. – Но я рад, что ты заглянул. – Он распахнул дверь и жестом пригласил Дуга пройти внутрь.

У Хоби тоже не было света, но вместо того, чтобы раздернуть занавески и открыть окна, он закрыл все наглухо, предпочитая сидеть при свечах. В помещении плавали запахи горелого воска и протухшей пищи. Как только глаза Дуга привыкли к полумраку, он разглядел, что дверца холодильника приоткрыта и все продукты внутри испорчены. И комната, и кухня были завалены мусором и одеждой. Дуг внимательно посмотрел на друга. Хоби мог быть шумным и грубым, но в отсутствии аккуратности его никто никогда бы не упрекнул. Дуг испугался не на шутку. Душевное состояние Хоби с момента их последней встречи заметно пошатнулось, – Я получил еще одно письмо от Дэна, – произнес Хоби, усаживаясь на неприбранный диван. – Он написал его на прошлой неделе.

Дуг пристально посмотрел другу в лицо. Тот был абсолютно серьезен и явно напуган.

– На, прочитай. – Хоби протянул ему лист грубой белой бумаги, исписанный крупным, уверенным почерком. В полумраке читать было трудно, поэтому Дуг встал, подошел к окну и отодвинул штору. В комнату ворвались солнечные лучи.

При таком освещении обстановка внутри трейлера казалась еще более жуткой и запущенной.

– Пишет, что собирается в гости, – негромко добавил Хоби.

Дуг начал читать:

Брат,

наконец добился увольнительной. Примерно через недельку буду у тебя, если смогу попасть на транспортный борт. Привезу с собой один розовый бутончик, который никто еще не нюхал, так что мы сможем как следует оттянуться. Ей двенадцать, целочка с ног до головы. По крайней мере, так сказал парень, который ее продавал.

Ножки привезу с собой.

До скорого.

В конце стояла подпись: «Дэн». Письмо было датировано прошлой неделей.

– Ты знаешь, что это обман, – заговорил Дуг, складывая письмо и глядя Хоби в глаза. – Это его рук дело. Почтальона. Он пытается тебя...

– Это Дэн, – перебил Хоби. – Я знаю своего брата.

Дуг облизнул внезапно пересохшие губы.

– А что за история с двенадцатилетней? И что значит – «ножки привезу с собой»?

Хоби встал и нервно заметался по тесной комнатке. Его лицо закаменело, мышцы напряглись. Он напоминал зверя в клетке.

– Я не хочу его видеть.

– Что означают двенадцатилетняя девчонка и ножки?

– Этого я не могу сказать, – Хоби перестал метаться и посмотрел на Дуга. В его глазах стоял страх. – Я не хочу, чтобы он появлялся здесь. Он мой брат, и я не видел его двадцать лет, но... Но он мертв. Он мертв. Дуг! Я не хочу, чтобы он здесь появлялся. Я не хочу его видеть. –

Последовал глубокий, шумный вздох. – Я боюсь его.

Хоби был на грани истерики. Дуг встал и крепко стиснул друга за плечи.

– Послушай меня! Я понимаю, ты узнаешь почерк брата. Я понимаю, он пишет такое, что известно только вам двоим. Но выслушай меня внимательно. Это ловушка. Это дело рук почтальона. Тебе не хуже меня известно, что творится в городе, и если ты сможешь рассуждать логически, ты поймешь, что с тобой происходит то же самое. Ты сам сказал, что твой брат давно умер. Прости за грубость, но неужели ты действительно считаешь, что его сгнивший труп может восстать из могилы, сесть на транспортный самолет, прилететь из Вьетнама в Соединенные Штаты, приземлиться в Фениксе, потом взять такси и добраться до Виллиса?

Есть в этом хоть какой-нибудь смысл?

Хоби молча покачал головой.

– Это почтальон, – повторил Дуг.

– Я понимаю, – заговорил Хоби. Дуг увидел, что у него наконец-то стал ясный, осмысленный взгляд. – Я понимаю, что это дело рук почтальона. Письма приходят по ночам. Я не могу заснуть, пока не услышу, как подъезжает его машина и он опускает в ящик очередное письмо. Мне бы следовало съездить на почту и вытрясти из этого сукина сына его поганую душу, но я боюсь его, понимаешь? А вдруг... А вдруг он действительно воскресил Дэна из мертвых? Вдруг он в состоянии перенести Дэна сюда?

– Он пытается подавить тебя. Вывихнуть тебе мозги.

– У него это неплохо получается, – нервно хохотнул Хоби. Отстранившись от Дуга, он направился в раскуроченную кухню, нашел на захлапленном столе початую бутылку виски «Джек Дэниелс», плеснул в грязный стакан солидную порцию и залпом ее проглотил. – Если он подделывает эти письма, значит, ему известно многое из того, что мог знать только Дэн. Он даже в состоянии имитировать его почерк. Ты как-нибудь можешь это объяснить?

– Не могу.

Хоби плеснул себе еще виски и немедленно выпил.

– Все это какая-то дерьмовая чертовщина.

Дерьмовая чертовщина.

– Ты прав, – кивнул Дуг.

– Может, он и не человек вовсе, как ты думаешь?

– Может быть, – согласился Дуг. Это предположение, впервые произнесенное вслух, вызвало неприятный холодок в груди. – Но я не знаю, кто он или что он.

– Кем бы он ни был, он способен воскрешать мертвых. Дэн сам написал эти письма. И скоро заявится ко мне в гости.

– Может, следует обратиться в полицию?

– К черту полицию! – Хоби грохнул стаканом по столу и расплескал виски. Потом потряс головой и спокойнее продолжил:

– Никакой полиции.

– Почему?

– Потому.

– Почему потому?

– Если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, лучше сматывай удочки и катись домой.

– Хорошо, хорошо. – Дуг примирительно выставил вперед ладони. Далее он лишь молча наблюдал, как Хоби глоток за глотком прикончил остатки виски.

И не уехал до тех пор, пока приятель не забылся в пьяном сне на диване.

* * *

Пять гудков. Шесть. Семь. Восемь.

На десятом гудке Триш положила трубку.

Что-то случилось. Айрин всегда отвечала после третьего гудка. Возможно, ее нет дома, но это очень маловероятно. Совсем недавно она не хотела покидать дом ни под каким предлогом.

Может, ей понадобились продукты?

Нет. Триш была уверена, что случилась беда.
Как только вернется Дуг, они вместе поедут к Айрин.
Она сняла трубку и еще раз набрала тот же номер.
Один гудок. Второй. Третий. Четвертый.
Пятый. Шестой...

* * *

Повинуясь безотчетному импульсу. Дуг остановил машину сразу за перекрестком. День был в разгаре. Цикады разошлись вовсю. С их гудением могло соперничать лишь приглушенное журчание ручья. Рядом с дорогой крутой, каменистый берег порос густым молодым кустарником, что исключало любую возможность пройти вдоль воды. Дуг сегодня надел новые теннисные туфли и понимал, что обувь лучше не портить, тем не менее он решительно шагнул в ручей, постоял некоторое время, привыкая к холодной воде, а затем двинулся вверх по течению.

Дуг знал, куда идет: к тому месту, где Билли нашел выброшенные письма. После пикника он здесь не был. Полиция, судя по всему, так и не удосужилась обследовать ручей. Они приняли промокшие конверты, которые он взял в качестве доказательства, Майк даже ездил предъявлять их почтальону, но Дуг не помнил, чтобы проводилось какое-нибудь расследование.

Может, он просто забыл.

Хотя вряд ли.

Дуг не сомневался, что это место безлюдно и относительно недоступно. По обоим берегам ручья здесь вздымались высокие скалы. Человеку тут просто нечего делать. Конечно, это далеко не край света; отсюда до города всего около мили, а до их дома просто подать рукой.

Но благодаря рельефу местности ручей оставался абсолютно изолированным от цивилизации, как какой-нибудь глухой медвежий угол Тонто.

Дуг шел вперед. На самом деле отправиться сюда одному, не сказав никому ни слова, было полной глупостью. Если с ним сейчас что-то случится...

Он миновал место пикника и направился дальше. До первого поворота осталось совсем немного. Интересно, сколько теперь там писем?

Может, почтальон перестал выбрасывать их как попало? Может, теперь он как-нибудь использует эту корреспонденцию? Воображение Дуга мгновенно нарисовало город из миллионов конвертов, выстроенный на берегу ручья, – маленькие хижины, фундаменты, стены и крыши которых сложены из тщательно подобранных и рассортированных разноцветных прямоугольников.

Просто шизуха какая-то.

Но что сейчас не шизуха?

Перед последним поворотом Дуг остановился, прислушиваясь, стараясь уловить любой неестественный звук, но в тишине только журчал ручей и стрекотали цикады. Медленно передвигая ноги, он сделал еще несколько шагов.

И не поверил своим глазам.

Почтовая корреспонденция исчезла.

Он ощутил почти облегчение. Почти. Ибо удовлетворение от того, что своими действиями ему удалось заставить почтальона выбрасывать письма в каком-нибудь другом месте было не полным. Почтальон, видимо, настолько испугался, что тщательнейшим образом подобрал сотни конвертов, которыми были усеяны берега, кустарники и ветви деревьев, подобрал и унес их куда-то все до единого.

* * *

Возвратившись домой, Дуг обнаружил Триш в гостиной перед телевизором. Билли смотрел телевизор у себя наверху. Значит, электричество наконец-то восстановили. Жена поднялась, собираясь идти на кухню готовить овощи, но он усадил ее обратно на диван и

принялся рассказывать о Хоби. По мере того как он излагал подробности, Триш все больше бледнела, а затем промолвила:

– То же самое он проделывает с Айрин.

– Что случилось?

Триш колебалась всего несколько мгновений. Да, разумеется, она обещала Айрин не сообщать об ужасной посылке ни мужу, ни полиции, но обстоятельства складывались так, что обещания такого рода было необходимо нарушить. Если подруге грозит беда, гораздо важнее прийти ей на помощь, чем хранить верность каким-то нелепым обещаниям.

Поэтому она коротко рассказала про отрубленный палец покойного мужа Айрин и добавила, что звонила сегодня подруге раз пять или шесть, но там никто не снимает трубку.

– Господи! Да почему же ты не позвонила в полицию?

– Я не думала...

– Вот именно! Ты не думала! – рявкнул Дуг и поспешил к телефону.

Но телефон опять замолчал.

– Черт! – в сердцах швырнул трубку Дуг. – Давай собирайся! – приказал он жене. – Мы едем в полицию.

Сам он поднялся к сыну. Билли лежал на диване и смотрел очередную серию «Заколдованных».

– Мы едем в город. Обувайся.

– Я хочу досмотреть, – сообщил Билли, не поворачивая головы.

– Немедленно!

– Почему мне нельзя остаться?

– Потому что я сказал – нет. Короче, либо ты сейчас же спускаешься вниз, либо я выкину этот телевизор. – Дуг с грохотом спустился по лестнице и сходил проверить, заперта ли задняя дверь; в это время из спальни вышла Триш с сумочкой через плечо. Тут же, сердито топая по ступенькам, появился Билли.

– Готовы? Поехали.

Путь до города они преодолели в молчании.

Трития нервничала, Билли дулся на заднем сиденье. Дуг припарковал машину на стоянке у полицейского участка рядом с помятым «бьюиком». Приказав Билли сидеть тихо, он в сопровождении Триш поспешил в здание. Увидев посетителей, дежурный сержант вышел им навстречу.

– Чем могу быть полезен?

– Где Майк? – вопросом на вопрос откликнулся Дуг, оглядывая помещение.

– Какой Майк?

– Майк Трентон.

– Прошу прощения, но информация о времени работы и местонахождении сотрудников является строго конфиденциальной.

– Мы с ним знакомы.

– Ну, если вы с ним знакомы, вам нет нужды меня спрашивать. Еще раз прошу прощения, но по соображениям безопасности мы никому не даем информацию личного характера, касающуюся наших сотрудников. Чем-нибудь еще я могу быть полезен?

– Надеюсь, – буркнул Дуг и коротко рассказал сержанту про Хоби и Айрин. Поначалу он опустил детали и просто объяснил, что его друзья подвергаются домогательствам нравственного характера при помощи почтовых отправок и что у него есть все основания полагать, что за этим стоит новый почтальон. Он очень хочет, чтобы полиция разобралась в этом деле. Но после того, как сержант начал смотреть на него со все большим сомнением и давать весьма уклончивые ответы вроде «да-да, разумеется, мы разберемся», Дуг решил выложить все как есть.

– Хоби Бичэм получает письма от своего давно погибшего брата. Айрин Хилл прислали по почте палец, который давным-давно случайно отрубил себе ее ныне покойный муж. Хоби от всего этого глухо запил, я был у него сегодня и оставил пьяным в стельку. Айрин не подходит к телефону. Короче говоря, не могли бы вы найти несколько минут в вашем напряженном служебном расписании для того, чтобы разобраться со всеми этими делами?

Поведение сержанта изменилось самым кардинальным образом. Он внезапно выказал горячее желание разобраться во всем, но при этом явно занервничал, записывая адреса и фамилии Дуга, Хоби и Айрин.

«Он в курсе, – подумал Дуг. – Он тоже получает письма».

– Я пошлю сотрудника побеседовать с мистером Бичэмом и миссис Хилл, – заверил сержант.

Дуг посмотрел на настенные часы. Было почти четыре. Почта работает еще час.

– А как насчет Джона Смита? Вы поедете к нему?

– Разумеется.

– Я тоже поеду.

– Извините, – покачал головой сержант, – гражданским лицам...

– Все ясно, – прервал его Дуг с улыбкой. – В таком случае я просто заеду на почту и окажусь там случайно. Одновременно с вашим сотрудником. Поехали, – добавил он, обращаясь к Триш.

Не оборачиваясь, они покинули здание полиции. Дуг почувствовал, что истекает потом; мышцы закаменели от психологического напряжения. Общение с представителями власти, даже на столь незначительном уровне, до сих пор заставляло его нервничать, хотя за последнее время к этому можно было бы и привыкнуть.

Ключи они оставили в машине, чтобы Билли мог развлечь себя радио. Настроение сынишки за время их отсутствия несколько улучшилось.

Во всяком случае, когда они уселись, он больше не дулся.

– Зачем мы сюда приезжали? – спросил он.

– Затем, – решила не вдаваться в подробности Триш.

– Это из-за почтальона, да? – продолжал Билли.

Дуг поглядел на сына в зеркальце заднего вида.

– Да.

– Они его арестуют?

– Надеюсь, – еще раз кивнул Дуг.

– А может, и нет, – философски заметил Билли, откидываясь на спинку сиденья.

Дуг промолчал. Из здания полиции показался Тим Хиббард в сопровождении двоих полисменов и помахал рукой, приглашая Дуга следовать за ними. Они сели в машину, Дуг дал задний ход, развернулся и пристроился за патрульным автомобилем. Спустя некоторое время обе машины припарковались на стоянке перед зданием почты.

– Сидите здесь, – бросил Дуг, открывая дверцу. Тим уже ждал его перед входом.

– Еще чего?! – возмутилась Триш, отстегивая ремень безопасности. – Я иду с тобой.

– Я тоже! – оживился Билли.

– Ну ты-то определенно никуда не идешь, – сказал Дуг – Естественно, – поддержала его Триш.

– Почему в таком случае я не остался дома смотреть телевизор? – резонно возразил сын.

«Потому что я боюсь оставлять тебя одного», – хотел сказать Дуг, но лишь покачал головой и ничего не ответил. Он оставил ключи в замке зажигания, настроил приемник на любимую радиостанцию Билли, захлопнул дверцы и поспешил к ожидающему их полицейскому.

– Шеф убьет меня, – улыбнулся Тим, когда они подошли, – если узнает, что вы были со мной. Знаете, он вас очень не любит.

– Меня? – изобразил удивление Дуг.

Тим рассмеялся.

Послеполуденное солнце отражалось в стеклянной двери почты и мешало разглядеть, что происходит внутри. Но судя по всему, посетителей в данный момент не было.

– А где Майк? – спросил Дуг.

– По-честному? Его отстранили от этого дела. Шеф считает что он слишком эмоционален.

– Из-за меня, хотите сказать?

– В общем, да.

Дуг свел брови.

– Вы сказали – «от этого дела»? То есть от дела почтальона?

– Это неофициально, – снова улыбнулся Тим.

– Ну что ж, это уже лучше, чем ничего. А то я уж совсем начал в вас разочаровываться, парни.

– Особо не обольщайтесь. Шеф по прежнему полагает, что все это бред, а у нас нет ни одного доказательства.

– Пока, – вставила Триш.

– Посмотрим, – протянул Тим и оглядел обоих. – Ну, вы готовы?

– Вперед, – кивнул Дуг.

Солнце клонилось к закату, на улице стало прохладнее, но в помещении почты было невероятно жарко и душно. Дуг моментально обратил внимание на очередное изменение интерьера. Стены, еще недавно выкрашенные традиционной серо-зеленой краской, теперь были абсолютно черными. На пол он раньше вообще внимания не обращал, но его нынешний кроваво-красный цвет не мог не броситься в глаза.

По стенам были развешаны плакаты с изображением несуществующих марок. Кровавые пытки. Извращенный секс.

За конторкой Жизель Бреннан сортировала письма. Она выглядела почти как нацистка в синей форме почтового ведомства. Под форменной фуражкой виднелась аккуратная тевтонская прическа. Дугу показалось, что его бывшая ученица стала совсем другим человеком. В ее облике появилось нечто отталкивающее, неприятное, грязное, словно девушка повернулась ко всем спиной – к родителям, друзьям, всем жителям города, словно она предала их всех.

Мелькнула мысль, что, возможно, целью почтальона является создание в Виллисе некоей ультрамилитаристской молодежной организации, способной установить контроль над всей жизнедеятельностью города. Впрочем, в таком случае какие-то признаки подобной деятельности уже должны были бы проявиться.

Джон Смит наверняка попытался бы завлечь в свою организацию других подростков. А кроме того, эта версия – слишком поверхностная, слишком простая, слишком прямолинейная.

Дуг был уверен, что цель почтальона в другом.

Если у него вообще есть цель...

«Реальная жизнь, – в который раз напомнил себе Дуг, – очень далека от той, что описана в книжках». Как преподаватель английского языка и литературы он постоянно имел дело с темами и сюжетами художественных произведений и часто подыскивал сходные конструкции, объясняя ту или иную житейскую ситуацию. Но жизнь – это не роман, в котором все события логически связаны и служат достижению определенных целей – прорисовке характеров персонажей, выявлению истины, достижению кульминации и развязки... Возможно, и даже более чем возможно, что почтальон появился в городе отнюдь не с какой-то особой целью, не как часть грандиозного злого замысла, а всего лишь для собственного удовольствия и развлечения. Или вообще без какой-либо конкретной причины.

Дуг нашел руку Триш и крепко сжал ее.

Тим прокашлялся и подошел к прилавку. Обстановка внутри помещения, вероятно, тоже подействовала на него, хотя он старался не подавать виду.

– Мне нужно поговорить с мистером Кроуэллом и мистером Смитом, – произнес полисмен.

Только в этот момент Жизель отвлеклась от своего занятия, подняла голову и поочередно оглядела Тима, Дуга и Триш. Дуг увидел ее улыбку и мгновенно почувствовал укол совести. Девушка осталась в общем-то прежней.

Но тогда почему она решила работать у почтальона?

– Ховард здесь? – спросил Дуг.

– По-прежнему болен, – покачала головой Жизель.

– Будьте любезны, передайте мистеру Смигу, что я хочу его видеть, – продолжил Тим.

В этот момент из служебного помещения появился сам почтальон. Его форма выглядела, как всегда, безупречно. Дуг обратил внимание, что волосы Джона Смита почти такого же цвета, что и пол.

– Добрый день, джентльмены, – произнес почтальон. Затем, увидев Триш, улыбнулся ей

лично и добавил:

– Добрый день, леди.

Триш сделала попытку спрятаться за спину мужа. Ей очень не нравились глаза почтальона.

Ей очень не нравилась его улыбка.

А вы славная!

Он пристально посмотрел ей в глаза. Триш хотела, но не смогла отвернуться.

– Как ваш сынишка? – поинтересовался почтальон. Вопрос прозвучал совершенно невинно, но ей показалось, что за ним кроется грязный, пугающий намек.

Билли тоже славный!

– Мы пришли не для болтовни, – холодно оборвал его Дуг.

– Нам поступили сведения, – официальным тоном заговорил Тим, – что происходят отдельные недоразумения с почтовыми отправлениями. – Голос звучал ровно, размеренно, но Дуг уловил в нем легкий оттенок страха. И понял, что почтальон тоже это заметил. – Двое граждан пожаловались, что в последнее время получили по почте... – он замялся, подыскивая нужное слово. – Получили весьма странные предметы.

– А конкретнее? – спокойно полюбопытствовал почтальон.

– Запрещенные к пересылке предметы.

Почтальон понимающе улыбнулся.

– Почтовая служба не несет ответственности за содержимое доставляемых почтовых отправлений и по федеральному закону не может отвечать за ущерб, причиненный вследствие такого рода отправлений. Тем не менее, мы, так же, как и вы, очень внимательно рассматриваем все жалобы, поступающие в адрес почтовой службы, и готовы к любого рода сотрудничеству ради выяснения данной конкретной проблемы.

Тим явно растерялся, не зная, что возразить, и обернулся, ища помощи у Дуга.

– Вы сами отправляете письма! – заявил Дуг.

– Разумеется, отправляю, – не моргнув глазом спокойно согласился почтальон. – Мы все отправляем ту или иную корреспонденцию.

Не хотите же вы сказать, что мне, поскольку я являюсь почтовым служащим, запрещено отправлять письма другим людям? Не обвиняете ли вы меня в злоупотреблении служебным положением? – Он хохотнул таким искусственным смехом, давая понять, что ему все ясно.

– Я несу такие же почтовые расходы, как и все прочие, – с улыбкой продолжал почтальон. – Мне даже не полагается скидка. Но на количество отправляемой мною корреспонденции ограничений не существует. Я могу отправлять столько писем, сколько пожелаю. – Вы отправляли кому-нибудь письма угрожающего содержания? – заговорил Тим. – Отправляли по почте части человеческого тела?

Почтальон даже не потрудился изобразить удивление.

– Мне не нравятся ваши инсинуации.

– Боюсь, мне придется попросить у вас разрешения произвести обыск в помещении почтового отделения.

– Боюсь, вам придется сначала озаботиться получением ордера на обыск, – парировал почтальон. – И боюсь, вам придется преодолеть немалые трудности, чтобы получить ордер на обыск в помещении ведомства федеральной службы. – Почтальон посмотрел поверх голов Дуга и Триш в окно и как бы невзначай спросил:

– Как себя сегодня чувствует Билли?

– Оставьте его в покое, – полыхнула глазами Триш.

Почтальон усмехнулся.

Дуг заметил, как Жизель за спиной почтальона постаралась отойти от него подальше.

Выглядела она при этом явно смущенной.

– Боюсь, джентльменам, – почтальон опять с усмешкой взглянул на Триш, – и леди придется простить меня, но мне пора возвращаться к своим делам. У меня много работы.

– Я еще не закончил с вами разговаривать, – произнес Тим.

– А я закончил с вами разговаривать, – отрезал почтальон. Тон, которым он произнес последнюю фразу, заставил всех на мгновение онеметь. За это время Джон Смит успел

повернуться и скрыться в служебном помещении.

Жизель попыталась извинительно улыбнуться, но улыбка не получилась.

– Попроси Ховарда позвонить мне, – обратился к девушке Дуг. – Если, конечно, ты его видишь.

Жизель оглянулась, удостоверилась, что за ней никто не наблюдает, и только потом едва заметно отрицательно повела головой из стороны в сторону.

– Черта с два я буду брать ордер на обыск, – со злостью рявкнул Тим. – Я буду брать ордер на арест! Пошли отсюда!

Они покинули мрачное душное помещение и оказались на свежем воздухе. За спиной, откуда-то из глубины здания почты, послышался негромкий смех.

32

На следующий день телефон опять не работал, и Дугу пришлось ехать в город, чтобы узнать результаты бесед полиции с Хоби и Айрин. Оба категорически отрицали факт получения по почте чего-либо необычного.

Он поговорил с дежурным сержантом. Ни Майка, ни Тима на службе не оказалось.

На обратном пути он заехал к Хоби, но тот сделал вид, что никого нет дома.

Точно так же поступила Айрин.

33

Билли проснулся рано. Нос заложило, глаза зудели и слезились. Очередной кошмар, который ему приснился, казался ничем на фоне внезапного физического недомогания. Он чихнул, потом еще раз и вытер нос краем простыни, поскольку носового платка под рукой, как водится, не оказалось. Очередной приступ аллергии. Он уже знал, как это начинается. Билли откинулся на подушку и лежал с открытыми глазами. Родители неоднократно пытались уговорить его съездить во Флагстафф, пройти медицинское обследование и выяснить, на что именно у него проявляется аллергическая реакция, но поскольку обследование предполагало несколько уколов, Билли наложил категорическое вето даже на эту мысль. Уколов он боялся панически. Аллергия, конечно, дело противное, но терпимое, к тому же длится обычно день-два, не больше.

Билли чихнул еще раз. Сегодня он собирался пригласить в форт близнецов Брэда и Майкла – похвастаться перед ними коллекцией «Плейбоя». Близнецы никогда не верили, что Билли и Лейн собрали такое количество журналов, и не раз напрашивались в гости, а как-то даже предлагали деньги за то, чтобы посетить форт.

Лейн всегда давал им от ворот поворот, утверждая, что только создатели форта имеют право спускаться внутрь, но Лейн давно исчез, а близнецы по-прежнему хотели увидеть все своими глазами.

В голосе Брэда, когда они разговаривали по телефону, звучали какие-то странные враждебные нотки, словно Билли перед ним в чем-то провинился, но поскольку общаться все равно больше не с кем...

Что ж, просителям выбирать не приходится.

Кроме того, мальчику давно уже хотелось пообщаться с кем-нибудь, помимо родителей. А уж коллекция «Плейбоя» на близнецов должна произвести неизгладимое впечатление. В этом Билли не сомневался.

Он заставил себя сесть. Тяжелая голова гудела, Глаза ломило. Он сомневался, стоит ли выходить сегодня на улицу тем более в лес. От растений аллергия может стать еще хуже. Но и валяться весь день в постели ему не хотелось. Другое дело – во время учебного года. Тогда можно с удовольствием отдохнуть пару дней на диване, не вылезать из пижамы и смотреть телевизор сколько влезет, а мать еще будет носить тебе на подносе тосты со сладким чаем. Но летом, тем более, когда день уже распланирован...

Билли встал, прошлепал к стенному шкафу и накинул купальный халат. В кармане

нашелся старый носовой платок. Мальчик старательно высморкался.

– Опять аллергия? – раздался внизу голос матери.

Он не ответил, надеясь, что, если не привлекать к себе особого внимания, мать все забудет и оставит его в покое. Билли подошел к окну и выглянул на улицу. Низкие кучевые облака предлагали глазу богатую палитру оттенков серого цвета. Сквозь небольшой просвет на востоке мутно светилось солнце. Высоко над четкими силуэтами сосен медленно кружил одинокий коршун, направляясь к вершине хребта.

Дождя не было, но земля выглядела сырой, стекла – затуманенными.

Может, действительно лучше не ходить сегодня с близнецами в форт?

Мальчик спустился вниз. Электричество наконец-то дали. Отец сидел в кресле перед телевизором и смотрел утренние новости. Мать стояла в кухне, у раковины, и разглядывала лес за окном. На столе, помимо кувшина свежесжатого апельсинового сока, стояло несколько коробок с высококалорийными овсяными хлопьями. Около тостера – нарезанные ломти хлеба из муки крупного помола.

Жизнь, похоже, возвращается в привычную колею.

Билли чихнул и вытер нос рукавом халата.

Он с трудом дышал; каждый удар сердца, разгоняющего кровь, болью отдавался в голове. Однако когда мать повернулась с вопросительным выражением на лице, мальчик поспешил заверить ее, что все нормально.

– Выглядишь ты совсем не нормально, – заметила Триш, подходя поближе. Протягивая ему стакан сока, она добавила: – Выглядишь ты совершенно больным.

– Аллергия.

– Это из-за дождя, – кивнула мать. – В воздухе споры растений. Выпей, пожалуйста, сок, тебе нужны витамины.

Билли сел за стол и отхлебнул соку. Потом выбрал коробку с наименее противными хлопьями, насыпал примерно половину чашки и приправил сверху несколькими ложками сахара.

– Что ты делаешь?

– Без сахара я это есть не могу.

– Одной ложки вполне достаточно.

– Уже поздно, – улыбнулся Билли, быстро наливая молоко.

– Давай ешь побыстрее и собирайся, – подал голос из комнаты отец. – Нам сегодня надо в магазин за продуктами, я хотел бы разделаться с этим как можно быстрее.

– Не хочу я никуда ехать, – проворчал Билли с набитым ртом.

– Это обязательно.

– У меня аллергия. Я плохо себя чувствую.

Думаю, мне лучше остаться дома.

– Ты только что сказал, что в полном порядке! Каков обманщик! – Мать постаралась обратить все в шутку, но от мальчика не укрылось ни скрытое напряжение в ее голосе, ни тревожный взгляд, которым она обменялась с отцом. – На самом деле, почему ты хочешь остаться?

– Ко мне могут прийти Брэд и Майкл. Мы собирались пойти поиграть в форт.

– Ты поедешь с нами, – жестко сказал отец.

– Слушайте, ну что вы все время со мной, как с маленьким! Я достаточно взрослый, чтобы остаться один. Вон Лейна как-то родители на двое суток одного оставляли и ничего!

– Когда это было? – моментально насторожилась мать. – Когда ты остался там ночевать?

– Нет, – солгал Билли.

– Кстати говоря, а куда пропал Лейн? Что-то давненько я его не видела. Вы, что, поссорились или как?

Билли поднял глаза на мать и почувствовал тяжелый комок в желудке.

Обнаженная.

– Да, – буркнул он и принялся сосредоточенно ковырять ложкой в кружке, стараясь не смотреть на мать и не вспоминать про Лейна.

Отец появился на кухне, выплеснул остатки кофе в раковину и сполоснул чашку.

– И все-таки я считаю, что тебе лучше поехать с нами.

– А я считаю, здесь мне будет спокойней, – ответил сын.

Они обменялись быстрыми взглядами. Никто больше не произнес ни слова, но подтекст разговора был ясен обоим. Употребив слово «спокойней», Билли случайно задел больную струну. На самом деле он сомневался, что дома действительно спокойнее и безопасней, но ему мучительно не хотелось тащиться в город. Отец продолжал сверлить его взглядом, но сын не отвернулся. Дуг испытывал противоречивые чувства, это было видно по его лицу.

Наконец он отвел глаза и поставил чашку в сушилку.

– Ты уверен, что одному тебе будет нормально?

Билли кивнул.

– Только из дома – ни шагу! До нашего возвращения, пожалуйста, никуда не выходи. Ты меня понял?

– Понял.

– Если придут Майкл с Брэдом, – продолжал отец, – пригласи их в дом, посмотрите телевизор. Можешь поставить какую-нибудь кассету.

– Ладно, – кивнул Билли. – Не беспокойся.

– Думаю, он будет вести себя хорошо, – мать положила отцу руку на плечо.

Отец вернулся к телевизору. Мать ушла в ванную собираться. Билли почувствовал, что-то между родителями произошло, нечто не совсем понятное, нечто ускользнувшее от его внимания, и он не мог сказать наверняка, доволен он этим или нет. Он даже почти уже пожалел, что не согласился ехать с ними по магазинам.

Он чихнул и опять вытер нос рукавом халата.

Через полчаса родители наконец собрались.

На прощание они выдали ему такую гору инструкций, словно уезжали как минимум на неделю.

Билли проследил, как отец вырулил на шоссе, а затем вернулся на кухню. Посуду после завтрака мать помыла, но кое-что оставила и на его долю. На столе стояли кувшин с соком, коробки с хлопьями, сахарница. Телевизор не работал. Билли выключил свет. Дом погрузился в искусственный полумрак. Мальчик присел на диван. Удивительно приятно оказаться в доме в пасмурный день. Тем более одному. От этого все словно приобретало большую значимость, казалось более весомым и одновременно преходящим, а вследствие этого – особо ценным.

Странное ощущение, отличное от того чувства покоя и безопасности, которое охватывает в теплом уютном доме холодными зимними вечерами и от чувства клаустрофобии, наползающего порой в жаркий летний день, когда сидишь словно взаперти. Билли почувствовал себя гораздо старше, словно уже стал взрослым и это его собственный дом.

Начался дождь. В тишине комнат отчетливо раздавался стук капель по крыше дома. Билли посидел еще некоторое время, прислушиваясь к ритму дождя и наблюдая за игрой света за окнами от несущихся с разной скоростью и на разной высоте постоянно меняющихся очертания облаков.

Потом посмотрел на часы. Почти половина десятого. Близнецы собирались явиться примерно в это время – не позже десяти. Конечно, если дождь не утихнет, идти в форт не стоит.

Но можно поиграть в доме или еще чем-нибудь заняться, пока он не кончится.

Да, но прежде всего надо прибрать со стола.

Билли встал и направился в кухню. Кувшин с апельсиновым соком – в холодильник, коробки с хлопьями – в буфет. Передвигая тостер, он случайно бросил взгляд чуть в сторону.

Рядом с буханкой хлеба лежал продолговатый конверт.

Письмо, адресованное ему лично.

Ледяные пальцы страха сжали загривок.

Мальчик застыл, разглядывая белый бумажный прямоугольник. Был ли здесь конверт раньше?

Нет, невозможно. Иначе он бы его обязательно заметил.

Билли захотелось убежать на улицу или спрятаться у себя наверху, чтобы там дожидаться возвращения родителей, забыть о самом существовании этой кухни, но конверт словно приковал его. Он просто не мог отвести от него глаза. Потом потянулся и осторожно, словно

мину-ловушку, приподнял его, держа перед собой на расстоянии вытянутой руки. Мальчик не хотел открывать конверт, боялся его открывать, но нужно было обязательно узнать, что внутри. Он осторожно пощупал бумагу пальцами, проверяя, нет ли внутри фотографий.

Его обнаженной матери.

Пальцы дрожали. На ощупь конверт оказался мягкий, фотографий там явно не было.

Одним быстрым движением Билли вскрыл его.

На гладкой белой бумаге чернели всего два слова:

ВЫХОДИ ПОИГРАТЬ

Выходи поиграть. Два совершенно безобидных слова, можно сказать, даже невинных, за которыми кроется совершенно иное значение.

Билли точно знал, кто прислал это письмо, хотя на конверте не было никакой подписи, и прекрасно понял, что означает это послание.

Выходи поиграть.

Он бросил листок на пол и попятился. Надо было поехать с родителями. Ему не следовало оставаться одному. И что на него нашло? Сумеречный дом, который всего минуту назад казался таким удивительным и замечательным, теперь был полон теней. Потянувшись, Билли щелкнул выключателем светильника над раковиной.

Ничего не произошло.

Электричество отключили.

Теперь он действительно испугался. Поспешив к телефону. Билли схватил трубку.

Телефон молчал.

Сквозь барабанную дробь дождевых капель отчетливо слышалось тихое урчание автомобильного двигателя. Билли метнулся к задней двери проверить, хорошо ли она заперта, потом запер входную дверь. Потом подошел к окну и выглянул наружу. За потоками воды на стекле он смог различить фигуру, стоящую на обочине рядом с дорожкой, ведущей к дому. Фигуру в голубой униформе, с бледным пятном лица и красными волосами.

Выходи поиграть.

Мальчик отшатнулся от окна и задернул шторы. И в ту же секунду пожалел об этом. Абсолютно глупое решение. Теперь он взаперти и не сможет увидеть, что происходит снаружи.

Рука сама потянулась к шнуру, чтобы раздвинуть шторы обратно, но тут же упала. А что, если почтальон уже на крыльце, стоит прямо напротив окна и с ухмылкой ждет, когда он выглянет?

Что ему тогда делать? Что он может сделать?

За мгновение до того, как упали шторы, он видел, как почтальон направился к дому. Или ему показалось? Билли уже не помнил.

Он быстро огляделся по сторонам. В родительской спальне шторы были раздвинуты, но их окно выходило на лес. Оттуда ничего не увидеть, кроме деревьев.

И почтальона, если он подкрадется с той стороны.

Билли бегом взлетел к себе наверх. В его комнате дверей не было, лестница заканчивалась на площадке второго этажа. Но под руками оказалась бейсбольная бита. В случае чего ею можно будет защищаться. Мальчик пошарил глазами в поисках еще чего-нибудь тяжелого, что можно будет швырнуть в почтальона, если тот появится в доме и начнет подниматься по лестнице. Подхватив несколько старых тяжелых игрушек, которыми он давно уже не играл, Билли залез на кровать. Крепко сжимая биту в руках, он принялся ждать, готовый к бою, прислушиваясь к малейшему постороннему звуку внутри дома.

Но единственным звуком был непрекращающийся шум дождя. Билли так больше ничего и не услышал вплоть до того момента, когда спустя час к дому подъехала машина родителей.

Дуг вышел на улицу и двинулся к почтовому ящику. Прошло достаточно времени с тех пор, когда он последний раз, что называется, разбирал почту, и его снедало немалое любопытство – хотелось узнать, какого рода письма теперь присылает им почтальон. Последнюю неделю он регулярно вставал раньше всех и успевал переправить свежую

корреспонденцию прямиком в мусорный бак, причем старался зарыть ее как можно глубже, чтобы письма случайно не выпали, когда в помойке станет рыться голодная собака, неугомонный скунс или любопытный енот.

Но Дуг не мог не думать о содержании посланий. Разумеется, было приятно осознавать, что у него достало сил сопротивляться постоянному искушению, что любые номера, которые планировало отколоть почтовое ведомство по отношению к нему и его семье, с успехом проваливались, но Дуг не стал бы отрицать, что где-то в глубине сознания постоянно зудит странное стремление, своего рода упрямство, сродни тому, которое иногда заставляло его нарочно поступать наперекор каким-либо требованиям властей, это упрямство просто подталкивало руку вскрыть конверты и узнать, что внутри. Причем Дуг прекрасно осознавал, что в сложившихся обстоятельствах это самое глупое и бессмысленное занятие.

Он вспомнил про Хоби и Айрин, которые перестали подходить к телефону и открывать дверь.

Мелкий гравий хрустел под ногами. Дуг дошел до конца дорожки и открыл почтовый ящик.

Внутри лежал один-единственный конверт. Характерная компьютерная рассылка. Надписан он был незатейливо: «Жильцу». Дуг вынул конверт и захлопнул дверцу. Мысленно он еще дискутировал сам с собой, следует вскрыть послание или нет, но руки уже сами разорвали бумагу. Внутри оказалась профессионально отпечатанная листовка с двумя фотографиями.

Фотографиями обнаженной женщины.

Тритии.

Во рту внезапно пересохло, колени подогнулись. Он перевернул листовку и начал читать.

*ПРИВЕТ, МЕНЯ ЗОВУТ ТРИТИЯ.
Я ХОЧУ СТАТЬ ТВОЕЙ САМОЙ
ОРИГИНАЛЬНОЙ ПОДРУЖКОЙ.
ПРИГЛАШАЮ ТЕБЯ В «РАНЧО-КЛУБ»,
И ПОСЫЛАЮ ДВЕ СВОИ ФОТОГРАФИИ,
ЧТОБЫ ТЫ ХОТЬ НЕМНОГО
ПРЕДСТАВИЛ, ЧТО МОЖЕШЬ ПОЛУЧИТЬ,
ЕСЛИ СТАНЕШЬ ЧЛЕНОМ НАШЕГО
КЛУБА. ПО НОЧАМ Я ЖЕНА И МАТЬ,
НО ДНЕМ Я СТАНУ ТАКОЙ, КАК ТЫ
ПОЖЕЛАЕШЬ. ТВОЕЙ ЗНОЙНОЙ
ШЛЮХОЙ. ТВОЕЙ РАБЫНЕЙ..*

Дальше читать он не мог. Задышавшись от ярости и отвращения, Дуг дрожащими пальцами перевернул листовку и еще раз взглянул на фотографии. На одной из них Трития стояла на коленях, выставив перед камерой великолепный круглый белый зад.

Только...

Только это была не Трития. Потому что ягодицы были слишком круглые, слишком крепкие, ягодицы молодой женщины, лет двадцати, не больше. Он присмотрелся внимательнее.

Знакомого родимого пятна на попке чуть ниже крестца тоже как не бывало. К тому же пальцы рук были слишком короткими и толстыми. Дуг принялся изучать другую фотографию. На этой женщина лежала в плетеном кресле-качалке, прикрыв глаза, широко расставив ноги и запустив пальцы себе в промежность. Грудь явно не те. По размеру примерно подходят, но у Триш соски гораздо темнее и гораздо больше торчат.

Он разорвал на мелкие клочки и листовку с фотографиями, и конверт. Почтальон, очевидно, смонтировал изображения. Соединил голову Триш с чьим-то телом. Хотя совершенно непонятно, каким образом к почтальону могли попасть ее фотографии. Монтаж выполнен безупречно – стыковки практически незаметны, – и может ввести в заблуждение кого угодно.

Только не его.

Но в чем смысл? Зачем такие труды?

А может, это не только для него? Может, почтальон разослал такие же листовки по всему городу? И куча мужчин в данный момент уже вовсю глазают на обнаженное тело его жены, читают этот текст и пускают слюни, предвкушая эротические приключения?

Дуг усилием воли выбросил эту мысль из головы и пошел домой.

Но по дороге подошел к мусорному ящику и по обыкновению глубоко запрятал обрывки бумаги.

* * *

На следующий день, когда они опять поехали за покупками, город выглядел еще более заброшенным. Машин на дороге практически не было, считанные прохожие торопливо мелькали в глубине улиц. Поэтому большая толпа, собравшаяся на автостоянке перед лавкой деликатесов, немало озадачила Дуга. Вообще-то он планировал заехать в промтоварный магазин, купить про запас новых батареек для фонарей и радиоприемника, но, увидев скопление народа у Бейлеса, подъехал туда. Припарковав машину рядом с серым джипом «чероки», он вышел на площадку. Группа людей, стоявших полукругом перед фургоном Тодда Голда, вела себя довольно спокойно и тихо, но в этом спокойствии было нечто угрожающее. Дуг подошел поближе и увидел несколько знакомых лиц – его учеников и взрослых. Казалось, все чего-то ждут, и хотя ни в выражении лиц, ни в позах не было ничего необычного, слитная толпа производила неприятно-злое впечатление.

Из магазина с большой белой коробкой в руках появился Тодд Голд. Он подошел к открытому багажнику фургона и поставил коробку внутрь, рядом с еще несколькими похожими.

Потом громко захлопнул дверь и со злостью махнул рукой в сторону наблюдающей толпы.

– Убирайтесь отсюда к чертовой матери!

Что вам еще от меня надо?

Дуг протиснулся ближе.

Толпа никак не отреагировала и молча продолжала наблюдать, как бакалейщик снова скрылся в дверях своей лавки, вынес оттуда несколько сумок, поставил на землю и запер дверь.

– Проваливайте! – еще раз хмуро рявкнул он, подходя к машине. Доставая из кармана ключи, он уронил один из пакетов.

Дуг оказался рядом как раз в тот момент, когда бакалейщик уже собирался садиться за руль.

– В чем дело, Тодд? Что случилось? Что ты делаешь?

– По крайней мере о тебе я был лучшего мнения, – сверкнул глазами Тодд Голд. – Эту деревенщину, – он махнул рукой в сторону толпы, – я еще могу понять. Они никогда в жизни не видели еврея, не знают, что с этим делать и как поступать, но ты...

Дуг в недоумении уставился на бакалейщика. Он нес какой-то явный бред.

– О чем ты говоришь?

– О чем я говорю? Хочешь знать, о чем я говорю? Черт побери, а ты сам не знаешь, о чем я говорю, да? – Тодд бросил на сиденье пачку конвертов и начал лихорадочно перебирать их, отбрасывая в сторону, пока не нашел, что искал. – А это тебе знакомо?

– Нет, – покачал головой Дуг.

– Нет? – Тодд выхватил листок бумаги и начал читать вслух: «Жид пархатый, христоубивец, нам надоело видеть, как твои грязные пальцы лапают нашу рыбу и мясо, прикасаются к нашей еде. Не хочет ли твоя жидовка заполучить себе в зад толстый белый конец?»

– Неужели ты думаешь, что я мог... – в полном ошеломлении заговорил Дуг, но Тодд перебил его.

– Хочешь сказать, ты этого не писал?

– Безусловно, нет!

Тодд опустил голову и продолжил:

– "А может, твоя жидовка хочет, чтоб я засунул ей сардельку с чесноком в жопу?"

– Тодд!..

Бакалейщик сплюнул под ноги Дугу. На лице его было написано омерзение. Омерзение, вызванное предательством. Дуг понял, что сейчас никакими словами и поступками не исправить то, что уже случилось. Он не в состоянии убедить этого человека в своей непричастности.

– Сопляк! – заорал кто-то из толпы. – Слюнтяй!

Дуг моментально обернулся, пытаясь понять, чей это голос, но все лица сливались в одно сплошное пятно. Только теперь он понял, что люди, хотя и молчали, были отнюдь не пассивными наблюдателями. Некоторые из тех, что стояли в первом ряду, представляли собой образчики полыхающего злобой пещерного фанатизма.

– Жид пархатый! – проорал опять мужской голос.

– Убирайся, откуда приперся! – подхватил женский.

Тодд швырнул письмо на заднее сиденье и сел за руль. Завел двигатель, пристегнулся и бросил быстрый взгляд в сторону Дуга.

– О тебе я был лучшего мнения. Надеюсь, теперь ты счастлив.

– Я с тобой! – успел крикнуть Дуг, но фургон уже развернулся и покатил вперед. Кто-то из толпы швырнул ему вслед камень, который угодил в заднее крыло и отлетел в сторону. Машина проехала по улице, свернула за угол и исчезла из поля зрения.

Дуг взглянул на опустевший запертый магазинчик. В зеркальном стекле отражалась стоящая сзади толпа. Он увидел гримасы, которые еще никогда не видал на лицах своих знакомых.

Он увидел людей, которых вообще не хотел знать.

Дуг обернулся.

– Так ты говоришь, с ним? – угрожающе произнес какой-то мужчина.

Дуг ткнул в его сторону сжатый кулак с выставленным средним пальцем.

– Да пошел ты!.. – в сердцах бросил он и медленно двинулся к своей машине.

35

Трития лежала в темноте с открытыми глазами и думала, что надо сходить в туалет, но боялась вылезти из постели. Она чувствовала, что почтальон где-то поблизости. Чуть раньше она услышала негромкий урчащий звук автомобильного двигателя. Звук приблизился, оборвался, и наступила полная тишина. Конечно, было бы разумнее разбудить Дуга, но после сегодняшнего потрясения он так долго не мог заснуть, что будить его просто жалко.

Наверху то и дело поскрипывала кровать – Билли вертелся во сне. В последнее время, точнее, с того момента, когда они оставили его дома одного и уехали за продуктами, он стал таким дерганым, что Триш всерьез начала беспокоиться за его нервную систему. Мальчика явно что-то тревожило, но он опять наотрез отказался обсуждать с кем-либо свое состояние. Триш старалась проявлять максимум терпения и заботы, но отсутствие душевного контакта с собственным сыном приводило ее в отчаянье.

Тяжесть внизу живота нарастала. Все-таки придется вставать. Ничего не поделаешь. Надо только решить – будить Дуга или не стоит. Муж дышал тяжело и прерывисто, временами всхрапывая. Триш почему-то вспомнила медицинский термин «апноэ», обозначающий остановку дыхания во сне, когда мозг как бы забывает поддерживать функциональную деятельность организма спящего человека и сердце останавливается.

«Прекрати заниматься ерундой, – одернула она себя. – Ты становишься психопаткой».

Мочевой пузырь все настойчивее требовал облегчения. С невероятной четкостью Триш вспомнила кошмар, который приснился ей прошлой ночью. Ей приснилось, что она пошла принимать ванну. Но как только опустилась в приятно расслабляющую горячую воду и вдохнула ароматный запах пены, почувствовала под собой тело почтальона. Из пены выпросталась его бледная рука и плотно закрыла ей рот. В тот же миг сзади в нее вошел его огромный горячий член.

Триш повернулась на бок и осторожно потрогала мужа.

– Дуг! – тихонько позвала она.

– Что такое? – мгновенно дернулся он и поднял голову от подушки, готовый защищаться.

– Я боюсь идти одна в туалет, – извиняющимся тоном проговорила Триш. – Ты не мог бы меня проводить?

Дуг молча кивнул. Даже в темноте Триш различила темные круги у него под глазами. Он встал, натянул халат, и они пошли рука об руку.

Из кухни доносилось тихое урчание холодильника. Триш протянула руку за угол, нащупала выключатель и зажгла свет в ванной.

На мягкой крышке унитаза лежал белый прямоугольный конверт.

– О, это я забыл, – быстро произнес Дуг и сунул конверт в карман халата. Но Трития поняла, что он видит этот конверт первый раз в жизни. Ее охватил ужас. Вечером она ходила в ванную последней и никаких конвертов не заметила.

Он был в доме.

– Проверить Билли! – бросила Триш и в панике ринулась обратно в гостиную. Горло перехватило от страха, мысленно она уже видела пустую постель сына, скомканные простыни, а на подушке – конверт с требованием выкупа... или что-нибудь гораздо хуже.

Билли тоже славный... Билли тоже славный...

Как сумасшедшие, они взлетели по лестнице.

Билли крепко спал на своей кровати.

Триш никогда толком не могла понять, что такое вздох облегчения, хотя неоднократно встречала это выражение в художественной литературе. Но сейчас она испустила именно вздох облегчения – выпустила воздух из легких, потому что забыла дышать, приготовившись к самому худшему. Она взглянула на мужа, и оба принялись молча обыскивать мансардное помещение – удостовериться, что почтальон не укрылся где-нибудь наверху. Наверху никого не было.

Потом они обыскали весь дом, тщательнейшим образом проверили все шкафы, буфеты, заглядывали под диваны... Дуг осмотрел запоры на окнах, замки на дверях, но все было в порядке. И только убедившись, что никого нигде нет, они направились туда, куда собирались с самого начала.

Дуг успокаивающе положил руку на плечо Триш.

– Что с тобой происходит, черт побери? – неожиданно резко воскликнула жена, сбрасывая его ладонь.

– Ты о чем? – от удивления Дуг сделал шаг назад.

– Я спрашиваю – что с тобой творится?

Ты прожужжал всем уши насчет того, чтобы делать заявления в полицию, требовать, чтобы они приняли какие-то меры, а когда дело касается нашего собственного дома, когда этот мерзавец является среди ночи и бросает тут всякие конверты на унитазах, ты делаешь вид, что это твой конверт и все в порядке!

– Я не делаю вид, что все в порядке.

– А что ты в таком случае делаешь?

– Я просто не хотел, чтобы ты испугалась.

– Не хотел, чтобы я испугалась? Ах, ты боялся меня напутать! А о нашем сыне ты не подумал?! А что, если почтальон тогда был еще в доме? Он же запросто мог нас поубивать!

– Ну ладно, я не подумал, извини.

– Нет, не извиню. Ты поставил под угрозу всех нас. Боялся меня напутать? Я и так уже напутана дальше некуда! Я все лето дрожу, как овца! Но я вовсе не беспомощная дуручка, которую надо ограждать от любых неприятностей. Черт побери, я имею право как минимум требовать, чтобы ты обращался со мной как со взрослым человеком, а не ребенком!

– Билли разбудишь, – попытался утихомирить ее Дуг.

– Этот почтальон уже влез к нам в дом, – взвилась Триш, – а ты хочешь, чтобы я говорила шепотом?!

– Мы не знаем, влез он или не влез. Двери заперты, окна закрыты...

Триш хлопнула дверью ванной, едва не прищемив ему нос. Не на шутку разозлившись, Дуг подумал, что лучше всего немедленно вернуться в спальню, забраться под одеяло и оставить жену тут, в сортире. Это будет ей хорошим уроком. Но на самом деле испугался он

гораздо больше, чем разозлился. Триш права. Над ними нависла серьезная угроза. Почтальон проникнул в святая святых, туда, где они всегда чувствовали себя в безопасности, вторгся в их крепость, воздвигнутую для защиты от окружающего мира. Поэтому он остался на месте и прислушивался к звукам, доносящимся из ванной, очень надеясь, что не услышит ничего постороннего.

Зашумела спускаемая вода, и через секунду появилась Триш.

– Дай-ка мне письмо, – проговорила она. – Хочу посмотреть.

– Может, лучше его не трогать, – предложил Дуг, доставая конверт из кармана. – Мы могли бы использовать его в качестве доказательства...

Трития надорвала конверт. Письмо было адресовано ей, а внутри на белом листке бумаги витиеватым женским почерком было написано одно-единственное слово:

ПРИВЕТ

Трития начала рвать бумагу в мелкие клочья.

– Эй! – воскликнул Дуг. – Зачем ты? Нам нужно...

– Что нам нужно? – перебила его жена. – Это? – Она продолжила измельчать послание. – Ты что, не понимаешь, как он действует? Еще не дошло? Неужели ты настолько туп?

Его невозможно поймать. Его невозможно схватить за руку. Ну придет полиция, обнаружит, что нет ни отпечатков пальцев, ни признаков проникновения в дом, ничего. Ни единого доказательства. Ничего, за что они могли бы ухватиться.

Дуг молча смотрел на жену.

– Он прекрасно знает, что делает, и он не допустит ни единой ошибки, которая позволила бы его уличить. Даже это несчастное письмо ни о чем не говорит, если на нем нет его отпечатков пальцев или если мы не сможем доказать, что он сам написал его.

Она была права, Дуг прекрасно понимал это, и его охватила бессильная ярость. Трития между тем продолжала терзать бумагу, ее пальцы так и мелькали. Из-под полуприкрытых век выскальзывали слезинки и тихо скатывались по щекам. Он потянулся, чтобы взять ее за руки, но жена отшатнулась.

– Не прикасайся ко мне.

Тем не менее, он завел ей руки за спину и прижал к груди. Триш передернуло.

– Не прикасайся ко мне!

Но сопротивляться она постепенно перестала, ослабла и наконец зашла в рыдания у него на плече.

* * *

На часах не было еще восьми, но Дуг знал, что почта открыта. Если почтальон закончил свое ночное турне, он должен быть на рабочем месте.

«Бронко» миновал кольцо "К", миновал здание банка, ясли. Вчера ночью, вернувшись в постель, они долго не могли заснуть, все говорили и говорили, шепотом обсуждая свои страхи и чувства, свои мысли и предположения. Ничего в результате не изменилось, ничего не было решено, но оба почувствовали себя гораздо лучше, спокойнее, безопаснее.

Тем не менее, ярость Дуга не уменьшилась ни на йоту. С рассветом он встал, принял душ и крепко наказал Триш сидеть дома, никуда не выходить и следить за Билли. Он хотел сразиться с почтальоном лицом к лицу, пока у него достаточно злости для того, чтобы не бояться.

Жена это почувствовала, поняла и спорить не стала. Просто кивнула и напомнила, чтобы был осторожней.

Дуг въехал на стоянку перед зданием почты и припарковался рядом с красной машиной почтальона. Выйдя на улицу, он направился к двустворчатым стеклянным дверям. Почтальон выбрал их своими жертвами – его, Триш и Билли, – но Дуг не мог понять почему и за что.

Все остальное имело хоть какой-то, пусть и извращенный, смысл. Ронда и Берни были убиты, поскольку являлись соперниками Джона Смита. Стокли отправился на тот свет, чтобы заткнулся. Собаки дошли просто потому, что, как всем известно, почтальоны ненавидят собак. Но постоянные домогательства по отношению к школьному учителю, его семье и их друзьям не

имели никакого логического объяснения. Да, разумеется, других жителей города тоже третировали, но не столь тонко и целенаправленно. Дуг понимал, что происходит, и почтальон понимал, что он это понимает, поэтому и измывался. Ужас нарастал постепенно, он охватывал всю их семью концентрическими кругами, которые неумолимо сжимались.

Дверь оказалась открыта. Дуг вошел внутрь.

Утренняя прохлада даже не коснулась атмосферы в помещении почты. Температура застоявшегося влажного и душного воздуха достигала, наверное, градусов тридцати пяти. Дуг направился напрямик к приемному окошку, стараясь не смотреть на развешанные по стенам отвратительные плакаты. Пол под ногами казался сырым и липким.

Из служебного помещения показался почтальон. Как всегда, с улыбкой на губах, как всегда, в форме с иголки.

– Чем могу вам помочь, мистер Элбин?

Как всегда, ровный, пластиковый голос.

– Хватит придуливаться, – рявкнул Дуг. – Вы прекрасно знаете, почему я пришел.

– И почему же? – улыбка почтальона стала шире.

– Да потому, – Дуг подался грудью на перегородку, – что вы постоянно угрожаете моей семье. Потому что вы вторглись в мой дом и оставили нам записку.

– Какого рода записку?

– Вы прекрасно знаете какую, черт подери!

Записку, в которой было написано «привет».

– Да, это серьезная угроза, – хохотнул почтальон.

– Хватит кривляться! – грохнул кулаком по прилавку Дуг. – Мы тут вдвоем, никого больше нет, и мы оба знаем, что вы вчера ночью проникли в мой дом.

– Я не делал ничего подобного. Весь вечер я провел дома, с мистером Кроуэллом. – На лице почтальона появилось выражение оскорбленной невинности, он явно утрировал.

– И где же мистер Кроуэлл?

– К сожалению, он сегодня болен, – ослабил почтальон.

– Я требую, чтобы вы прекратили это.

– Что именно?

– Все. И убирайтесь к чертовой матери из Виллиса, иначе я заставлю вас, клянусь Богом!

Почтальон опять рассмеялся. На этот раз под фальшивой вежливостью проскользнула резкость. Его глаза, мертвенно голубые, жесткие, сверлили Дуга. В голосе, когда он заговорил, уже не было обычной расчетливой вкрадчивости.

– Вы не можете заставить меня сделать что-либо.

От этого тона кровь застыла в жилах.

Дуг сделал шаг назад. Он понял, что видит истинное лицо Джона Смита, и с трудом подавил желание броситься прочь. Сам факт, что ему удалось вынудить почтальона сбросить привычную маску, напугал Дуга гораздо больше, чем можно было предположить. Не следовало заявляться сюда одному. Надо было пригласить Майка Трентона или Тима. Но он не мог позволить почтальону почувствовать свой страх. И Дуг взял себя в руки.

– Почему вы вмешиваетесь в жизнь моей семьи? Почему вы вообще выбрали меня? – Ему удалось произнести эти фразы твердо, уверенно.

– Вы знаете, почему, – ответил почтальон.

– Я ничего не знаю.

– Потому что вы подаете жалобы.

– Многие люди жалуются.

– Потому что мне так нравится. – Жестокость этого признания и столь явное отсутствие мотивировки моментально убедили Дуга. Он пристально взглянул в холодные голубые глаза и не увидел в них ничего. Ни страсти, ни эмоций, ничего. Зло не знает ненависти. Зло существует само по себе.

Почтальон понимающе улыбнулся.

– Как поживает твоя женушка, муженек? – Грязный сексуальный намек прозвучал в его интонации вполне отчетливо.

– Мерзавец! – Дуг выбросил вперед сжатый кулак, но почтальон успел увернуться.

Потеряв равновесие, Дуг навалился грудью на прилавок.

Почтальон опять хохотнул, потом, натянув на лицо знакомую маску кротости, произнес:

– Прошу прощения, мистер Элбин, но почта еще закрыта. Впрочем, если вы желаете купить марок или еще что...

– Я желаю, чтобы вы оставили нас в покое, – выпрямился в полный рост Дуг.

– Моя работа – доставлять почту, и я буду исполнять свои обязанности по мере моих сил и способностей.

– Зачем? Все равно эти письма никто не читает.

– Все читают адресованную им корреспонденцию.

– Я – нет. Я давным-давно прекратил это делать.

Почтальон уставился на него и даже несколько раз моргнул.

– Вы должны читать адресованные вам письма.

– Я никому ничего не должен. Всю свою почту я прямиком отправляю из почтового ящика в мусорное ведро.

Дуг впервые видел, что почтальон не находит слов. Он явно растерялся. Встряхнув головой, словно не понимая, что сказал Дуг, он повторил:

– Но вы должны читать адресованные вам письма.

Дуг улыбнулся, почувствовав, что нащупал уязвимое место.

– Я не читаю приходящих мне писем. Моя жена не читает приходящие ей письма. Мы попросту в них не заглядываем. Мы не смотрим, от кого они, кому они адресованы. Мы просто их выбрасываем. Так что лучше вам не стараться и оставить нас в покое.

– Но вы должны читать адресованные вам письма.

Из служебного помещения показалась Жизель.

– Лучше оставьте нас в покое, – Дуг повернулся к почтальону спиной и, стараясь не торопиться, двинулся к выходу. Но уже рядом с машиной его начала колотить крупная дрожь.

Ему показалось, что почтальон что-то произнес ему вслед, но он ничего не расслышал, да и не очень-то этого хотел.

36

Дуг гнал машину сквозь ночь. Он был без рубашки, в джинсах и теннисных туфлях. Он ездил по этой дороге тысячу раз, но сегодня ему казалось, что «бронко» ползет с черепашьей скоростью. Он из последних сил стиснул баранку, злясь на машину и на себя. На крутом повороте он чудом не врезался в дерево и задел рукой сигнал. Пришлось ударить по тормозам. Передние колеса подпрыгнули, ударившись о полосу асфальта, на которую автомобиль выскочил с проселочной дороги, и Дуг снова вдавил в пол педаль газа.

Он думал, что большего страха, чем тот, который он испытал недавно, уже не бывает. Что все глубины ужаса уже исчерпаны. Но когда сегодня ночью его вырвал из сна телефонный звонок и в трубке раздался панический вопль Хоби, который кричал что-то насчет крови и девицы, а его слова заглушали вой полицейских сирен и треск раций. Дуг понял, что у страха не существует пределов. Страх оказался бездонным, и он погружался в эту пучину все глубже и глубже.

Красно-синие пульсирующие огни патрульных машин Дуг увидел издалека. Полиция и карета «скорой помощи» стояли рядом с трейлером Хоби. Пришлось остановиться напротив соседнего дома. Хлопнув дверцей, Дуг рысью помчался по разбитому тротуару. Небольшая группа мужчин и женщин в ночных халатах толпилась у желтой ленты, которая по периметру опоясывала участок территории вокруг жилища Хоби.

– Эй! – окликнул его полисмен. – Куда это вы направились?

– Мне надо увидеть Хоби, – ответил Дуг.

– Прошу прощения, но заходить за ограничительную ленту нельзя, – заметил полицейский, загораживая ему дорогу.

– Я звонил ему! – крикнул Хоби с порога. – Черт побери, да пропустите же его!

Дуг бросил взгляд на своего приятеля. Дико выпученные глаза, слипшиеся короткие волосы торчат во все стороны. Хоби был в шортах и короткой майке. Дуг с ужасом заметил, что

и то, и другое заляпано кровью.

– Пропусти его! – приказал Тим Хиббард, появляясь из-за спины Хоби. Полисмен поднял ленту. Дуг нырнул под нее и поспешил прямо к дому. У стены стояло несколько запечатанных пластиковых контейнеров и коробок с надписями «Полиция Виллиса». Из трейлера слышались шипение и треск полицейских раций, попискивание электронных приборов и грубые голоса, полные испуга и отвращения.

– Я не делал этого, Дуг! – Голос Хоби звучал испуганно. – Я не знаю...

– Не говори ни слова без адвоката, – оборвал его Дуг, подойдя к двери.

– Я не делал...

– Я сказал – ни слова! – Дуг успокаивающим жестом положил руку ему на плечо, надеясь, что ведет себя спокойнее, чем чувствует.

Здесь произошло нечто худшее, чем кошмар.

Нечто такое, что превратило Хоби в жалкое, дрожащее, насмерть перепуганное существо. В голове промелькнула трусливая эгоистичная мыслишка: лучше бы никогда не знать Хоби, тогда можно было бы сейчас спать спокойно, подобно сотням других жителей Виллиса, абсолютно ни о чем не подозревающих и не имеющих ни малейшего отношения к происшествию. Но одного взгляда на отчаянное лицо друга, умоляющего о помощи, хватило, чтобы устыдиться подобной мысли.

– Что тут произошло? – обратился Дуг к ближайшему полисмену, усатому мужчине средних лет Он встречал его в полицейском участке, но не знал по имени.

Полисмен покосился на Дуга с плохо скрываемым презрением.

– Вы хотите знать, что произошло? Действительно хотите увидеть, что натворил ваш приятель? Пройдемте в спальню.

– Я этого не делал! – опять выкрикнул Хоби. – Клянусь, я...

– Замолчи, – повторил Дуг. – Не говори ни слова. – Он проследовал за усатым в глубину фургона. В спальне несколько полицейских осматривали стенной шкаф.

Прежде всего в ноздри ударил запах. Густое сладковатое зловоние, от которого в желудке образовался тяжелый комок и тошнота подступила к горлу.

Кровь.

– О Боже, – выдохнул Дуг. – О Господи!

На кровати ничком лежала обнаженная молодая девушка. В затылке у нее была пробита огромная дыра, сквозь которую виднелось бледно-розовое мозговое вещество, напоминающее клубок червей. Вся спина была исполосована ножами, а кожа с ягодиц содрана целиком. Поток крови, вытекшей из промежности, залило половину простыни.

Дуг поднял голову, не в силах наблюдать это зрелище. На стенке фургона он обнаружил фотографии молодых голых девок. Несколько десятков. Все – искалеченные, изуродованные, со следами извращенных сексуальных действий. Рядом с каждой можно было увидеть ножи, идентичные тем, что лежали здесь, на кровати.

– Я не делал этого! – настаивал на своем Хоби. – Клянусь Богом, это не я! Я просто вошел сюда и обнаружил...

Полицейские, которые возились у шкафа, наконец обратили на них внимание. При виде Дуга глаза шефа полиции Кэтфилда стали, как блюдца.

– Ну-ка, гоните его прочь! – рявкнул он.

– Я только хотел показать, что натворил его дружок, – извиняющимся тоном пояснил усатый.

– Мне плевать, чего ты там хотел!

Дуг тем временем уже выскочил на свежий воздух. Казалось, густой запах свежей крови остался на губах и на языке. Некоторое время он постоял согнувшись, упираясь руками в колени, чтобы подавить рвотные позывы, kloкочущие в горле.

– Я этого не делал! Это он! – Хоби схватил Дуга за плечи. Его лицо и руки были покрыты мельчайшими кровавыми брызгами. – Он меня подставил!

– Кто? – быстро отреагировал стоявший неподалеку Тим.

– Почтальон!

– Не говори ни слова без адвоката! – напомнил Дуг. Хоби покорно умолк и отвел взгляд в

сторону.

– Ты вляпался в это дело по самые уши, – заметил усатый полисмен. – Черта с два тебе удастся выкрутиться!

– Это не я!

– Замолчи! – прикрикнул Дуг.

– Ну-ка, угомонитесь все тут! – На пороге трейлера появился Кэтфилд и добавил, обращаясь к Дугу:

– И вообще что вам здесь надо?

– Хоби мне позвонил и попросил приехать, – ответил Дуг, тщетно стараясь избавиться от привкуса крови во рту.

– Вы его адвокат?

– Нет, я его друг.

– И кто вас сюда пустил? Как правило, друзей на место преступления не допускают.

– Хотите, чтобы я ушел? Могу уйти. – Дуг примирительно выставил вперед ладони.

– Нет! – вскрикнул Хоби.

– Я найду тебе адвоката, – пообещал Дуг. – Я достану все, что потребуется. Не волнуйся. Тут от меня все равно мало проку.

– Я этого не делал! – зарыдал Хоби. Слезы стекали по его щекам, смешивались с каплями крови и приобретали розоватый цвет.

– Я знаю, что это не ты. Мы тебя выручим.

– Сильно сомневаюсь, – хмыкнул Кэтфилд.

– Но до тех пор, пока все не выяснится, тебе придется провести несколько дней за решеткой, ничего не поделаешь, – продолжал Дуг. – Хочешь, я кому-нибудь позвоню? Родителям?

– Нет.

– Ну ладно. Обещаю: я сделаю все, что смогу, и утром к тебе приеду. Не волнуйся.

– Джефф! – рявкнул Кэтфилд, обращаясь к усатому полицейскому. – Проводи мистера Элбина на улицу.

– Да, сэр, – кивнул тот.

– Мы тебя выручим, – повторил Дуг.

За желтой лентой толпа громко и оживленно обсуждала случившееся. Какая-то коренастая некрасивая женщина с крупными бигуди в волосах настойчиво повторяла, что давным-давно считала учителя автодела практикующим сатанистом.

Дуг медленно шел к машине. Ему хотелось бежать, тело буквально гудело от выброса адреналина, но он заставил себя идти спокойно, чтобы укротить бушующие эмоции. Впереди – много дел. Надо найти адвоката, хорошего адвоката, выяснить, какие права у Хоби, что можно для него сделать, узнать, будут ли его держать под стражей в Виллисе, отправят в окружную тюрьму или во Флоренс – тюрьму штата. Но все это – только утром.

На обратном пути Дуг подумал, что в общем-то ничем не помог своему другу, разве что убедил его хранить молчание до получения юридических консультаций. Больше всего Дугу хотелось, конечно, прижать к ногтю почтальона, доказать, что именно он совершил убийство. Но это, судя по всему, практически невозможно.

Свидетелей нет, а против Хоби слишком много улик, чтобы ему кто-нибудь поверил.

Он свернул за угол и увидел в конце улицы красную машину почтальона. Из открытого окна высунулась бледная рука и вложила в почтовый ящик стопку писем. Затем она поднялась и медленно, как бы лениво качнулась из стороны в сторону.

Дуг крутанул баранку и поехал домой.

37

Ярд Стивенс, адвокат, которого Дуг нанял для Хоби, на старости лет переселился в Аризону с крайнего Юга и сохранил многие привычки южанина, джентльмена старой закваски. Он жил и работал в Фениксе, а в Виллис приезжал на лето, спасаясь от городской жары. Он брался за самые сенсационные дела, связанные с убийствами, и нередко выигрывал процессы.

Когда Дуг обрисовал ему случай Хоби, он немедленно согласился заняться им, хотя это и означало, что летний отдых придется прервать. Правда, Стивенс брал астрономические гонорары, но представитель отдела школьного образования заверил Дуга, что страховки Хоби с избытком покроют такие расходы.

– Знаете ли, – заговорил Стивенс, подруливая к зданию полицейского участка на своем огромном белом «линкольне», – у меня самого этим летом возникли проблемы с почтой. Я даже несколько раз пытался побеседовать об этом с почтмейстером, но каждый раз, когда я звонил, его не оказывалось на месте.

Дуг колебался, стоит посвящать Стивенса в создавшуюся ситуацию, и в конце концов решил, что лучше этого не делать. По крайней мере пока. Иначе адвокат сочтет их с Хоби сумасшедшими. Если в процессе работы он сам догадается, что происходит, значит, они приобретут еще одного союзника. Если же нет, подкинуть детали всегда успеется.

– У меня тоже, – коротко кивнул он.

– Если это стало проблемой городского масштаба, – продолжил Стивенс, – мы повернем ее в свою пользу.

– Попробуем, – улыбнулся Дуг.

– Вы считаете своего друга виновным? – спросил адвокат, посмотрев на Дуга. – Скажите правду. Я спрашиваю как адвокат, можете быть уверены – это останется между нами.

– Он невиновен, – ответил Дуг, несколько удивленный прямотой постановки вопроса.

– Это я и хотел услышать.

– А вы как считаете?

Стивенс рассмеялся негромким, бархатистым смехом.

– Я принимаю решение после разговора с клиентом.

В полицейском участке их обыскали и проводили в комнату, где стояли стол и три простых стула. Мебель была привинчена к полу. Тут же привели Хоби в наручниках. Пока охранник не вышел и не закрыл за собою дверь, он молчал.

Выглядел он сегодня еще хуже, чем ночью.

Взгляд был просто безумным. Дуг ощутил сосущую боль в желудке. Он очень надеялся, что Хоби сумеет произвести на юриста благоприятное впечатление.

– Ну привет, – заговорил Дуг. – Теперь можно говорить.

Хоби нервно огляделся по сторонам, заглянул под стол, проверил под стульями, словно выискивал подслушивающие устройства. При других обстоятельствах паранойя Хоби могла бы показаться смешной. Но теперь было не до смеха.

– Здесь нет никаких «жучков», – успокоил его Дуг. – У нашей полиции на них не хватает денег.

– А кроме того, – добавил Стивенс, – сведения, полученные подобным образом, не являются доказательствами и не могут быть предъявлены в суде.

– Это твой адвокат, – представил его Дуг. – Ярд Стивенс.

– Как вы себя чувствуете? – вежливо произнес Стивенс, протягивая пухлую розовую ладонь.

– А вы как думаете? Я сижу за убийство.

– Вы его совершили?

– Нет, черт подери!

Дуг ощутил некоторое облегчение. Хоби выглядел, конечно, ужасно, но неадекватность поведения и признаки разложения личности, появившиеся за последние недели, явно пошли на убыль. Он стал похож на себя прежнего – грубого и гораздо более уверенного.

– Дуг, – заговорил Стивенс. – Я хотел бы побеседовать с моим клиентом наедине. В суде мне могут понадобиться ваши свидетельские показания, а доступ к информации закрытого характера сделает их недействительными.

– Хорошо, – кивнул Дуг. – Я подожду на улице.

– Замечательно.

– Спасибо, – сказал Хоби.

– Я к тебе зайду, – пообещал Дуг, постучал в запертую дверь и, когда охранник открыл ее, вышел из комнаты. Он направился к выходу, но услышал знакомый голос:

– Мистер Элбин! Можно вас на минуточку?

В дверях одного их кабинетов стоял Майк Трентон.

– Кажется, мы договаривались – ты, зовешь меня по имени.

– Хорошо, Дуг.

Дуг оказался в маленькой комнате, большую часть которой занимал длинный стол. Вдоль стен от пола до потолка тянулись стеллажи с книгами и папками.

– Раньше здесь была наша библиотека, – пояснил Майк, заметив взгляд Дуга. – Впрочем, она таковой и осталась, но теперь это еще и мой кабинет.

– О чем ты хотел поговорить?

– О мистере Бичеме.

– Думал, тебя отстранили от дела почтальона.

– У нас небольшое отделение, – пожал плечами Майк. – Дел – выше крыши. Людей не хватает. А кроме того, это не «дело почтальона».

– И оно тоже, сам знаешь, – Я просто хотел задать вам несколько вопросов относительно мистера Бичема.

– Брось, Майк! Ты сам знаешь, что он не убивал эту несчастную девку.

– Ничего такого я не знаю. Мне бы очень хотелось помочь вам, действительно, но дело в том, что мы обнаружили отпечатки пальцев мистера Бичема – кровавые отпечатки, я бы уточнил, – и на орудии убийства, и повсюду в комнате. А если вспомнить о фотографиях на стене... – Майк покачал головой. – Они, конечно, ничего напрямую не доказывают, но являются неопровержимым свидетельством больного сознания...

– Эти фотографии прислал ему брат.

– Его брат мертв!

– Да что с тобой, Майк? Что произошло?

Неделю назад ты смотрел на вещи объективно, а сейчас просто... – Дуг замялся, подыскивая слово.

– Просто смотрю в лицо фактам, – подхватил фразу Майк.

– Прячешься, – не согласился Дуг. – Хватаешься за любой факт, который укладывается в вашу полицейскую логику, который легко определить, каталогизировать, подшить в дело, сунуть на полку и забыть. Я знаю, тебя тоже напугали. Черт побери, мы все перепуганы. Но тебе нужны доказательства, а ты не хочешь искать их. Тебе хочется думать, что мы все с ума посходили, что на самом деле ничего не происходит, что жизнь идет своим чередом и все нормально. Но в том то и дело, что это все ненормально. Люди гибнут, Майк! Ты можешь это не признавать, но об этом все знают. Я знаю, ты знаешь, все в городе прекрасно знают. Люди : гибнут из-за этого чертового почтальона! Можешь считать это действием сверхъестественных сил, можешь считать чем угодно, но это реальность, это происходит у нас на глазах!

– На орудии убийства – отпечатки пальцев мистера Бичема, – устало повторил полисмен.

– Давай говорить серьезно, Майк. Давай говорить на равных. Не надо мне забивать мозги официальной чепухой. Давай говорить честно.

– Это абсолютно ясное дело...

– Да перестань ты! Я же тебе не враг, Майк!

Если бы мы чуть больше времени поработали вместе и чуть меньше времени потратили, разыгрывая из себя нетронутых девственниц, мы бы давно достигли гораздо большего!

– Вы всегда умели красиво говорить, – слегка улыбнулся Майк. – Поэтому вы были моим любимым учителем.

– Я не зря тебе это говорю!

– А по-моему, зря. У нас есть доказательства, мистер Элбин. Отпечатки пальцев на орудии убийства. У мистера Бичема под ногтями кровь, кровь на одежде, на волосах, на лице.

– Ну что ж, – вздохнул Дуг, направляясь к выходу. – Играй в свои игры, прячь голову в песок. Но следующий случай, – он ткнул указательным пальцем в сторону полисмена, – будет на твоей совести. У тебя есть возможность его предупредить. Ты хотел поговорить со мной о Хоби? Выпиши себе повестку в суд.

Хлопнув дверью, он широкими шагами миновал холл, вышел на улицу и несколько раз вздохнул полной грудью, стараясь успокоиться.

Чистый, свежий и теплый утренний воздух наполнил легкие, напомнив о более счастливых, совсем непохожих на это лето временах. Обводя взглядом небольшую автостоянку, он заметил на столбе при выезде на шоссе блестящий металлический почтовый ящик. Солнце отражалось на его изогнутой крышке.

Он возненавидел эти алюминиевые куски дерьма.

И решил подождать Стивенса у машины.

38

– Откройте! Откройте же, черт побери! – вопила Триш на крыльце дома Айрин, поочередно то колотя в дверь кулаками, то давя на кнопку звонка. Триш не сомневалась, что подруга дома. И машина стояла на дорожке, и внутри, за тюлевыми занавесками, она заметила какое-то движение. Айрин просто не хотела с ней разговаривать.

Прохладная погода, которая стояла последние дни, закончилась. Горячее послеполуденное солнце нещадно палило спину. Триш взмокла, хотелось пить. Последняя мысль заставила ее переменить тактику.

– Да откройте же хотя бы на минутку! – прокричала она в замочную скважину. – Мне надо всего-то стакан чаю со льдом! И все, больше вы меня не увидите!

Она уже собиралась начать новую массированную атаку на дверь, когда услышала лязганье металлической цепи засова. Спустя несколько мгновений щелкнул замок, ручка повернулась и дверь медленно приоткрылась.

Трития едва узнала свою приятельницу. С тех пор, как они виделись в последний раз, Айрин словно стала ниже на несколько дюймов и потеряла как минимум десять-двенадцать фунтов. Она никогда не была крупной женщиной, но сейчас стала просто маленькой, ссохшейся старухой. Ее тонкие, жесткие волосы давно не видели расчески и торчали во все стороны клочьями. Лицо превратилось в застывшую испуганную маску. Одета Айрин была в некое подобие пижамы.

– Я же просила тебя никому не говорить, – укоризненно произнесла она.

– Прошу прощения, – повинилась Триш. – Но я беспокоилась. Я понимаю, что происходит, и хотела помочь...

– А сделала еще хуже. – Старушка вдруг дернулась, испуганно вскрикнув, и быстро оглянулась, словно почувствовала что-то у себя за спиной. Но у нее за спиной никого не было.

Айрин бросила затравленный взгляд на Триш и произнесла:

– Оставь меня в покое. Очень прошу.

– Я же ваш друг, – не сдавалась Триш. – Я беспокоюсь!

Айрин прикрыла глаза и вздохнула. Потом шагнула в сторону и отворила дверь.

Дом был перевернут вверх дном. Все дверцы шкафов распахнуты, содержимое свалено в кучу посреди комнаты, на богатом восточном ковре. Пол кухни был усеян битой посудой.

Айрин, с ввалившимися щеками и запавшими бегающими глазками, торопливо отошла от двери, нервно сжимая и разжимая руки.

Глядя на испуганную жалкую старушку, в которую превратилась Айрин, Триш почувствовала, как сжалось сердце. Еще месяц назад она даже представить себе не могла, что такое может случиться. Она считала, что смерть, и только смерть одолеет Айрин, да и то эта женщина наверняка будет пинаться и кусаться до последнего. Но, судя по всему, почтальону это тоже оказалось вполне по силам.

– Айрин, что случилось? – негромко спросила она.

При звуке ее голоса женщина побледнела и даже пригнулась, словно ожидая удара. Потом внезапно наклонила голову, словно прислушиваясь к каким-то звукам, опустилась на колени и поправила один из лежащих на полу ящиков, забросив в него несколько безделушек, во множестве раскиданных по ковру.

– Айрин! – мягко повторила Триш, опускаясь рядом.

Айрин перестала собирать вещи. По ее щекам потекли слезы. Она зарыдала. Голос стал тоненьким, дрожащим, совсем не похожим на тот, к которому привыкла Триш.

Триш чуть подвинулась и обняла подругу обеими руками. Сначала та напряглась, словно

собираясь отражать нападение, но постепенно мышцы расслабились. Айрин обмякла. Рыдания продолжались. Поток слез казался бесконечным. Триш терпеливо обнимала ее и нашептывала в ухо какие-то успокаивающие слова.

Наконец слезы кончились. Айрин отстранилась и вытерла глаза.

– Пойдем! – сказала она, вставая.

– В чем дело?

– Пойдем.

Айрин направилась в кабинет своего покойного мужа. Триш последовала за ней. Пока хозяйка открывала дверь, Триш старалась отогнать от себя воспоминание об увиденном отрубленном пальце, упакованном в коробку. Из-за плеча Айрин она заглянула в комнату. В кабинете было множество коробок различных форм и размеров. Видимо, их попросту швыряли в комнату и они оставались лежать как попало – на боку, вверх ногами... Каждая коробка была обернута в плотную коричневую бумагу.

Триш вошла в комнату.

– Не трогай их! – вскрикнула Айрин.

От неожиданности Триш подпрыгнула и резко обернулась. Она и не собиралась ничего трогать.

– Что там? – спросила она, заранее зная ответ.

– Джаспер.

– Ваш муж?

– Части его тела.

Трития почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. Она попятилась.

– Но ведь коробки не вскрыты, – проговорила она, немного придя в себя. – Может, вы ошибаетесь?

– Мне и не надо их открывать. – Айрин показала на квадратную коробку, достаточно большую, чтобы в ней поместилась стопка крупноформатных книг. – Думаю, здесь его голова.

Трития закрыла дверь кабинета, увлекая за собой подругу.

– Вам нельзя оставаться здесь. Может, переедете к нам?

– Нет! – Оказывается, в голосе пожилой женщины еще сохранились прежние решительные нотки.

– По крайней мере, сообщите в полицию.

Пусть они заберут отсюда эти коробки. Так же нельзя жить!

Айрин помрачнела.

– Извини, но чая у меня нет. Тебе пора уходить. – Неожиданно она вскрикнула и стала пристально разглядывать пол, на котором, разумеется, ничего не было.

– Прошу вас! – умоляюще повторила Триш.

– Это мой дом. Я хочу, чтобы ты ушла.

– Я ваш друг.

– Ты была моим другом.

– Я позвоню в полицию и расскажу все, что видела.

– Поступай как знаешь.

Трития была готова расплакаться от отчаяния.

– Неужели вы не понимаете, что творится? – закричала она в полный голос. – Неужели вы не понимаете, что делает этот почтальон?

– Я понимаю больше тебя. Пожалуйста, уходи.

Трития позволила выпроводить себя на крыльцо и постояла там некоторое время, слушая, как щелкает замок, лязгают засовы и дверные цепочки. Она опять вспомнила про коробки. Может, почтальон просто пытается напутать Айрин? Может, на самом деле там нет никаких частей человеческого тела?

Но может, и есть.

Что же им предпринять? Нельзя же сидеть сложа руки и ждать, пока все перемрут или сойдут с ума. Надо что-то делать. Но что? От полиции помощи не дождешься. От высших чинов почтового ведомства тоже.

Может, кто-нибудь должен его убить?

Мысль возникла произвольно, но, несмотря на то что Триш пыталась ее прогнать, старалась уговорить себя, что это не правильно, безнравственно и противозаконно, крепко засела в мозгу.

И по мере того, как Триш подъезжала к дому, эта идея казалась ей наиболее удачной.

39

Зазвонил телефон. Дуг моментально проснулся. Протянув руку над спящей Тритией, он схватил трубку посередине второго звонка. Тяжелое предчувствие проснулось одновременно с ним. За то мгновение, пока руку подносила трубку к уху, Дуг успел взглянуть на часы, стоящие на прикроватном столике, смутная полусонная логика подсказала, что надо запомнить время.

Два часа пятнадцать минут.

– Алло? – произнес Дуг устало, уже приготовившись услышать плохие новости. Ведь если тебе звонят в четверть третьего ночи, значит, жди плохих вестей.

– Мистер Элбин! – Дуг узнал Майка Трентона. Горло моментально пересохло. Он с трудом проглотил комок. Интонация полисмена была странной. Не испуганной, но очень тревожной.

– Что случилось? – спросил Дуг.

– Мистер Бичем. Он, это... мертв.

Дуг закрыл глаза и без сил откинулся на подушку.

– Мы обнаружили его на полу камеры, – продолжал Майк. – Голова совершенно разбита, стены и пол залиты кровью. Сейчас трудно сказать, но скорее всего он бился головой об стену, пока не размозжил себе череп. Мы забрали у него одежду и шнурки, когда поместили в камеру. Но он вел себя совершенно спокойно, поэтому мы не подумали о каких-то дополнительных мерах...

Дуг положил трубку. Потом, немного подумав, выдернул телефонный шнур.

– Что такое? – сонно пробормотала Триш.

Дуг промолчал, и через секунду она уже спала.

А ему так и не удалось заснуть до утра.

40

Похороны получились торопливыми и малолюдными. Хоби Бичем не принадлежал к числу самых популярных жителей Виллиса даже в лучшие времена, а довольно успешная попытка почтальона представить учителя автодела кровавым сексуальным маньяком заметно понизила его рейтинг. Стоя рядом с открытой могилой, Дуг подумал: а пришел бы вообще кто-нибудь на похороны, даже если бы убийства не было? Постоянные психические атаки почтальона просто высасывали из людей жизненную энергию. Они стали замкнутыми, подозрительными, злыми. Дуг сомневался, что похороны Боба Ронды собрали бы столько же народу, как тогда, случись его смерть месяцем позже. – Конечно, довольно странно рассматривать похороны как некий конкурс популярности и оценивать жизнь покойного по количеству пришедших на кладбище людей. Но не менее странно, например, и то, что многие оценивают окружающих по количеству социальных связей.

Тем более в таком небольшом городке, как Виллис. Человек может быть богат, знаменит, удачлив во всем, но если он живет в Виллисе, не женат, по пятницам вечерами сидит дома, а не общается с друзьями, это верный признак того, что с ним что-то не в порядке.

С Хоби как раз всегда что-то было не в порядке. Дуг неоднократно обращал на это внимание. Количество друзей, как любил приговаривать Хоби, его не интересовало. Дуг невольно улыбнулся. Хоби был шумным, порой несносным, обожал идти наперекор всему и яростно отстаивал свою независимость. Он всегда оставался самим собой, а если кому-то это не нравилось, это были не его проблемы.

Хоби был и надежным другом, и прекрасным преподавателем. Дуг подумал, что если бы все ученики, которых выучил Хоби, и которые считали его своим другом, вдруг оказались в

городе, на кладбище было бы столпотворение.

Дуг бросил взгляд на Тритию. У них с Хоби никогда не было теплых отношений, но сейчас она плакала, и эти слезы – больше, чем гроб, больше, чем собравшиеся проститься, больше, чем надгробный камень, – заставили его осознать, что друг ушел действительно навсегда.

Он поднял мокрое от слез лицо к небу, пытаясь подумать о, чем-нибудь нейтральном, не связанном со смертью и удержаться от подступающих рыданий.

Билли очень тяжело воспринял известие о смерти Хоби. На этот раз они с Триш посадили его с собой рядом, рассказали, что произошло, и предоставили сыну возможность выбрать – ехать с ними на похороны или нет. Мальчик уже хотел сказать «да», поскольку чувствовал себя обязанным и боялся, что его отказ родители истолкуют как безразличие, хотя на самом деле он переживал глубоко и искренне. Но Триш заверила его, что они совсем не настаивают на его присутствии, что это не обязательно и что Хоби, где бы он сейчас ни находился, обязательно поймет его, и Билли решил остаться дома. Пригласить няню не было никакой возможности, и Дуг с Триш очень волновались, как он останется один, но сын пообещал запереть все двери и окна и сидеть у себя наверху до их возвращения. Дуг сказал, что он может смотреть телевизор внизу, в гостиной, а также сходить на кухню перекусить, но Билли с удивившей их обоих твердостью повторил, что до их возвращения спускаться вниз не намерен.

Утро было хмурым, облачным и вполне соответствовало похоронному настроению. Наступила пора циклонов, отныне до самой осени палящая жара будет чередоваться с холодными дождями. Дуг и еще несколько учителей произнесли над гробом по несколько слов, затем священник начал обряд отпевания. Прежде чем он завершился, с неба упали первые дождевые капли, а к моменту окончания процедуры хлынул настоящий ливень. Никто не захватил с собой зонтиков, поэтому публика рванула по кладбищу к своим машинам.

Дуг вспомнил про автомобили и запчасти, которые остались перед трейлером Хоби. Что теперь с ними будет?

Дуг и Триш покидали кладбище последними. Не обращая внимания на дождь, они медленно шли между могильными плитами. Со стоянки выезжала небольшая кавалькада разномастных автомобилей, среди которых они заметили длинный белый «линкольн» Ярда Стивенса.

Родители Хоби не приехали, хотя Майк сказал, что они были извещены и взяли на себя все расходы по организации похорон. Вполне вероятно, подумал Дуг, что они не простились с сыном из-за очередной выходки почтальона.

Например, он мог послать им сообщение от имени распорядителя похорон, что по каким-либо причинам похороны откладываются на день. В результате они приедут в Виллис завтра и обнаружат, что опоздали – сын похоронен без них, процедура завершена.

– Он убил его, – сказал Дуг. – Он убил его, несомненно. С тем же успехом он мог пустить ему пулю в лоб.

– Конечно, – стиснула его ладонь Триш.

Некоторое время они шли молча, туфли утопали в грязи.

– Давай уедем, – заговорил он снова. – Уедем из этого города к чертовой матери. – Поглядев на нее, Дуг добавил:

– Уедем!

– На время или навсегда?

– Или.

– Не знаю, – задумчиво произнесла жена. – Мне кажется, это не правильно – бросать всех здесь.

– Кого бросать?

– Наших друзей.

– Тех, кто умер, тех, кто сошел с ума, или тех, кто исчез?

– Что с тобой случилось? – удивилась Триш.

– Ничего. Я просто хочу убраться отсюда подальше и вернуться к нормальной жизни.

– А кто же его остановит?

– А кто собирается останавливать его, пока мы торчим здесь? – Дуг яростно взъерошил

волосы пятерней. – Пойми, мы просто не в состоянии его выгнать. Да, у нас с ним пока счет по нулям. Но мы же ни черта не сделали! Возможно, если мы уедем, тут все как-то образуется?

– А кто же будет с ним бороться?

Они уставились друг на друга сквозь тонкую пелену дождя. Потом Дуг перевел глаза на виднеющееся у подножия холма здание почты и обнаружил, что развевающийся на мачте флаг приспущен, словно в насмешку.

– Мы не можем уехать, – твердо заявила Триш. – Мы несем ответственность за то, что здесь происходит.

– Я устал от этой ответственности!

Дождь прекратился внезапно, словно на небесах кто-то перекрыл вентиль. Но лицо Дуга по-прежнему было влажным. Он не сразу понял, что это слезы. Третья нерешительно потянулась к мужу, провела ладонью по щеке, по лбу, по подбородку. Потом завела ему руки за спину, прижимаясь всем телом, обнимая изо всех сил.

Они простояли так очень долго.

* * *

На ужин Триш подала тонкие блинчики из маисовой муки, фаршированные курятиной.

Дуг и Билли обожали это блюдо, и она полдня занималась готовкой. Тем не менее сегодня ни у кого, казалось, не было аппетита. Семейство молча ковырялось в тарелках, и каждый думал о своем.

Посередине ужина снова вырубилось электричество. Триш взяла коробок спичек и зажгла свечи, предусмотрительно положенные на стол.

За последнее время свет уже столько раз выключали, что она завела за правило иметь в каждой комнате фонари, свечи и спички в качестве аварийного источника освещения. Тяжкое испытание научило их прежде всего самодостаточности, тому, что на самом деле они отнюдь не так остро нуждаются в так называемых жизненно необходимых бытовых удобствах.

Триш неоднократно задумывалась, как обходятся без удобств другие жители Виллиса, особенно пожилые люди. Ее семья имела хотя бы одно преимущество – она умела приготовить пищу из всего, что оказывалось под рукой, и за годы семейной жизни благодаря образовательной программе «Новости матери-земли» освоила основные правила ведения абсолютно независимого хозяйства. Но большинству жителей Виллиса приспособиться к подобным условиям наверняка гораздо труднее.

Причина постоянных безобразий была ясна как день. Почтальон хотел сломить сопротивление, дать понять людям, что они ни в чем не могут быть уверены. Все становится зыбко и ненадежно. Покрывало цивилизации, под которым все чувствуют себя в полной безопасности, довольно легко сдвигается. И это занятие явно доставляло почтальону большое удовольствие.

Главное, никто толком не понимал, как ему удастся организовывать перебои с газом, водой, телефоном и электричеством. Они с Дугом до посинения наобщались с представителями этих уважаемых ведомств, но ответы получали исключительно уклончивые и неопределенные.

Все говорили о каких-то штрафах, взысканиях, служебных распоряжениях и согласованиях.

Бумажная волокита, которую очень легко организовать при помощи почты.

По словам городского представителя департамента водоснабжения и электричества, они вообще не были виноваты, потому что снабжение перекрывали из центральной конторы фирмы «Солт Ривер» в Фениксе. В центральной конторе, наоборот, объясняли, что городской департамент перестал оплачивать счета, а посему квоты на поставку энергии и воды исчерпаны. В качестве доказательства предъявлялись счета, полученные по почте.

Тем не менее, городской представитель клялся, что проблема с водой и светом будет решена в самом ближайшем будущем.

Менеджер телефонной компании, тот самый, с которым Дуг общался в первый раз, был еще менее конкретен и не обещал ничего.

По иронии судьбы меньше всего проблем с адаптацией к сложившимся обстоятельствам

испытывали жители пригородных районов, которые жили в более примитивных условиях.

Благодаря собственным колодцам, хранилищам для воды и газовым генераторам им не пришлось отказываться от своих привычек, в то время как остальные питались всухомятку, мылись холодной водой и закупали свечи.

– Надеюсь, это не на всю ночь, – проговорила Триш.

– Вполне возможно, – скептически заметил Дуг, отрезая кусочек блинчика.

Билли уронил вилку. Он почти ничего не ел, в основном бесцельно ковырялся в своей порции.

– Надо доесть обязательно, – наставительно произнесла мать.

– Не могу... – затаил Билли.

В следующую секунду одно из окон разлетелось вдребезги, осколки, несмотря на задернутые шторы, разлетелись по комнате. На пол упал здоровенный булыжник. Еще один тяжело грохнул в наружную стену.

– Негодяй! – заорал кто-то на улице. Голос явно принадлежал не мальчишке, а вполне взрослому мужчине.

Дуг вскочил и ринулся к двери.

– Стой! – завопила мгновенно побледневшая Триш.

Билли тоже перепугался. Впрочем, Дуг сам почувствовал, как тяжело заколотилось сердце.

Тем не менее, он не остановился.

Еще один камень ударил в наружную стену дома.

– Негодяй!

Затем раздался рев двигателя и грохот гравия, летящего из-под колес резко рванувшего с места автомобиля.

Дуг справился с замком и выскочил на крыльцо как раз в тот момент когда хвостовые огни небольшого грузовичка скрылись за деревьями.

Над дорогой еще клубилось облачко пыли.

Он посмотрел под ноги. На крыльце валялась парочка камней размером с мяч для софтбола.

Их бросили с такой силой, что они выбили щепки из деревянной обшивки. Каким образом можно было неслышно подъехать к дому на такое расстояние, чтобы швырять здоровенные камни?

Из притихшего леса, куда уходила дорога, послышались злорадные вопли и ржание, которые затихали по мере удаления машины.

– Что это было? – спросила Триш, выйдя на крыльцо. Она заметно дрожала, обнимая за плечи Билли.

– Не знаю.

– Из-за чего?

– Из-за чего Нельсоны решили, что мы убили их собаку? Почему Тодд решил, что я его преследую? – Дуг посмотрел на сына. – Ты не догадываешься, кто это сделал?

Билли испуганно покачал головой.

– Я так не думаю. Ну ладно. Пойдемте в дом. – Приобняв жену и сына, он вошел с ними в холл, потом тщательно запер дверь. Завтра надо будет найти человека, чтобы починить окно. Он огляделся по сторонам. Пламя свечи поблескивало в осколках стекла, усыпавшего пол, диван и все кресла. Придется переставить мебель на тот случай, если нечто подобное повторится. Совершенно ни к чему подставлять Триш или Билли под камни и битые стекла.

Мышцы никак не могли расслабиться. Конечно, хотелось узнать, кто это сделал, кто был в грузовичке, но Дуг поймал себя на том, что совершенно не держит зла на этих людей. Он уже стал относиться к жителям Виллиса как к жертвам или марионеткам, которыми управляет воля почтальона. Во всем виноват этот тип – от гибели собак и людей до расистских выходок и перебоев с электричеством. Конечно, такие мысли немного тревожили Дуга. Они слишком сильно смахивали на мысли настоящего параноика. Но, как ни парадоксально, он был уверен, что прав. Он не приписывал почтальону могущества, которым тот явно не обладал. Он просто признавал существующую ситуацию. И совершенно не удивился бы, узнав, что почтальон специально организовал все таким образом, чтобы в результате он усомнился в собственном

здоровье.

Дуг несколько раз энергично встряхнул головой. Кажется, он действительно становится параноиком.

Трития уже принялась за уборку посуды.

Они не закончили ужин, но в данный момент никому есть не хотелось. Дуг пошел ей помогать. Даже Билли принес в мойку свою тарелку, хотя в обычные дни сделал бы что-либо по хозяйству только под страхом смерти.

Послышался звук приближающегося автомобиля. Из открытых окон салона неслась громкая музыка. Все трое застыли, напряженно прислушиваясь, не свернет ли она к их дому.

Но машина пронеслась мимо, звук мотора и музыка постепенно затихли вдали. Они молча переглянулись и занялись посудой.

Занавеска на разбитом окне слегка колыхалась от легкого ночного ветерка.

41

После завтрака Дуг сел на телефон и принялся обзванивать всех, кто мог бы отремонтировать окно. Стекла уже привезли, но теперь требовался человек, умеющий их вставлять.

Если был бы жив Хоби, он бы в два счета справился с этим делом, но сам Дуг даже пытаться не стал. Он был полнейшим профаном во всем, что касалось работы руками. Сборка сарая – это одно. К набору деталей прилагалась подробнейшая инструкция. Но окно – совсем другое дело. Дуг позвонил нескольким мастерам, чьи имена нашел в телефонном справочнике, но у одних телефон молчал, а другие попросту отказались. Единственный, кто согласился принять заказ, заявил, что работа будет стоить сто пятьдесят долларов и он сможет приехать через две недели.

Дуг подумал, что лучше забьет к черту этот проем, повесив на его место картину.

Он позвонил еще по нескольким номерам, потом перезвонил тому, с кем разговаривал, но цена уже взлетела до ста семидесяти пяти, словно в наказание за то, что клиент осмелился попробовать подыскать себе что-нибудь подешевле и не согласился сразу.

Дуг повесил трубку и почувствовал на плечах руки Триш. Обернувшись, он увидел, что жена стоит в джинсах и симпатичной кофточке, с сумочкой через плечо.

– Ключи у тебя?

– Ты куда собралась?

– К Айрин. Что-то мне за нее тревожно. Я несколько раз пыталась до нее дозвониться, но там никто не отвечает, а после того, что случилось с Хоби... – У нее перехватило дыхание.

– Я поеду с тобой, – сказал Дуг, доставая из кармана ключи от машины.

– Думаю, лучше мне поехать одной. Айрин сейчас не в том настроении, чтобы принимать гостей. Не уверена, что она и со мной-то захочет общаться. Так что ты оставайся с Билли.

Они переглянулись. Триш увидела тревогу и понимание в глазах мужа.

– На улице становится небезопасно, – проговорил Дуг.

– Понимаю. Я буду осторожна.

– А может, я тебя подвезу и посижу в машине неподалеку? Ты сможешь...

– Нет, – твердо заявила Триш, забирая ключи. – Не волнуйся. Я могу за себя постоять. И вообще я только проверю ее – и сразу назад. Ты даже не заметишь, что меня не было.

– А может позвонить в полицию, пусть они съездят проверить? Скажешь, что Айрин пожилая женщина и ты беспокоишься, не могла ли она, например, поскользнуться и упасть в ванне.

– Нет, – повторила Трития и чмокнула его в щеку. – Я вернусь через двадцать минут.

– У нас бензин на исходе, но тебе хватит туда и обратно, так что на заправку не заезжай. Я сам потом съезжу.

– Хорошо, – кивнула жена.

С тяжелым сердцем он следил, как она выехала на дорогу и покатила по направлению к городу.

* * *

Что-то случилось. Трития почувствовала это, как только вышла из машины. Атмосфера странно и необъяснимо изменилась. Тишина, неподвижный воздух, даже птицы и насекомые смолкли, словно кто-то накрыл невидимым звуконепроницаемым покрывалом все это место.

От самого дома исходило ощущение пустоты и заброшенности, хотя внешне он ничуть не изменился. Триш передернуло. Над домом Айрин нависла смерть. И это также очевидно, как то, что сегодня – вторник. «Нет, это глупости, – одернула себя Триш. – Дурацкие предрассудки». Сделав над собой усилие, она подошла к дому и заглянула в окно. За тюлевыми занавесками не было никаких признаков жизни.

– Айрин! – позвала она и постучала по раме.

Голос прозвучал глухо, как в вату.

По-прежнему никакого движения внутри.

Нет, определенно что-то случилось. Что-то нехорошее. Триш забарабанила громче, одновременно нажимая кнопку звонка.

– Айрин!

Что, если она действительно упала, сломала ногу и не может двигаться? Что, если у нее сердечный приступ или инсульт?

А может, до нее добрался почтальон?

– Айрин!

Дверь была, разумеется, заперта. Встревожившись не на шутку, Трития побежала вокруг дома. Колючки нещадно царапали щиколотки.

Задняя дверь оказалась открытой. Дурной знак.

Айрин всегда запирала обе двери.

Может, он сейчас в доме?

– Айрин!

Дом молчал.

Сердце бешено колотилось у самого горла. Его удары отдавались в висках. В желудке образовался ледяной комок. Надо немедленно бежать прочь отсюда, вызывать полицию и возвращаться с ними. Ни в коем случае нельзя идти туда одной.

Но ноги уже несли ее в кухню, где пол был усеян черепками разбитого фарфора и осколками стеклянной посуды. Триш внимательно смотрела, куда можно наступать. На столе лежала покрытая зеленой плесенью буханка домашнего хлеба.

Цветы на подоконнике дико разрослись, словно предчувствуя скорую гибель от засухи. В кухне пахло пряностями, травами и гнилью.

– Айрин!

Нет ответа.

Триш прошла по коридору в гостиную, обратила внимание на разодранную мягкую антикварную мебель, перевернутый телевизор, свалку на восточном ковре и поняла, что Айрин здесь тоже нет. Потом она вспомнила о коробках в кабинете и подумала, что знает, где может быть подруга.

Но от этой мысли в животе опять все перевернулось.

– Айрин!

Молчание.

Все, надо уходить или по крайней мере найти телефон и вызвать полицию. Но Триш непроизвольно шла все дальше и дальше, проверяя другие помещения. Если Айрин все-таки в кабинете, тогда точно придется вызывать полицию.

Трития опять вышла в холл и заглянула в спальню. Подушки вспороты, пух разлетелся по комнате, но Айрин и здесь нет. В треснутом зеркале увидела свое отражение. Бледное испуганное лицо.

Триш двинулась дальше по дому. К ванной комнате.

Где кафельный пол был усеян клочьями коричневой оберточной бумаги, обрывками веревок и вскрытыми коробками.

Где в ванне лежала Айрин с перерезанными запястьями.

Трития уставилась на подругу. Та явно лежала здесь несколько дней. Тело побелело, слегка распухло, мертвые глаза бессмысленно уставились в потолок высохшими зрачками.

Вода и кровь уже расслоились. Нижняя часть тела была закрыта тяжелым бурым покрывалом.

Вокруг верхней плавали части тела мужа Айрин.

Кисти рук. Руки. Ноги. Голова. Все – белое, обескровленное, промытое водой. Им было тесно в узкой ванне.

А между коленей покойной плавал маленький отрезанный пенис.

Трития хотела отвернуться, но не могла.

Взгляд был прикован к кровавой ванне.

Она не поняла, что кричит, пока не охрипла.

42

Дуг готовил на ленч хот-доги. Намазывая булочки горчицей, он с тревогой посматривал в окно на Триш, которая ковырялась на огороде, пытаясь привести его в относительный порядок. Жена очень его беспокоила. После шока, который она испытала в доме у Айрин, Трития довольно быстро пришла в себя, буквально через пару дней. Она не была ни расстроенной, ни испуганной, ни опустошенной...

Она была никакой. Дуг понимал, что это нехорошо. Неестественно. У него самого до сих пор перехватывало дыхание при воспоминании о смерти Хоби, а ведь он даже не видел тела своего друга. Трития нашла старую женщину в ванне, с перерезанными венами, в окружении расчлененных частей человеческого тела, а вела себя так, словно ничего особенного не произошло, словно все идет как обычно. Дуг не обсуждал с женой смерть Айрин, не желая ее растрогать. Он решил подождать, пока она сама найдет в себе силы говорить об этом. Но Трития продолжала молчать, что на самом деле было для нее абсолютно нехарактерно.

Дуг смотрел, как она тщательно пропалывает сорняки, и думал, что, возможно, ее состояние – своего рода психологический ступор. Однажды она не выдержит, и все эмоции выплеснутся наружу. Это будет ужасно.

Может, имеет смысл самому как-нибудь помягче завести разговор?

Почтальону, как всегда, удалось выйти сухим из воды. Полиция допросила его, но он затянул старую песню о том, что почтовое ведомство не отвечает за содержание доставляемой корреспонденции, и, как всегда, не было ни малейшей зацепки, позволяющей уличить его во лжи. Ни одна ниточка не связывала его с посылками, которые приходили Айрин, ничего доказать оказалось нельзя.

Почтальон обещал, что попросит почтовое ведомство провести тщательное расследование и узнать, откуда могли поступать посылки с частями человеческого тела.

Тщательное расследование...

Чушь собачья.

Сосиски закипели. Дуг попросил Билли сходить в огород позвать мать. Пора перекусить.

– погоди, – откликнулся Билли. – Скоро будет реклама.

– Ты смотрел эту программу тысячу раз.

Давай, вставай!

– Ну секундочку!

Дуг вздохнул, качая головой и открыл окно.

В комнату ворвался теплый летний воздух.

– Ленч готов!

Триш подняла голову, прищурилась и помахала рукой.

– Сейчас приду!

Она отложила садовую лопатку, отряхнула руки и легкой трусцой направилась к дому.

Давным-давно надо было отсюда уехать.

Уехать из Виллиса к чертовой матери, когда все еще не зашло слишком далеко. Теперь уже поздно. Они – в капкане. На городских бензоколонках кончился бензин, и нового не будет, потому что ни одна из колонок, даже привилегированных, не оплачивала свои счета.

Чеки исчезали в недрах почты.

Дуг выключил плиту, снял сосиски и принялся раскладывать их по булочкам. Он понимал, что отсутствие бензина – проблема временная.

Уже сделаны все необходимые звонки, ситуация прояснилась, переговоры ведутся, тем не менее в ближайшие три-четыре дня никто не сможет покинуть Виллис, если у него не припасена в заглазнике канистра бензина. В его машине осталась половина бака.

Дуг не мог отделаться от ощущения, что дело близится к финалу, что почтальону для окончательной реализации своих планов как раз и нужны эти трое-четверо суток.

Вошла Трития, утирая вспотевший лоб.

– Ну и жарница сегодня! Хорошо бы, дождик прошел, станет чуть попрохладнее. Никто не слушал погоду?

Дуг отрицательно покачал головой.

Билли, увлекшись «Диком ван Дайком», даже не слышал вопроса.

Трития сходила умыться, подошла к столу, поблагодарила за приготовленный ленч. Лицо ее лишь на мгновение затуманилось, когда Дуг протянул ей бокал чая со льдом. Потом она взяла свою тарелку и направилась на веранду.

Дуг последовал за женой. Они устроились за столом друг напротив друга.

– Какие у тебя на сегодня планы? – спросила она, прожевав кусок.

– Планы? – поднял брови Дуг. – Я как-то...

– Вот и хорошо, – недослушала Трития. – В таком случае я тебя попрошу выкопать заросли толокнянки за домом. Я хочу расширить огород.

– Погоди, – попробовал протестовать он.

– У вас на уме есть нечто более серьезное, господин учитель?

Догадаться, что у нее на уме, было сложно, – Триш отвела глаза. Поэтому Дуг решил не перечить.

– Нет, ничего такого. С удовольствием поработаю с тобой в огороде.

– Спасибо. – И Триш занялась своими сосисками.

В доме зазвонил телефон. В стоячем полуденном воздухе отчетливо слышалась его трель.

Дуг встал.

– Пойду возьму трубку, – произнес он, отодвигая стул.

– Алло?

– Помогите! – ударил в ухо женский вопль. – Ради Бога, помогите! О Господи! Я совсем одна!

У Дуга по спине пробежали мурашки.

– Кто говорит?

– Трития! Спаси меня!

– Это не Трития, это...

– О Боже, я уже слышу, как он идет!

– О ком вы?

– Трития! – истерически вскрикнула женщина.

– Триш! – громко позвал Дуг. – Иди быстрее!

Триш вбежала в дом и схватила трубку.

– Я слушаю!

– Он опять здесь!

Трития узнала голос Элен Ронды. После того как Триш поговорила с доктором Робертсом, Элен больше не звонила, и сейчас, судя по всему, дела совсем плохи. Это уже не истерика, это настоящая паника, Элен просто сама не своя. Безумный страх превратил ее в визжащую, захлебывающуюся слюной идиотку.

– В чем дело? – попробовала вразумить ее Триш.

– Он гонится за мной! – визжала женщина. – С бейсбольной битой!

– Спокойно, – произнесла Триш и тут же услышала в трубке звон разбитого стекла.

Потом тяжелый удар в стену. Точно бейсбольная бита.

– Спаси меня! – кричала Элен. – Звони в полицию! О-о, он...

Послышался треск, и за ним – короткие гудки.

Триш бросила трубку и схватила мужа за руку.

– Едем немедленно!

– Что случилось?

– На Элен напали! Прямо сейчас!

– Давай звонить...

– Некогда! – Триш ринулась к двери. – Ты остаешься дома, – крикнула она сыну. – Запри все двери! И не вздумай выходить на улицу! Быстрее! – подстегнула она Дуга уже на пороге.

Дуг гнал «бронко» как мог, но дом Ронды стоял на противоположном краю города, и короткого пути до него не было. Они промчались через ручей, взметнув фонтаны брызг при этом машина здорово грохнулась обо что-то днищем, и нестись по городу, миль на двадцать превышая разрешенную скорость. Дуг надеялся, что это привлечет внимание какого-нибудь блюстителя порядка и тот за ними погонится, но улицы словно вымерли. Промелькнуло здание почты.

Автостоянка была пуста. Даже почтальон куда-то уехал.

Входная дверь дома Ронды была распахнута настежь. Дуг резко затормозил, выскочил из машины и помчался вперед, не дожидаясь Тритии. На бегу он сообразил, что не захватил монтировку или нечто подобное и чертыхнулся.

Он миновал разгромленную гостиную, семейную спальню...

Элен лежала на кухне, абсолютно голая.

Она была мертва. Одной рукой она сжимала кухонный нож, другая, с судорожно скрюченными пальцами, вцепилась в линолеум. Видимо, женщина в последний момент кричала или пыталась кричать, потому что застыла с разинутым ртом. На ее лице застыла маска дикого ужаса.

Но не верхняя половина тела приковала внимание Дуга.

Широко раздвинутые ноги пожилой женщины были сломаны, колени вывернуты под немыслимым углом. На месте промежности зияла огромная дыра, в которой виднелись разодранные клочья внутренних тканей. Кожа была содрана от лобка до пупа. Повсюду была кровь – она залила ноги, пол, забрызгала кухонный стол – густая, темно-красная кровь.

– О Боже, – выдохнула подбежавшая Триш. – О Боже! – Она рванулась прочь, не в силах сдерживать приступ рвоты.

Дуг начал звонить в полицию, стараясь удержать на месте свой ленч.

* * *

Они сидели в гостиной дома Ронды. С кухни доносились голоса полицейских и прибывшего коронера. Дуг разглядывал висящие над камином фотографии Боба Ронды, его жены и детей.

Триш сидела рядом, молча. Он время от времени сжимал пальцами ее ладонь, но она никак не реагировала. Кто-то вошел в комнату. Дуг даже не обернулся.

– Мы возьмем его, – послышался голос Майка Трентона. – Немедленно.

– Немного поздно, – произнес Дуг, вставая и испытывая сильное желание посмотреть полицейскому в глаза. – Или ты так не думаешь?

Впрочем, при виде отчаяния на лице молодого парня он несколько смягчился.

Майк прикрыл веки, стараясь успокоить дыхание.

– Да, вы правы. Слишком поздно.

В дверном проеме появился коронер. Сухощавый мужчина с ястребиным носом и невыразительным взглядом, напоминающий Гарри Дина Стэнтон. Он один, казалось, не был потрясен увиденным. Коронер протянул Майку папку с несколькими листами.

– Что послужило причиной? – спросил Дуг.

– Ее смерти? – Коронер внимательно окинул его взглядом. – Официальная версия будет звучать так: леди изнасиловали и убили.

– А неофициальная? Что на самом деле произошло?

– Что произошло? Вы же сами видели. Ее изнасиловали в извращенной форме с помощью крупного тупого предмета, размером с бейсбольную биту. Разорваны все внутренности, печень

и кишки раздавлены, желчный пузырь оторван напрочь. Надо сделать аутопсию и провести более тщательное обследование, только после этого я смогу получить полную картину повреждений и установить, какое именно послужило причиной смерти.

Майк просмотрел листы, расписался на одном из них, потом передал папку коронеру и вернулся на кухню. В открытую дверь Дуг увидел, как двое мужчин в белых халатах начали разворачивать пластиковый мешок, чтобы уложить тело.

Дуг опустил на диван и стиснул безжизненную ладонь Триш. Через некоторое время Майк появился снова, на сей раз в сопровождении шефа Кэтфилда.

– Мистер Элбин. – В знак сочувствия Кэтфилд на мгновение опустил голову.

– Ну так что, шеф, – уставился на него Дуг, – скажете, что она тоже сама с собой покончила?

– Это не смешно, мистер Элбин.

– Вот тут вы правы. Чертовски не смешно.

А сколько я вам твердил, дуболомам, про этого почтальона? Сколько недель?! Я говорил, что может случиться нечто подобное. Я предупреждал вас! Ну, теперь вы довольны? Теперь вы мне верите? – Дуг яростно грохнул кулаком по соседнему столику. – Кретины!

– Самое плохое, мистер Элбин, что я вам верю. Но все не так просто, как вам кажется.

Разумеется, мы допросим мистера Смита. Однако до тех пор, пока мы не найдем отпечатки пальцев, фрагменты одежды или иные материальные доказательства или не появится свидетель, который видел его на месте преступления, черта с два мы имеем право задерживать его более чем на полдня.

– Элен говорила моей жене, что это может произойти. Она говорила, что почтальон собирается убить ее! Этого разве недостаточно? Это, что, не имеет никакого значения?

– Что именно сказала Элен, миссис Элбин? – повернулся к Триш шеф полиции.

Трития уставилась на него отсутствующим взглядом, потом встряхнула головой, возвращаясь к реальности. Обведя глазами присутствующих, она заговорила вдруг совершенно спокойно, ясно и разумно.

– На самом деле Элен не называла по имени человека, который ее преследовал. Она просто говорила «он», хотя я моментально поняла, кого она имеет в виду.

– Можно подключить к этому делу федеральные власти? – взъерошил волосы Дуг.

– Каким образом? – откликнулся Майк. – Это не имеет отношения к государственной торговле или к международному терроризму.

– Это имеет отношение к почте.

– Доказательства? – вставил шеф полиции.

– А как насчет полиции штата?

– Мы предпочли бы обойтись собственными силами, – пояснил Кэтфилд. – Это дела местного значения, и, на мой взгляд, мы справимся с ним самостоятельно.

– Я вижу. У вас чертовски здорово получается.

– К вашему сведению, мистер Элбин, получить помощь постороннего агентства не так-то просто. Властям штата потребуется провести несколько консультаций, чтобы разрешить кому-то втянуться в дело, которое, безусловно, подпадает под местную юрисдикцию. Надо будет готовить документы, заполнять особые формы...

– Которые придется посылать по почте, – подхватил Майк.

– Черт! – не выдержал Дуг. – Но мы должны что-то сделать!

– Мы сделаем все, что возможно, – заверил его Кэтфилд, возвращаясь на кухню.

* * *

Электричество восстановили, и Билли у себя наверху смотрел очередное вечернее четверговое шоу. Внизу телевизор не работал. Дуг и Трития коротали время за чтением. Он взял старый роман Джона Фаулза, она – новую книгу Джозефа Вамбау. Они вкратце, не углубляясь в детали, рассказали Билли, что произошло в доме Ронды, но после этого никому разговаривать не хотелось. Время до ужина и сам ужин прошли почти в полном молчании, прерываемом лишь малозначительными репликами.

Зазвонил телефон. Триш сняла трубку. Затем протянула ее мужу.

– Это тебя.

– Кто это? – спросил он, откладывая книгу.

– Майк Трентон.

– Слушаю.

– Дуг? Это Майк. Мы нашли битую. В канаве на улице. – Майк помолчал. – Она вся залепана кровавыми пальцами. Дуг нахмурился. Хорошая новость, именно то, на что они так надеялись. Но голос полицейского звучал слишком ровно. Очевидно, что-то не так.

Видимо, дело повернулось как-то иначе.

– Ну и в чем же дело, Майк?

– Отпечатки принадлежат Жизель Бреннан.

Дуг замолчал.

– Вы слушаете?

– Да-да, слушаю.

– Его мы взяли, держим у себя, но ничего сделать не можем. Придется отпустить.

– Это он сотворил, Майк!

– Я понимаю, – ответил полисмен, и его голос вдруг звучал заговорщицки. – Ничего, если я попрошусь к вам в гости? Хочу вам кое-что показать.

– Пожалуйста. Когда?

– А можно прямо сейчас?

– Конечно.

– Добро. Минут через пятнадцать буду.

– Они нашли, битую, которой насильовали Элен, – сообщил Дуг жене, положив трубку. – Но на ней отпечатки пальцев Жизель Бреннан.

– О Господи!

– Они намерены ее задержать. А Майк сейчас к нам заедет. Говорит, хочет что-то показать.

– Господи, когда же все это кончится? – тяжело вздохнула Триш, уронив книгу на пол.

– Надеюсь, скоро.

– Может, его убить? – помолчав, предложила Триш.

– Что?

– Мне недавно пришло это в голову. – Триш даже встала от волнения. – Что, если кто-нибудь испортит ему тормоза, или пристрелит, или...

– Триш!

– А почему нет? У тебя есть хотя бы один довод против?

– Так... Так нельзя.

– Это не аргумент.

– Убийство – не выход. Даже не хочу больше об этом говорить.

– Как знаешь. – Триш подняла с пола книгу, нашла заложенную страницу и углубилась в чтение. Дуг пристально посмотрел на нее, но лицо жены не выражало ни гнева, ни возмущения, ни сомнения – ничего, кроме спокойной расслабленности. Он начал всерьез беспокоиться, теряясь в догадках, что она может учудить. Он уже не мог доверять ей стопроцентно. Нет, отныне за ней надо очень внимательно следить.

Через пятнадцать минут, верный своему слову, явился Майк Трентон. Под мышкой он нес большой альбом для фотографий.

Дуг встретил полицейского на крыльце. Они еще раз поздоровались.

– Так вот, значит, где вы живете. Мне всегда было интересно, как выглядит дом учителя.

– Так же, как любой другой, – усмехнулся Дуг и показал на забитое окно и следы от ударов камней на обшивке дома. – Привет от друзей почтальона – камнеметателей.

– Вы подали заявление?

– Какой смысл? – пожал плечами Дуг.

– Если бы нам удалось связать воедино все факты, может, мы раз и навсегда взяли бы его за задницу так, что он бы уже не вырвался.

– Ты прав, – сухо усмехнулся Дуг и открыл дверь. – Проходи.

– Итак, вы нашли оружие убийства.

– Совершенно верно.

– И что говорит об этом сама Жизель?

– Мы не знаем, – покачал головой Майк.

– Что значит – не знаете? Вы разве не взяли ее под стражу?

– Мы не можем ее найти, – признался полисмен. – Мать сказала, что она уже трое суток не появлялась дома. А Смит заявляет, что не видел Жизель с середины вчерашнего дня.

– Думаешь, он ее убил?

– Кто знает? – вздохнул Майк. – Может быть все что угодно.

– Почему вы не задержите его по подозрению в убийстве?

– При отсутствии трупа?

– Ну, по подозрению в похищении.

– Мы делаем все, что можем.

– Я это уже слышал.

Подошла Трития.

– Здравствуйте, миссис Элбин, – вежливо кивнул Майк.

– Привет, – слегка улыбнулась она в ответ и добавила, обращаясь к мужу:

– Я хочу пойти лечь. Я вам тут не нужна?

– Только половина девятого, – с некоторым недоумением заметил Дуг, бросив взгляд на часы.

– У меня был тяжелый день.

– Да, – вздохнул Дуг. – У всех нас был тяжелый день.

– Ну я пошла. Спокойной ночи, мистер Трентон.

– Спокойной ночи, миссис Элбин.

Дуг подвинул кресло к кофейному столику и жестом пригласил Майка сесть на диван.

Юный полицейский устало опустился на мягкие подушки и выложил на стол альбом.

– Вы знаете, что миссис Ронда занималась живописью?

– Что?

– Она рисовала. Ну, нечто вроде художника-любителя.

– Нет, никогда не слышал, – озадаченно покачал головой Дуг. – Но какое это имеет отношение?

– Мы обнаружили несколько картин в ее бельеовом шкафу. Она явно их прятала, – продолжал Майк, разворачивая альбом. Дуг внезапно понял, что ему предстоит увидеть. – Мне вообще-то нельзя вам это показывать. Шеф считает картинки Элен ерундой, признаком расстроенной психики, но... – Внимательно поглядев на Дуга, полисмен толкнул альбом в его сторону.

Картины, написанные сочными, яркими красками в несколько угловатом экспрессионистском стиле, действительно вызвали тревогу. На первой фотографии было запечатлено полотно, изображающее мужчину в синей униформе почтового ведомства с большой зазубренной бейсбольной битой в руке. Он стоял на фоне мучительно искаженных лиц с разинутыми ртами и апокалиптически красного неба. Такого же цвета были его волосы, обрамляющие не лицо, а ухмыляющийся белый череп.

Другая картина изображала монстра с острыми длинными выпирающими вперед клыками. Его лапа, вывернутая в непристойном жесте, сжимала белый конверт. Это чудовище шло по шоссе с разделительной полосой, по обе стороны которого рядами выстроились почтовые ящики.

В том же духе были написаны и остальные картины, которые все до единой оказались изображениями страшного почтальона.

Последняя, неоконченная, картина изображала почтальона в образе Смерти с косой, на острие которой, как на шампур, было нанизано несколько женщин, причем коса пронзала их между ног.

– Она знала, – сказал Майк.

– Ну и что? – произнес Дуг. – Кто не знает?

– Но она знала, что с ней случится. Вы видели этих женщин? Видели бейсбольную битку?

– Видел.

– Поэтому я и думаю: если Элен знала, что другим тоже все известно. Нам остается только их найти. Это будет непросто. Люди сейчас очень неохотно идут на сотрудничество. Но если нам удастся вычислить следующую жертву, мы сможем за ней следить и, соответственно, захватить Джона Смита на месте преступления.

«Мысль неплохая, – подумал Дуг, – но почтальон не похож на примитивного киллера, который методично убивает жителей города». Он гораздо страшнее. Убийство – это просто одно из средств, которыми он пользуется для достижения своих целей. Насколько можно судить, он уже уничтожил всех, кого было нужно, и теперь настроен на нечто иное.

Или планирует убить остальных несколько позже.

– Мне кажется, ты неплохо придумал, – произнес он вслух. – Возможно, это сработает.

– Но мне нужна ваша помощь, – нахмурился Майк. – Я надеялся, что вы...

– Извини. Я вряд ли смогу тебе чем-то помочь.

– Разумеется, сможете!

– Хочешь знать мое мнение?

– Конечно, – кивнул полисмен.

– Не дожидайся, пока он сотворит что-нибудь еще. Арестуй его немедленно. Обвини в чем угодно, обвини во всем, что творится. Если ничего не выйдет – плевать. Но по крайней мере ты временно изолируешь его от общества.

И может быть, пока будут идти допросы, пока он будет сидеть за решеткой, почтовое ведомство найдет ему замену и мы сможем от него избавиться.

– Таков ваш план?

– Джон Смит – фальшивка, – подался вперед Дуг. – Я звонил почтовому начальству в Феникс, в их списках такой почтальон не значится.

А когда позвонили вы, у них таинственным образом сломался компьютер, и вам не удалось проверить мои слова. Если бы вам удалось вызвать сюда инспектора, если бы вам удалось поднять федеральные власти, чтобы выдвинуть против него обвинение, уверен, сейчас мы были бы в безопасности. Проблема же в том, что вам не удастся сделать это ни по почте, ни по телефону. Тебе надо поехать в Феникс.

– Нет бензина, – напомнил Майк.

– Именно поэтому его надо засадить за решетку до тех пор, пока вы с кем-нибудь не свяжетесь. Его надо на время отстранить от дел.

– Не знаю, – протянул Майк.

– Ну хорошо, можете не сажать его. Но по крайней мере вызовите сюда представителя почтового ведомства. Джон Смит не настоящий почтальон, но единственную власть, которую он признает, – это власть почтовой службы.

Черт побери, это единственная сила, с которой он считается.

– Почему вы так думаете?

Вспомнив почтальона, танцующего на краю обрыва. Дуг вздрогнул.

– Я просто знаю.

– Я все-таки хочу его выследить.

– Ну так иди и следи! Виси у него на хвосте!

Следуй за ним по пятам! Может, таким образом тебе удастся его сцапать.

– Вы сомневаетесь?

– Сомневаюсь.

Майк встал и взял в руки альбом.

– Я занимаюсь этим по собственной инициативе, – заговорил он. – Вы это знаете. Отделение меня не поддерживает. Шеф взбесится, если узнает, что я просто разговаривал с вами на эту тему.

– Почему?

– Не знаю. Но у меня есть друзья. Они на моей стороне. Тим, естественно. И Джек с Джеффом. Мы все понимаем, что происходит.

– Вам следует немедленно упечь его в кутузку.

– Я над этим подумаю, – произнес Майк, направляясь к двери. – Впрочем, мне это может

стоять работы, – добавил он уже на крыльце.

– А если нет – это может стоить тебе жизни. Или мне.

– А вдруг он куда-нибудь денется?

– Нет, – горько усмехнулся Дуг. – Я тоже на это надеялся. Но это единственное, чего он не сделает никогда: он никуда не исчезнет Майк сел в машину, вырулил на дорогу, а Дуг все стоял на крыльце и следил за ним до тех пор, пока рубиновые хвостовые огни не скрылись из виду и шум мотора не слился со звуками ночи.

43

Но оказалось, что Дуг ошибся. Почтальон исчез. На следующий день после обеда Дуг подъехал к почте и обнаружил, что она закрыта. В полицейском участке Майк сказал, что Смит Тегарден, их сотрудник, обычно сидящий с радаром на выезде из города и следящий за скоростным режимом на трассе, видел красную машину Джона Смита. Она двигалась в сторону Феникса.

Прошел еще один день, за ним – другой, но почтальона не было.

Прошли выходные. В понедельник, обнаружив, что почтовое отделение по-прежнему закрыто, Дуг немного расслабился. Кажется, все закончилось.

Почтальон исчез.

44

Утро выдалось ясным и солнечным. Дуг проснулся рано, принял душ, побрился и вышел на улицу проверить почтовый ящик. Пусто. Ни одного конверта.

Когда он вернулся в дом. Трития уже вышла на кухню и варила кофе. Он произнес: «Доброе утро!» На лице жены неожиданно мелькнула тень раздражения. Он повторил. Триш не ответила и буркнула что-то себе под нос.

Дуг включил телевизор. На экране мелькнула привычная заставка канала Эн-би-си «Новости на рассвете». С тех пор, как почтальон уехал из Виллиса, с электричеством проблем не возникало, равно как и с газом, водой и телефонной связью. Все функционировало бесперебойно. Жизнь, судя по всему, возвращалась в привычную колею.

Билли все еще спал. Трития попросила Дуга пойти его разбудить и сказать, чтобы спускался завтракать. Она приготовила омлет по-испански, с луком и помидорами, принесенными с собственного огорода, и не хотела, чтобы ее кулинарное творение пропало даром из-за чьей-то лени.

– Буди его немедленно, – повторила она.

После завтрака Трития заявила, что сегодня они все едут по магазинам. Пора совершать глобальные закупки. Кухонные полки почти пусты, равно как и полки холодильника, а у нее осталось несколько купонов, срок использования которых почти истек. Пока Дуг мыл посуду, а Билли вытирал тарелки, она составляла список.

– Ну все, – наконец проговорила она. – Я готова.

– Я не хочу ехать, – заявил Билли.

– Это обязательно, – возразила Триш.

– Почему?

Трития посмотрела на сына. Он выглядел старше своих лет, был вполне разумным, физически развитым, но за последние пару месяцев ему пришлось пройти через тяжелые испытания и столкнуться с проблемами, которые по плечу далеко не каждому взрослому. При виде его утомленного лица у Тритии защемило сердце. Ей всегда хотелось, чтобы Билли как можно дольше оставался ребенком. Повзрослеть он всегда успеет. В то же время она считала не правильным прятать детей от окружающей действительности. Как бы то ни было, им все равно придется столкнуться с реальным миром, и они гораздо быстрее освоятся в нем, если будут подготовлены должным образом.

Но нынешнее лето, как ни крути, реальным миром назвать невозможно. Кошмарные

события последних двух месяцев подготовкой к жизни считать нельзя. Надо надеяться. Билли не придется сталкиваться с чем-то подобным впредь.

Триш увидела мольбу в усталых глазах сына и решила отступить.

– Ну хорошо, – мягко проговорила она. – Можешь не ехать.

Билли улыбнулся и облегченно вздохнул, хотя в глубине его глаз, несмотря на по-детски откровенные эмоции, мелькнуло иное чувство.

Похоже, это предложение перепугало его куда больше. Такого Триш еще не видела.

– Но только сиди дома, – предупредила она. – Никуда не выходи. Запри все двери и никого не пускай до нашего возвращения. Договорились?

Сын молча кивнул.

– Молодец. – Триш покосилась на мужа и увидела, как тот прячет улыбку Ничего, лишняя осторожность не повредит.

Билли оделся и вышел на крыльцо.

– Запри дверь, – напомнил отец.

– Обязательно.

Мальчик вернулся в дом и повернул ключ на два оборота. Взгляд его упал на лист фанеры-, по-прежнему закрывающий разбитое окно. Он надеялся, что скоро придет какой-нибудь мастер и вставит стекла. Фанера давала одно преимущество – после обеда, когда солнце обычно светило в окна, можно было без помех смотреть телевизор. Однако в комнате стало гораздо темнее.

Темнота ему не нравилась.

Билли еще не придумал, чем заняться после отъезда родителей. Была мысль позвонить близнецам, но потом он почувствовал, что на самом деле не хочет их видеть. Единственное, что ему на самом деле хотелось, – это заняться чем-нибудь с Лейном, но звонить своему старому другу Билли боялся. После исчезновения почтальона и возвращения жизни города в нормальное русло Лейн, возможно, тоже станет самим собой. А может, не станет, и Билли не хватало духу выяснить, как обстоят дела.

В данный момент ему надо было сходить в туалет. Он прошел через кухню в холл и открыл дверь в ванную комнату, на ходу расстегивая брюки. И замер.

На краю раковины лежал конверт. Другой белел на опущенной крышке унитаза.

Билли хотел закричать, но понял, что его никто не услышит. Крик только насторожит того – кого? почтальона? – кто находится около дома. Или внутри.

Билли метнулся в родительскую спальню.

Один конверт лежал на комодe под зеркалом, другой – на кровати.

Мальчик испугался. Внезапно стало страшно находиться в доме. Он медленно, стараясь не шуметь, вернулся в гостиную. В щели между фанерой и рамой разбитого окна бил яркий солнечный свет, но большая часть помещения оставалась в тени, за всеми предметами клубился мрак, в котором легко могла прятаться человеческая фигура. Цепочка конвертов тянулась вверх по лестнице, на второй этаж.

Билли осторожно снял трубку телефона, стоявшего рядом с телевизором. В трубке была мертвая тишина.

Над головой послышались странные похрустывающие звуки.

Надо бежать отсюда. Но куда? Поблизости нет ни одного дома. К Нельсонам, безусловно, нельзя. К Лейну – тоже. Форт.

Да, остается форт. Он может укрыться в форте и дожидаться там возвращения родителей. Они с Лейном поставили это крепко сколоченное сооружение специально для отражения нападения извне. В форте он будет в безопасности.

Билли осторожно открыл уличную дверь и вышел на крыльцо. Половицы под ногами отчаянно закрипели. Мальчик застыл, прислушиваясь к тому, что делается наверху, готовый бежать со всех ног, но ничего не услышал.

Раньше он никогда не обращал внимания, сколько шума могут производить несчастные деревянные ступеньки. Треск и скрип, казалось, длились целую вечность, пока он наконец не спустился на землю. Шорох гравия грохотом отдавался в ушах, но Билли, не обращая на это внимания, бежал по дорожке что было сил, автоматически перепрыгивая знакомые камни и

ямы, уворачиваясь от колючих кустов. Одним заученным движением он взлетел на камуфлированную крышу своего убежища, а в следующее мгновение уже оказался внутри и плотно закрыл за собой люк.

Запахавшись, он некоторое время лежал ничком на полу, восстанавливая дыхание и прислушиваясь к тому, что происходит за стенами.

Но услышал только далекое противное карканье голубой сойки.

Он был в безопасности.

Билли встал. Оставалось надеяться, что скоро вернутся родители. Оставалось надеяться, что он услышит звук родительской машины.

Он снова прислушался, стараясь уловить враждебные звуки, но лес был спокоен.

Мальчик огляделся. После разрыва с Лейном форт выглядел совсем иначе. Он стал каким-то заброшенным. Даже раньше, когда Билли иногда забирался сюда один, без Лейна, возникало какое-то странное чувство, но тогда это был еще их форт. Теперь же Билли даже не знал, кому он принадлежит. Само сооружение находилось в зеленой зоне, относящейся к его дому, но материалы для строительства дал им отец Лейна, и всю работу они проделали вместе. Билли медленно, как чужой, двигался по большой комнате, прикасаясь к знакомым предметам.

Все выглядело как-то странно. Его собственные вещи и предметы, которые больше ему не принадлежат.

Так, наверное, выглядит родной дом, когда человек возвращается туда после развода.

Он то и дело останавливался, замирал и прислушивался, но на улице по-прежнему все было тихо.

Билли перешел в штаб. В глаза бросилась стопка журналов, сложенная на полу. Даже «Плейбой» ему больше не принадлежат. Впрочем, они не принадлежат и Лейну. Они остались в прошлом, в темном царстве безвременья. И хозяина у них не было. Билли поднял один из журналов. Тот раскрылся на фотографии обнаженной женщины-почтальона.

– Билли Элбин.

Он замер, затаив дыхание.

– Билли Элбин.

Почтальон был уже рядом с фортом. Значит он его выследил. От страха Билли не мог шевельнуться. Чувствуя, что задыхается, он постарался бесшумно выпустить воздух из легких, но в тишине выдох произвел впечатление промчавшегося урагана. Шаги снаружи затихли.

– Билли.

Он не шевелился.

– Билли.

Теперь голос послышался с другой стороны, хотя Билли больше не слышал шагов или шороха листьев, вообще ни единого звука.

– Билли.

Тихий, настойчивый шепот. Билли хотелось заорать, завизжать, но он боялся. Почтальон явно знал, что он здесь, но мальчик решил не обозначать своего присутствия. Вдруг, если еще дать вид, что тут никого нет, почтальон уйдет?

– Билли.

Нет. Он никуда не денется.

Билли стоял неподвижно, его мозг лихорадочно работал, пытаясь сообразить, как выкрутиться из сложившейся ситуации. Из форта только один выход, и нет никакой возможности улизнуть отсюда незамеченным. Они с Лейном не раз говорили о том, что неплохо бы соорудить запасной выход, аварийный люк или выкопать подземный ход, но так ничего и не сделали. Теперь Билли перебирал возможные варианты. Точнее, вариант у него был один. Выбраться через люк на крышу так, чтобы почтальон ничего не увидел и не услышал...

– Билли.

...спрыгнуть на землю и рвануть куда глаза глядят.

Тихонько, на цыпочках, он вернулся в большой зал.

– Билли.

На этот раз голос раздался ближе. Очень близко. Билли поднял голову. Почтальон ухмылялся, глядя на него сверху в открытый люк. Развратная улыбка, холодная жестокость в

неподвижном взгляде голубых глаз.

– Хочешь поразвлекаться?

Билли бросился в дальнюю комнату. Скользя глазами по стопке журналов «Плейбой», он отшатнулся назад. Теперь это были «Плейгерл».

– Билли, – снова произнес почтальон.

Охваченный паникой, мальчик начал молотить кулаками в стену, надеясь вышибить доску и как-нибудь выбраться наружу. Он бил по стене со всей мочи, отчаянно вкладывая все силы в каждый удар, но они с Лейном строили форт старательно – слишком старательно! – и ни одна планка не шевельнулась.

За спиной послышался шум. Почтальон спрыгнул в люк и оказался в большой комнате.

– Билли, я принес тебе подарок, – сказал почтальон.

– Помогите! – заорал Билли что было сил и вновь яростно замолотил кулаками в стену. – Мама! Папа!

– Хочешь поразвлекаться?

Билли обернулся и через плечо увидел улыбающегося почтальона, протягивающего ему свой подарок.

* * *

Вернувшись из магазина и прождав Билли целый час. Трития ударилась в панику. Она заставила Дуга позвонить Майку, и полицейский пообещал прочесать весь город, начиная с почтового отделения. Потом принялась обзванивать приятелей Билли. Набрав номер телефона Чэпменов, она услышала голос Лейна.

– Добрый день, – поздоровалась Трития. – Билли у вас?

– Нет. – Лейн отвечал холодно и двусмысленно, как почтальон. Ее охватил страх.

– А ты его вообще сегодня видел?

– Нет, – ответил Лейн. – Зато я видел вас.

В трубке щелкнуло, и понеслись гудки.

Трития положила трубку. Черт побери, что он имеет в виду? Впрочем, это сейчас не важно.

Она начала набирать номер близнецов, когда услышала шаги Дуга, входящего в дом с черного хода.

– Под домом его нет, на бельевого веревке – тоже, – муж постарался спрятать тревогу за шуткой, но это ему не очень-то удалось. – Велосипед на месте. Пойду искать дальше, в зеленой зоне.

– Хорошо, я пока еще позвоню.

Дуг вышел через парадную дверь.

«Господи, – взмолилась про себя Трития, – пусть с ним будет все в порядке!»

* * *

Дуг прошел по всему периметру своего участка, заглядывая под каждый куст и постоянно окликая сына по имени.

– Билли! Билли!

Испуганные ящерицы во все стороны прыскали из-под ног. Из своих травяных укрытий вспархивали нервные перепелки.

– Билли!

Он поднимался вверх по склону холма, пока не наткнулся на закамуфлированную стену форта.

– Билли!

В ответ – тишина.

Дуг пристально посмотрел на форт. Странно, это деревянное строение всегда казалось ему чем-то вроде детского игрушечного домика, но сейчас чем больше он вглядывался, тем более низким и мрачным представлялось ему творение мальчиков. Дуг с ужасом понял, что

аналогичное чувство он испытал, подходя к дому, в котором была убита Элен Ронда.

– Билли! – он нерешительно шагнул вперед и прислушался. Изнутри слышались тихие всхлипы.

– Билли! – во весь голос заорал Дуг и принялся лихорадочно шарить по стене в поисках какой-нибудь доски, которую можно было бы выломать и проникнуть внутрь, но строители работали на совесть, ничего не урчало, ничего нельзя было оторвать. В отчаянье он ухватился руками за крышу и попробовал подтянуться.

Отсутствие маломальской физической формы тут же дало о себе знать. Кости затрещали, мышцы пронзила боль. Под рукой хрустнула щепка, палец напоролся на гвоздь, но Дуг, упираясь ногами в стену, все-таки вытолкнул тело вверх и перевалился на крышу.

Рядом зияла открытая крышка люка. Заглянув внутрь и ничего не увидев. Дуг спрыгнул вниз. Всклипы стали громче.

– Билли! – воскликнул он, озираясь.

В темном углу, скрючившись, как зародыш, поджав коленки к самому подбородку, лежал его сын.

Без штанов. Порванная рубашка была покрыта какими-то пятнами. В лице – ни кровинки.

– Билли! – Упав на колени. Дуг прижал к себе сына. В глазах потемнело. Ярость, страх и боль слились в одно неразделимое всепоглощающее чувство ненависти. Слезы неудержимо текли по щекам.

– Нет, – едва слышно произнес Билли. – Нет. Нет. Нет. Нет...

Дуг слегка отстранился, не выпуская сына из рук. Лицо мальчика было искажено от ужаса, – Нет. Нет. Нет. Нет...

На полу валялось испачканное подвенечное платье.

И окровавленные трусики.

И несколько бандеролей и конвертов с почтовыми штемпелями.

У Дуга перехватило дыхание, словно от удара под ложечку.

Блуждающий взгляд сына на мгновение сфокусировался.

– Я не надену! – вскрикнул он. – Я не дамся!

Тело мальчика передернуло судорогой.

Дуг прижал его к себе. Только сейчас он заметил, что Билли сильно лихорадит. Усилиями воли он постарался взять себя в руки, рассуждать логически, хотя переполняющее чувство ненависти затуманивало сознание. Дуг встал и собрался взять Билли на руки, но заметил уголок белого конверта, торчащий из складок одежды. Потянувшись, он вытащил конверт, увидел, что тот адресован ему, и одним движением вскрыл. На белом листе бумаги было написано всего пять слов с восклицательным знаком:

ТВОЯ ЖЕНА МНЕ ТОЖЕ НРАВИТСЯ!

– Нет! – издал дикий вопль Дуг. Вопль, адресованный в пустоту.

– Нет! – эхом откликнулся Билли. – Нет?

Нет? Нет! Нет!..

Не теряя времени. Дуг подхватил сына.

Всплеск адреналина придал ему сил. Одним движением он вытолкнул обмякшее тело на крышу, затем выбрался сам. Мышцы сводило болью, внутри все горело, но он заставил себя спокойно спуститься вниз. Ребенка надо нести домой. Надо возвращаться к Тритии.

* * *

Трития положила телефонную трубку и почувствовала, что ладони вспотели от страха.

Она решила сходить на кухню и выпить стакан воды. На столике рядом с микроволновкой лежал конверт. Нахмурившись, она взяла его в руки. Кажется, раньше его тут не было. Сегодня в почтовый ящик она не заглядывала, равно как и Билли с Дугом, – в этом можно не сомневаться. Письмо было адресовано ей. Адрес отправителя не указан.

«Опять начинается, – подумала Триш. – А тут еще Билли пропал куда-то». Но она заставила себя отбросить эту мысль, вскрыла конверт и достала листок бумаги.

Я В СПАЛЬНЕ

Ее словно огрели дубиной.

Он вернулся. Это не кончилось.

Он вернулся и теперь принялся за нее.

Трития на ощупь выдвинула ящик посудного шкафа, вытащила искривленный нож, крепко зажала его в кулаке и, выставив руку вперед, медленно двинулась в спальню. Она отдавала себе отчет, что драться с почтальоном – полная глупость и идиотизм, что надо бежать отсюда куда глаза глядят, бежать к соседям, вызывать полицию, но он зашел слишком далеко. Она исчерпала запасы терпения. Будь она проклята, если позволит ему и далее терроризировать ее семью.

Если он здесь, она его убьет.

Она перережет его поганую глотку.

В спальне его не оказалось. Выставив перед собой нож и приготовившись в любую секунду нанести удар, она проверила шкаф, заглянула под кровать. Ничего. Триш сунула голову в ванную комнату. Все чисто. На кухне и в холле его тоже не было.

Значит, остался второй этаж.

Ей показалось, что наверху поскрипывают половицы.

«Беги! – вопил внутренний голос, управляемый разумом. – Беги отсюда немедленно!» Но она только крепче сжала нож в кулаке и начала подниматься по лестнице. Была середина дня, но единственного маленького окна в комнате Билли явно не хватало, чтобы осветить всю комнату, и верхние ступеньки тонули в полумраке.

Триш поднималась тихо, как только могла.

Пальцы, обхватившие рукоятку ножа, побелели от напряжения. Она почти уже достигла цели и пригнулась, чтобы почтальон раньше времени не увидел ее голову над уровнем пола, когда нога попала на расшатанную ступеньку. Лестница громко скрипнула. Триш замерла, не решаясь вздохнуть, но сверху не донеслось ни малейшего звука. Выставив вперед нож, она рывком преодолела последние пять ступенек, готовая ринуться в бой.

Комната Билли была пуста.

Не выпуская ножа из рук, она быстро проверила платяной шкаф. Никого.

Почтальон исчез.

Триш спустилась вниз и выглянула на улицу из окна гостиной, но тишину и покой семейных владений нарушала только склока двух голубых соек. Она еще раз проверила входную дверь, потом сходила проверить дверь черного хода, но обе были закрыты, и Триш позволила себе немного расслабиться.

От пережитого напряжения мочевого пузыря переполнился. Пришлось отправиться в ванную комнату. Однако нож она по-прежнему крепко держала в руке, поскольку не исключала, что во время перемещений по дому и разглядывания окружающей территории могла пропустить его. Не исключено, что почтальон прятался, например, за деревом, а в данный момент подкарауливает ее снаружи, подслушивая за дверью и выжидая удачный момент, когда она окажется в достаточно уязвимой позиции.

Не закрывая дверь ванной комнаты, Триш быстро спустила трусики и присела на унитаз.

Из-за душевой занавески вышел почтальон.

Она непроизвольно вскрикнула, выронила нож, но моментально нагнулась, чтобы подхватить его с пола. Однако нога в начищенном черном ботинке уже наступила на лезвие. Почтальон как всегда был в своей тщательно отутюженной синей униформе. Прямо перед своим лицом Триш увидела вздувшийся бугор на его брюках ниже живота. Прикрывая одной рукой свое обнаженное причинное место, она попыталась другой оттолкнуть его прочь. Пальцы заметно дрожали.

При этом она не переставала орать, но почтальон, судя по всему, совершенно не обращал на это внимания.

– Какая шерстка! – ухмыльнулся он. Непристойность этого выражения в сочетании с безупречно ровной интонацией испугали Триш гораздо сильнее, чем если бы он просто попытался напасть и овладеть ею.

Черт побери, как она могла не проверить за занавеской?!

Он нагнулся, чтобы поднять нож. В то же мгновение Триш пулей вылетела из ванной. В

тесном пространстве перед дверным проемом она врезалась в почтальона и на какое-то тошнотворное мгновение почувствовала голой кожей его затвердевшую плоть. Но в следующую секунду она уже очутилась в спальне, захлопнула за собой дверь навалилась на нее всем телом и целую вечность, наверное, возилась с защелкой замка. Глаза лихорадочно обшаривали помещение в поисках какого-нибудь оружия.

За дверью послышался звон упавшего ножа.

Очевидно, убивать ее он не собирается.

В таком случае, что ему нужно?

Упираясь плечом в дверь, Триш непроизвольно испустила отчаянный вопль. Она была слишком напугана, чтобы броситься к телефону, стоящему в противоположном углу. Дешевый дверной замок казался слишком хлипким, и если она оставит дверь хотя бы на секунду, он ворвется внутрь.

Внутрь.

Она закрыла глаза, стараясь не потерять сознание от страха.

– Убирайся из моего дома! – приказала она, но дрогнувший голос выдал ее слабость, – Убирайся сию же секунду!

– Ты этого хочешь, – спокойно произнес почтальон в ответ. – И ты знаешь, что этого хочешь.

– Пошел отсюда к чертовой матери! – заорала Триш. – Я вызываю полицию!

– Может, ты предпочитаешь получать почту сзади? – с грязной интимностью поинтересовался он.

– Помогите! – из последних сил закричала Триш. Она надеялась, что ее голос прозвучит громко и пронзительно, но крик больше походил на сдавленное рыдание, и Триш умолкла, не желая демонстрировать почтальону собственную слабость.

– Тебе нравится кровь? – продолжил почтальон тем же негромким, интимным тоном. Он стоял, по-видимому, плотно прижавшись к дверному косяку. Триш даже слышала шорох его сухих губ. – Любишь теплую, густую, соленую кровь?

– На помощь! – еще раз крикнула Триш, но это было уже откровенное рыдание. Послышался негромкий смешок почтальона. И звук расстегиваемой молнии.

– Ты знаешь, что этого хочешь, – повторил он.

Триш затаила дыхание.

Послышались негромкие шлепки.

Он развлекался сам с собой.

– Билли нравится получать почту и сверху, и сзади.

Эта фраза вдохнула в Триш новые силы. Горячая волна ярости окатила ее с ног до головы.

– Ах ты, сукин сын! Только посмей его тронуть!

В этот момент откуда-то из-за дома послышался голос Дуга:

– Триш! Триш!

Судя по частоте, с которой выкрикивались слова, и скорости приближения звука, Дуг явно бежал. Очевидно, что-то случилось. Триш уловила в голосе мужа оттенки страха и клокочущую ярость. Случилось несчастье.

Но она была рада, что просто услышала его голос. Она спасена. Что бы ни произошло. Дуг здесь и спасет ее.

– Сюда! – завопила она. – Я в спальне!

Она не слышала, как почтальон исчез, но тишина за дверью свидетельствовала о том, что в ванной его больше нет.

– Триш! – Муж взбежал на веранду. Грохнула входная дверь.

– Триш! – испуганно прокричал Дуг.

– Я здесь! – Она кинулась к нему, утирая слезы. – Я...

Триш осеклась, увидев в гостиной Дуга с сыном на руках. У нее перехватило дыхание.

Время остановилось. Тело мальчика безвольно обвисло на отцовских руках. На какую-то долю секунды перед глазами мелькнула сцена из «Франкенштейна». Она должна заставить себя действовать. Выйдя из транса, она бросилась вперед и прильнула ухом к груди сына.

– Что случилось?

– Я нашел его в форте, – монотонно, без тени эмоций заговорил Дуг. – Но почтальон нашел его раньше.

Только сейчас Трития обратила внимание, что Билли без штанов.

Дуг аккуратно уложил сына на диван. Лицо его было серым. Губы шевелились, пытаясь произнести какие-то слова, но Трития ничего не разобрала.

– Как только приедем в больницу я звоню в полицию, – так же монотонно продолжил Дуг. – И если они с этим не покончат, я сам его убью.

– Что случилось? – прикоснулась Триш дрожащими пальцами ко лбу сына.

– Не знаю. Он лежал на полу, примерно в такой же позе. Без штанов, трусы в крови... А рядом... Рядом – подвенечное платье.

– О Господи! – зажала руками рот Триш.

Дуг почувствовал, как по щекам текут горячие слезы.

– Видимо, он его изнасиловал.

– Надо срочно везти Билли в больницу! Я вызываю «скорую».

– К черту «скорую», нельзя терять ни минуты.

Трития обеими руками обняла голову сына.

– Нет, – пробормотал он. – Нет, не буду... Нет... Нет... Нет...

– Поехали! – распорядилась она.

Пока «бронко» мчался по кочковатой проселочной дороге. Дуг пытался собрать воедино обрывки скачущих мыслей: что ему следует сделать, что он может сделать, где он совершил ошибку, что бы он мог изменить, если бы предоставился такой шанс. На заднем сиденье время от времени постанывал Билли. Трития что-то нашептывала ему, стараясь успокоить. Дуг костерил себя за то, что их дом стоит так далеко от больницы.

Они миновали стоянку трейлеров и выскочили на асфальтированную дорогу. Шоковое состояние уже прошло. Его место теперь занимала клокочущая, беспредельная ярость, утолить которую могла исключительно месть.

Как только Билли возьмут в больницу, он отправится в полицию. И если полиция откажется что-либо делать, он сам найдет способ разделаться с почтальоном. И черта с два его что-нибудь остановит!

Городская больница Виллиса занимала низкое белое кирпичное здание, расположенное в самом центре города рядом с шоссе. Она находилась между пресвитерианской церковью и рядом типовых домов – останками одной из незавершенных программ развития городского жилищного строительства. Хотя больница Виллиса по уровню оснащения считалась лучшей в округе, при ней имелась даже вертолетная площадка для транспортировки тяжелых пациентов в Феникс или Флагстафф, сейчас она показалась Дугу маленькой, убогой и безнадежно устаревшей. Ну почему они не живут в крупном центре, где можно получить доступ к последним достижениям медицины?

Не снижая скорости, «бронко» влетел на специальную площадку для аварийных случаев и резко затормозил. Дуг выскочил из машины, чтобы открыть пассажирскую дверцу с другой стороны. Трития пулей влетела в подъезд, чтобы поскорее объяснить ситуацию дежурному врачу, а он осторожно взял на руки Билли и понес его следом.

Врач, санитар и две медсестры уже катили ему навстречу каталку. Дуг осторожно переложил сына на хрустящую медицинскую бумагу, которой был покрыт тоненький матрасик. Врач представился как Кен Максвелл. Он на ходу задавал вопросы, выясняя ситуацию, причем делал это с такой скоростью, что Дуг и Трития едва успевали адекватно реагировать. Остроликая женщина за столом регистратуры стала настаивать, чтобы кто-нибудь из родителей заполнил необходимые формуляры, но врач посоветовал ей заткнуться и дожидаться более подходящего времени. Санитар покатиł тележку по коридору. Остальные поспешили за ним.

Медсестры уже убежали вперед готовить смотровой кабинет.

Тележку подкатали к операционному столу посреди комнаты. Врач помог санитару переложить Билли на приподнятую платформу. Сначала он стетоскопом послушал у пациента сердце, потом приподнял ему веки и посветил узеньким фонариком в зрачки. Опытными движениями он щупал и мял тело Билли, но мальчик никак не реагировал, не стонал, не морщился, только продолжал едва слышно бормотать все те же слова, которые Дуг слышал в

форте.

Дуг облизнул пересохшие губы. Врач занят своим делом. Пожалуй, самое подходящее время пойти позвонить в полицию.

– Тут есть где-нибудь телефон? – спросил он у санитаря. – Я должен позвонить в полицию.

– В зале ожидания, – ответил парень.

Врач завершил первичный осмотр и проговорил что-то медсестре, потом поднял голову и посмотрел на Дуга и Триш.

– Мне надо провести более глубокое обследование, – сообщил он. – Сделать рентген и несколько стандартных тестов. – Медсестра вскрыла упаковку и протянула ему пару новых резиновых перчаток. – Поскольку вы являетесь его родителями, можете остаться, но наблюдать это вам будет тяжело. – Натянув перчатки, он опять взял в руки фонарик. Медсестры аккуратно перевернули Билли на живот.

Дуг увидел засохшую грязь на ягодицах сына и поспешил отвернуться.

– Я останусь, – твердо заявила Триш, слегка сжав ему ладонь. – А ты иди позвони.

Дуг медленно кивнул. Звонить в полицию действительно надо, но он был рад, что есть такой благовидный предлог уйти, и чувствовал себя несколько виноватым. Он знал, что ему тоже лучше остаться, но чувствовал, что не сможет смотреть, как врач будет обследовать сына.

Трития это поняла и деликатно намекнула, что все нормально. Но Дуг все равно чувствовал себя ужасно. Тут уже ничего не поделаешь, это в его натуре. Он не захотел присутствовать при родах, а когда Билли, совсем еще младенец как-то срыгнул ему на плечо, его самого вырвало.

Любые недомогания вызывали у Дуга тошноту и слабость, особенно когда дело касалось крови и функциональных расстройств. Он старался это перебороть, старался пересилить себя, но не мог совладать с реакциями собственного организма. Он даже неоднократно задумывался, не общая ли это черта всех отцов, из-за которой дети неосознанно чувствуют большую близость к матери и тянутся к ней, когда нуждаются в комфорте. Матери не так реагируют на какое-нибудь небольшое кровотечение или боль. Это для них не столь чужеродно, как для отцов.

Дуг посмотрел на сына, снова увидел присохшую грязь, красные полосы на попке, похожие на царапины...

– Нет, – пробормотал Билли. – Нет, нет, нет...

– Ну иди, – подтолкнула Триш мужа.

Врач склонился над Билли.

Дуг сжал ладонь Тритии и быстро вышел из комнаты. Он злился на самого себя. Когда Билли вместо уже привычного бормотания испустил резкий вздох, его передернуло. Дверь захлопнулась за спиной. Дуг выскочил в коридор, и направился в зал ожидания. По крайней мере, доктор явно знает, что делать. Он ни минуты не тратил зря, моментально среагировал на ситуацию, пресек в зародыше канцелярскую волокиту и проявил сочувствие к родителям пострадавшего. За что Дуг был ему очень благодарен. Несмотря на свое недавнее параноидальное предубеждение к больнице, он даже не сомневался, что его сын будет обеспечен максимально возможным врачебным вниманием.

Впрочем, гораздо больше времени и денег придется потратить на психологическую реабилитацию. Физическая сторона дела – скорее всего далеко не главное. Этот случай вполне может напугать Билли на всю жизнь. Ярость вновь закипела в душе Дуга. Она не уменьшилась ни на йоту. Им придется приложить все усилия и нити хорошего специалиста, который действительно сможет помочь Билли.

Но пока на очереди почтальон. Настало время расплаты.

Остролицая регистраторша из стеклянной будки следила, как он направился к телефону.

Дуг не обратил на нее ни малейшего внимания.

Он набрал номер телефона полиции и прикрыл глаза. Один гудок, второй, третий...

– Отделение полиции Виллиса, – послышался в трубке незнакомый голос.

– Будьте любезны, – прокашлялся Дуг, – я хотел бы поговорить с Майком Трентоном. – Собственный голос показался ему чужим.

– Кто ему звонит? – настороженно произнес мужчина.

– Дуг Элбин.

Наступила пауза. Спустя некоторое время к телефону подошел Майк.

– Почтальон вернулся, – не тратя времени на формальности, сообщил Дуг изо всех сил сжимая трубку.

– Я знаю.

– Майк, он напал на моего сына и угрожал моей жене. Я собираюсь до него добраться.

– Мы тоже собираемся до него добраться.

Он убил шефа.

Дугу потребовалось некоторое время, чтобы осознать новую информацию. Он ощутил холод и страх. Почтальон больше не крутился вокруг да около. Он больше не прикрывался правилами и инструкциями, не занимался такой ерундой, как письма. Он вернулся, чтобы убивать.

Но страх, охвативший Дуга, все равно бледнел по сравнению с силой его ярости.

– Мы обнаружили труп шефа пару минут назад, – пояснил Майк. – Что с вашим сыном? Он в порядке?

– Пока не знаем.

– Мы объявили всеобщий сбор. Выезжаем через десять минут.

– Подожди секунду, Майк, – проговорил Дуг, чувствуя предательскую слабость в ногах.

По коридору, придерживая рукой слетающий белый халат, бежала Трития. Она рыдала, щеки блестели от слез, и внезапно ощутив холодную пустоту в желудке, Дуг понял, что Билли умер.

Но когда жена подбежала ближе, стало ясно, что она плачет и смеется одновременно, рыдает и не может сдержать улыбки.

– Все в порядке! – выкрикнула она на бегу. – С ним все хорошо!

– погоди, Майк, не вещай трубку, – повторил Дуг в микрофон.

Оставив трубку болтаться на проводе, он кинулся к жене, схватил ее за руку и помчался обратно в смотровой кабинет. Билли по-прежнему лежал на животе, над ним навис большой, закрепленный на длинной штанге, рентгеновский аппарат. Врач стоял рядом.

– Все в порядке? – переспросил Дуг.

– Никакого физического вмешательства я не обнаружил, – сообщил доктор. – Билли серьезно пострадал от нервного шока, но никаких серьезных травм у него нет. Несколько царапин и ссадин. Я, разумеется, продолжу тестирование, но могу заверить – вам повезло.

– Значит, его не... – Дуг побоялся договорить.

– Никакого проникновения я не выявил, – спокойно проговорил врач, – хотя попытка нападения, безусловно, была.

– Но кровь на нижнем белье?..

– Это не его кровь.

Волна облегчения окатила Дуга. Он сжал в объятиях Триш, которая все рыдала и никак не могла остановиться. Доктор ободряюще улыбнулся и вернулся к прерванному занятию.

Пару минут спустя Дуг снова взял трубку.

– Майк! Ты еще здесь?

В трубке была тишина, прерываемая легким шорохом.

– Майк!

Что-то стукнуло. На том конце трубку подняли с какой-то твердой поверхности.

– Майк!

– Слушаю!

– Он в порядке.

– Слава Богу.

– Я хочу быть с вами.

– Я не могу...

– Майк!

Тишина.

– Майк!

– Хорошо, – уступил полисмен. – Как быстро вы можете до нас доехать?

– Как смогу. Дождитесь меня!

– Поторопитесь. Мы хотим взять его прежде, чем он покинет город. В вашем распоряжении пять минут.

– Черт!

– Ну ладно. Прошу прощения. Мы подождем.

– Спасибо. Через десять минут приеду.

– До встречи.

Дуг повесил трубку и пошел обратно в смотровой кабинет. Врач убирал шприц. Одна из медсестер накрывала простыней Билли.

– Отвезите его в палату, – приказал врач. – Сейчас ему надо поспать, – пояснил он Дугу и Тритии. – Вам тоже не мешало бы отдохнуть. Завтра утром, когда он проснется, вы должны быть рядом.

– Я останусь здесь, – заявила Триш.

– Мы поставим кресло в его палате, – кивнул врач. – Или даже кушетку, если хотите.

Трития посмотрела на Дуга, который обнимал ее за плечи.

– Они поймают его?

– Мы отправляемся за ним немедленно.

– "Мы"?

– Мы.

Врач, санитар и медсестры хлопотали вокруг Билли.

– Следи за ним, – проговорил Дуг, крепко обнимая жену. – Позаботься о нем.

– Куда ты собрался? – вздрогнув, спросила Триш. – Что ты хочешь сделать?

– Мы встречаемся у отделения полиции.

Потом едем на почту.

Они прошли за медсестрами и санитаром в большую палату со сдвоенными кроватями и цветным телевизором, куда отвезли крепко спящего Билли. Дуг достал бумажник, вынул листок и продиктовал Тритии всю информацию, касающуюся проблем со страховкой. Она пообещала обо всем позаботиться.

Потом вышла проводить его в холл.

– Будь осторожней! – напутствовала она мужа. Раздвижные стеклянные двери закрылись у него за спиной.

45

Дуг вбежал в здание полиции. В глаза моментально бросилась изменившаяся обстановка. Никто не работал, не разговаривал, не двигался. Полицейские молча топтались в центре приемной и явно не знали, что делать. Майк, судя по всему, принял командование на себя.

Хотя в отделении были один или двое сотрудников старше его по званию, он единственный сохранил способность соображать ясно и разумно. В данный момент он разговаривал по телефону, видимо, с кем-то из непосредственного начальства в Фениксе.

Еще Дуг заметил, что на каждом столе лежат стопки нераспечатанных писем. Но к ним боялись даже прикасаться, не то что читать.

Майк положил трубку и поспешил к Дугу.

– Ну наконец-то. Как ваш сын?

– Все нормально, – кивнул Дуг.

– А ваша жена?

– Нормально.

– Хорошо. – Майк протянул Дугу конверт, который держал в руке. – Прочтите.

На листе бумаги жирным карандашом была коряво выведена одна фраза:

ВАШИ УСЛУГИ БОЛЬШЕ НЕ ТРЕБУЮТСЯ

Ни даты, ни подписи.

– Мы обнаружили это в руке у шефа.

– Где?... – начал Дуг.

– Пойдемте. – Майк быстрым шагом двинулся через холл к запертому кабинету в дальнем конце коридора. Открывая дверь, он предупредил:

– Соберитесь с духом.

Кэтфилд сидел за столом, лицом к двери.

Точнее говоря, тем, что осталось от его лица.

Вся стена за ним была покрыта густыми желто-красными потеками. Выстрел из дробовика, лежащего сейчас на столе, снес всю верхнюю часть черепа шефа полиции. Из кровавой каши, заполнившей то, что еще недавно было ртом, дико торчали зубы нижней челюсти.

– О Господи, – выдохнул Дуг. – Вы меня ждали?

– Нет, – признался Майк. – Просто не хотелось спорить. Мы уже были на почте. Никого там не обнаружили. Сейчас пятеро моих людей и шесть добровольцев прочесывают город.

– А у Ховарда дома были? Он вроде бы живет там.

– Вот сейчас мы туда и направимся.

– Тогда поехали, – нетерпеливо проговорил Дуг, покидая кабинет шефа полиции.

* * *

Машины почтальона перед домом Ховарда не было, но две полицейские легковушки и два пикапа на всякий случай перекрыли улицу с обеих сторон, исключая любую возможность бегства. Дом выглядел еще хуже, чем в последний раз, когда Дуг приезжал сюда. Краска не облезла, крыта не провалилась, но дом оставлял впечатление такой ветхости, что казалось, произошло и то, и другое. Газон представлял собой бурые заросли сорняков.

Все вышли из машин и двинулись к дому.

Впереди шли два полисмена с оружием наготове. Жители соседних домов на улице не показывались. Неясно было, уехали они, умерли или просто боятся высовываться.

Полисмен нажал кнопку звонка, потом забарабанил в дверь. Ответа не последовало. Тогда при помощи отмычки замок открыли, и все вошли внутрь.

В доме царил абсолютный мрак. Единственным источником света служил дверной проем. В Тяжелом неподвижном воздухе плавал густой запах разложения и гнили. Дуг изо всех сил зажал пальцами нос, пытаясь избавиться от этой вони. Он огляделся. Лестничная площадка показалась ему уже, чем раньше, стена – грубее.

Он протянул руку, чтобы потрогать ее. Пальцы нащупали плотную бумагу.

– О Боже, – прошептал он.

Вдоль всей стены, от пола до потолка, занимая каждый квадратный дюйм площади, заслоняя все окна, громоздились стопки писем. Конвертов было так много, что они спрессовались и стали выполнять функцию внутренней стены.

Двое полисменов отправились к машине за фонарями. Все остальные, не двигаясь с места, терпеливо ждали их возвращения. Глаза Дуга постепенно привыкли к темноте. Он уже мог рассмотреть обстановку гостиной. Судя по всему, мебель осталась нетронутой. Диваны и столы стояли на своих местах, но все остальные стены были полной копией той, на которую он наткнулся у входа. А стопки писем на полу посередине комнаты представляли собой объемные скульптуры пирамидальных и прочих геометрических форм.

Мощные галогеновые лампы полицейских фонарей разогнали мрак и позволили как следует рассмотреть жилище Ховарда. Целенаправленное помешательство почтальона предстало теперь перед ними в полном объеме. Дуг разглядывал стены из подобранных по цвету и формату конвертов и почему-то вспоминал ацтеков, инков или майя, словом, представителей древней индейской цивилизации, которые умели подгонять камни один к другому с такой тщательностью, что их сооружения без извести и цемента сохранились до настоящего времени.

Они медленно двинулись вперед.

– Мистер Смит! – громко произнес Майк. – Мистер Смит вы здесь?

В доме стояла гробовая тишина, не считая звука шагов и дыхания полицейских. Они миновали гостиную, общую комнату столовую, кухню... Все помещения были отмечены теми

же безумными инновациями почтальона. По мере продвижения вперед жуткий тошнотворный запах становился сильнее. Майк, оказавшийся впереди, толкнул дверь, ведущую в спальню.

И обнаружил Ховарда.

По интенсивности зловония, тошнотворно едкой смеси запаха желчи, газа и фекальных масс было ясно, что труп Ховарда уже давно начал разлагаться, но, как ни странно, его лицо отлично сохранилось. Почтальон жирно намазал губы Ховарда красной помадой. Веки широко распахнутых остекленевших глаз – синими тенями. Мертвенно бледные провалившиеся щеки – густыми румянами. Волосы почтмейстера продолжали расти после смерти, так что на голове у него теперь красовался закрученный женский пучок, удерживаемый в нужном положении жирным косметическим кремом.

Ногти на руках и ногах тоже отросли до невероятной длины. Их почтальон тоже раскрасил ярко-красным цветом.

Ховард сидел в кресле посередине комнаты. Глаза уставились в неработающий экран телевизора – единственный, не считая кресла, предмет обстановки в спальне. На полу валялись засохшие корки хлеба, обертки шоколадок «Твинки» и скелеты крыс.

Майк взял у одного из полицейских радиопередатчик, сообщил патрульной машине об ужасной находке и потребовал вызвать в дом Ховарда coronera, как только тот завершит свои дела у бывшего шефа полиции.

Дуг вышел из спальни, миновал холл, гостиную и вышел на улицу перевести дух. От тяжелого запаха гниения кружилась голова, а зрелище того, что случилось с почтмейстером, вызывало мучительные желудочные спазмы. Одна половина сознания требовала вернуться, схватить за шкурку Майка и бросить ему в лицо: «Я же тебя предупреждал!» – но другая твердила, что это глупо, по-детски, и сейчас совсем не время для подобных выходов.

Он стоял на иссохшем газоне, подняв голову к небу, и глубоко дышал. Дело близилось к вечеру. Солнце опускалось все ниже, тени вытягивались, густели. В других городах штата, в городах всей страны люди садились ужинать, беседовали, смотрели новости. Но здесь такая обычная жизнь казалась уже историей.

Он ощутил у себя на плече чью-то руку. Майк.

– Патрули сообщают, его не нашли. У вас есть соображения, где он может быть?

«У ручья», – хотел сказать Дуг, но увидел над горизонтом бледное пятно восходящей луны и тут же вспомнил безумные пляски торжествующего почтальона.

– Я знаю, где он, – уверенно заявил Дуг, глядя в глаза молодому полисмену. – Собирай всех. Всех до единого. На этот раз мы не дадим ему уйти.

– Он никуда не уйдет, – негромко произнес Майк, похлопал Дуга по плечу и вернулся обратно в дом. Дуг слышал его голос, но не мог разобрать ни слова. Спустя несколько секунд послышался звук торопливых тяжелых шагов.

Полицейские спешили к машинам.

* * *

Лучи заходящего солнца окрасили скалы оранжевым цветом. Деревья на этом фоне смотрелись высокими черными треугольниками. На западе, низко над горизонтом, показалась Венера. На востоке восходила луна, она становилась все ярче. Караван машин медленно двигался по узкой дороге. Далеко внизу обманчиво спокойно мигали городские огни. Они словно пытались убедить кого-то, что в таком маленьком, тихом и сонном месте ничего особенного произойти не может.

Дуг ехал с Тимом в пикапе. За всю дорогу к вершине они не обменялись ни словом. Радио тоже выключили. Единственными звуками были шум двигателя да поскрипывание машины, переваливающейся на ямах и рытвинах горной дороги. В зеркало заднего обзора Дуг видел кавалькаду патрульных автомобилей, двигающихся вплотную друг к другу. В той, что шла сразу за ними, ехал Майк. Колонну замыкал второй пикап. Как только их машина достигла гребня горы, Дуг дал команду Тиму остановиться и помахал в окно Майку, чтобы остальные сделали то же самое.

Все выбрались из кабин. Вечерний холод напоминал о приближении осени. На

безоблачном небе в светлом дымчатом ореоле сиял лунный диск.

– Почему мы остановились? – спросил Майк.

Дуг прижал палец к губам, требуя тишины, и пояснил шепотом:

– Дальше пойдем пешком. Если он услышит звук двигателей, то смоемся раньше, чем мы его увидим.

– Ну что ж, – кивнул Майк. – Тогда ведите нас.

* * *

Они медленно шли по крутой ухабистой дороге, полицейские – с оружием наготове, все нервно-напряженные, готовые среагировать на малейшее постороннее движение. Миновали заросли толокнянки, оставили в стороне непроходимый колючий кустарник.

И услышали это. От знакомых ритмичных звуков монотонного песнопения Дуга начала бить крупная дрожь. Тонкие волоски на руках встали дыбом.

Он обернулся. Майк кивком головы показал, что надо идти дальше. Низко пригибаясь, они продолжали молчаливое, бесшумное восхождение до тех пор, пока не очутились на краю поляны. Дуг остановился.

Почтальон, как и в прошлый раз, исполнял свою безумную пляску: свободно болтающиеся руки взлетали и опускались, ноги, подчиняясь какому-то своему ритму, выделявали замысловатые па.

И та же декламация.

«Ни дождь, ни снег, ни лед, ни град...»

Выйдя на поляну. Дуг задрожал сильнее. На этот раз его сопровождали десять взрослых мужчин, но он испытывал такой ужас, словно должен был встретиться с почтальоном один на один.

Почтальон продолжал свою пляску. Выглядел он невероятно тощим и при свете луны смахивал на призрак с красными фальшивыми волосами.

– Стоп, – прошептал Майк и знаком велел остальным подойти поближе. – Теперь окружаем его. Вниз по скале ему не спуститься, так что он в наших руках. – Полисмен взглянул на Дуга, потом продолжил, обращаясь к коллегам. – Он не вооружен, но опасен. Если что – стрелять, не раздумывая.

Все молча кивнули.

– Вперед!

Полицейские растянулись в цепь. Только легкий шелест травы и кустарников выдавал их движения. Но и тот был едва различим за громким песнопением почтальона. Дуг держался рядом со своим бывшим учеником. Увидев, что все заняли свои места, Майк двинулся вперед.

Цепь тоже пришла в движение.

Почтальон заметил их приближение, но никак не отреагировал. Не остановившись ни на мгновение, он продолжал выбрасывать руки вверх – к серебряному лунному диску.

– Вы арестованы, – громко произнес Майк.

Почтальон только рассмеялся и завел новую песнь:

– Ни мужчины, ни женщины, ни град пуль не остановят почтальона, совершающего ежедневный обход.

Майк сделал еще несколько шагов. Дуг не отставал. Цепь неумолимо сжималась.

Почтальон, не прекращая своего танца, начал отступать между валунами, усеивающим поляну, к краю скалы.

– Я приказываю вам остановиться, – проговорил Майк.

Почтальон продолжал смеяться, танцевать, декламировать:

– Ни мрак ночной...

Он почти добрался до края обрыва. Полицейские взяли его в плотное полукольцо, которое продолжало и продолжало сжиматься до тех пор, пока все не оказались с ним рядом.

И тут почтальон прекратил свой танец. На лице его не было ни капельки пота, даже дышал он нормально.

– Билли такой милый мальчик, – улыбнулся он, глядя в глаза Дугу. – Очень милый

мальчик!

– Руки за голову! – приказал Майк.

– Зачем, офицер?

– Руки вверх!

– У вас нет оснований.

– У нас есть основания!

Почтальон усмехнулся и обвел взглядом окруживших его полицейских.

– Негодяи, – негромко произнес он.

– Немедленно руки за голову! – повторил Майк.

– Негодяи, – спокойно откликнулся почтальон. Развернувшись, он быстро и уверенно, перепрыгивая с камня на камень, направился к самому краю отвесной скалы.

Майк дал предупредительный выстрел в воздух. Почтальон остановился.

– Еще одно движение, – предупредил полицейский, направив пистолет ему в грудь, – и я вас пристрелю. Понятно?

Дуг не знал, насколько решительно настроен Майк, но почтальон больше не двигался.

– Тим, – произнес Майк, – надень ему наручники.

Тим кивнул и вышел вперед. Расстегнутые наручники он держал в руке.

– Мистер Смит, – заговорил он, – вы арестованы по обвинению...

Закончить фразу ему было не суждено. Почтальон выбросил вперед руку и, прежде чем Хиббард успел отреагировать, дернул наручники на себя. Тим рванулся вперед, но почтальон мгновенно сделал шаг в сторону и одним точным движением отправил молодого полицейского дальше – за край обрыва. Вопль ужаса оборвался почти мгновенно. Дуг услышал стук бьющегося о камни тела. Затем эхо вернуло крик, и наступила полная тишина.

– Следующий, – пригласил почтальон.

Дальнейшее произошло буквально за доли секунды. Дуг даже толком не сообразил, в чем дело.

Перед почтальоном в боевой стойке, держа пистолет двумя руками, вырос Джек Шипли. Ствол пистолета был нацелен прямо в обтянутую синей униформой грудь. Бледная рука снова метнулась вперед, к оружию.

Джек выстрелил.

Пуля попала почтальону в сердце. Из огромной раны хлынула струя крови. Сила удара отбросила его назад, но почтальон все равно ухитрился схватиться за ствол. Одним движением он увлек Джека за собой – в пропасть.

Полисмен не успел ни крикнуть, ни оказать сопротивления. Почтальон, крепко сжимая Джека в объятиях, исчез за краем обрыва.

Снова раздался глухой стук падающих тел. Но Дугу показалось, что за мгновение до падения окровавленные губы почтальона искривились в довольной улыбке.

Все подбежали к краю обрыва и принялись всматриваться вниз. Отвесный склон скалы терялся во мраке. Кто-то из полицейских достал припасенные фонари.

Пересекающиеся яркие лучи почти сразу наткнулись на неподвижное, изломанное тело Джека.

Они продолжали исследовать склон, дюйм за дюймом высвечивая обрыв и подножие скалы, где могли лежать другие тела. Тима нашли быстро. Череп раскололся от удара об острый край камня, руки, вывернутые под немыслимым углом, были явно сломаны в нескольких местах.

Свет фонарей выхватывал из мрака камни, кусты, кроны и стволы деревьев...

Дуг не произнес ни слова. Остальные тоже молчали, словно всех посетила одна и та же мысль, которая напугала их до смерти.

Лучи фонарей продолжали метаться вдоль и поперек склона, обшаривали каждый квадратный дюйм...

Но все видели только два трупа.

Почтальон исчез.

Дуг сидел на крыльце и смотрел на часы.

Было уже за полночь. Прошло четыре часа с тех пор, как он оставил Триш в больнице. Он тоже хотел остаться, но дежурный врач, сменивший доктора Максвелла, сказал, что ночевать разрешается только одному из родителей.

Дуг отправился домой один.

С горы он уехал в сопровождении Джеффа Брикмана, который направился в отделение, чтобы скоординировать действия полиции, пока остальные будут гадать, как извлечь снизу тела своих погибших товарищей. Джефф собирался связаться с шерифом округа или с полицией штата, и Дуг очень надеялся, что ему это удастся. В настоящее время полицейскими по-прежнему руководил Майк, но они все выглядели явно растерянными, поскольку привычная иерархия руководства оказалась нарушенной, и превратились чуть ли не в соломенные чучела от осознания груза свалившейся на них ответственности. То, что даже специально обученные, тренированные люди, могут растечься буквально на глазах, очень напугало Дуга. Он был рад снова оказаться за рулем своего «бронко».

Интересно, чем сейчас занимается полиция?

Он даже хотел позвонить в отделение, но потом передумал.

Допив пятую бутылку пива. Дуг посмотрел на небо. Высоко над головой, с запада на восток перемещалась яркая светящаяся точка. Спутник. Немного ниже мигали цветные огоньки самолета.

За пределами Виллиса мир продолжал вести свою обычную жизнь.

Он звонил Тритии каждые полчаса, но жена твердила, что все остается без изменений. Билли спит крепким сном. Последний звонок явно ее разбудил, и она раздраженным тоном попросила его больше не беспокоиться. Если что-то произойдет, она позвонит сама.

Не беспокоиться.

Может быть, она винит его за то, что произошло.

Дуг полулежал в мягком кресле без движения, без мыслей, готовый медленно погрузиться в сонное состояние, когда внезапно почувствовал, что вокруг что-то изменилось. Что-то было не так. Дуг выпрямился и насторожился. Сон как рукой сняло. Первое, на что он обратил внимание, – умолкли цикады. Наступила полная тишина. Ни единого звука.

Нет, один звук все-таки был.

Со стороны дома Нельсонов послышалось негромкое урчание приближающегося автомобиля.

Дуг застыл, не в силах пошевелиться.

Звук приближался. В полной тишине он становился все громче и громче. Мелькнула мысль убежать, спрятаться, скрыться в доме, запереть все двери, опустить шторы, но Дуг остался на месте.

Затем перед почтовым ящиком остановилась хорошо знакомая красная машина.

Почтальон должен быть мертв. Дуг своими глазами видел, как пуля попала ему в сердце, видел, как он свалился со скалы. Почтальон должен быть мертв.

Дуг уставился на красную машину. Боковое стекло опустилось. Из мрака салона высунулась бледная рука, положила в почтовый ящик конверт, затем насмешливо качнулась из стороны в сторону, и машина покатила дальше.

Спустя несколько секунд снова затрещали цикады.

Дуг немного успокоился, но продолжал сидеть на веранде. Он даже не пошевелился. Почтальона нельзя убить. Он не может умереть.

Они не в состоянии с ним бороться. Дуг попробовал обратиться к Богу, с которым не общался десятилетиями, но на другом конце линии царило молчание.

Пять часов спустя, когда на востоке порозовело небо, он еще не спал.

47

Перед выходом Дуг позвонил в больницу, но Билли еще не проснулся. Это хорошо. Он успеет подъехать и окажется рядом с сыном, когда тот откроет глаза.

Трития с затуманенным взглядом сидела рядом с кроватью Билли. Она спала не раздеваясь, поэтому ее одежда выглядела жеванной, а от прически не осталось и следа. Дуг подошел и крепко обнял жену.

– Ты похож на черта, – сообщила она.

– Да и ты не лучше.

Во сне черты лица Билли разгладились, он выглядел спокойным и отдохнувшим, словно ничего не произошло. Но ему уже никогда не стать прежним Билли. Никогда не стать прежним.

– Он вернулся, – заговорил Дуг. – Я имею в виду почтальона. Я видел его сегодня ночью. Он привез нам почту. – Вчера Дуг сказал Триш, что почтальон убит выстрелом в грудь, оставив за кадром то, его тело не найдено. Он надеялся, что ночью полицейские просто его не заметили, что фонари не высветили все расщелины и укромные уголки под валунами или что почтальон ухитрился отползти куда-нибудь подышать.

– Он умер и вернулся? – побледнела Триш.

– Или не умирал вовсе.

Жена сразу сникла, лишившись остатков мужества.

– Значит, так тому и быть.

Билли потянулся, зевнул и застонал во сне.

Дуг присел на кровать и положил ему на лоб руку.

Он терялся в догадках, почему Джон Смит ничего не сделал ни Триш, ни Билли физически. С самого начала почтальон преследовал его и его семью, но когда он добрался до Триш и Билли, когда они практически оказались в его власти, он, условно говоря, не тронул их пальцем.

Может, он не в состоянии ничего с ними сделать?

– Нет – вскрикнул Билли и резко сел на постели. – Нет!

Дуг обхватил его за плечи и уложил обратно.

– Все хорошо. Билли, – мягко проговорил он. – Все в порядке. Ты в безопасности. Ты в больнице. Все позади. Успокойся.

Мальчик смотрел на него глазами загнанного кролика.

– Мы с тобой. Все нормально.

Трития наклонилась и тоже обняла Билли.

– Мы с тобой, – проговорила она и всхлипнула – Мы с тобой. Все будет хорошо.

Дуг держал сына за руку и чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

– Мама? Папа? – неуверенно произнес мальчик.

– У вас все в порядке? – раздался сзади голос врача. – Ну, как ты себя чувствуешь? – обратился он к Билли.

– Разбитым, – коротко откликнулся мальчик.

– Это действие транквилизаторов, – пояснил врач, обращаясь к родителям. – У тебя сейчас что-нибудь болит?

Билли отрицательно мотнул головой.

– Это хорошо. – Улыбнувшись, врач продолжал:

– Я хочу провести еще несколько тестов, но не сейчас, а когда у тебя появится настроение.

А пока оставляю тебя с родителями, хорошо?

Билли кивнул.

Врач улыбнулся Дугу и Тритии, поднял большой палец, показывая, что все отлично, и вышел из палаты.

Оставшись втроем, они некоторое время молчали.

– Ты помнишь, что произошло? – наконец спросил Дуг у сына.

– Дуг! – тут же одернула его Триш.

– Помнишь?

– Оставь его в покое!

Билли моча кивнул, не в силах глядеть на родителей.

– Он тебе сделал больно? – продолжал Дуг.

Билли отрицательно покачал головой.

– Он не мог ко мне прикоснуться. Хотел, но не мог.

- Кровь бросилась в голову Дугу.
– Что ты имеешь в виду – не мог?
– Ну не мог до меня дотронуться.
– Почему?

Билли приподнял голову, чтобы посмотреть на отца, но тут же закрыл глаза от стыда и смущения.

- Я не знаю.
– Подумай.
– Дуг! – опять подала голос Триш.

– Он пытался всучить мне письмо, – прошептал Билли. – Хотел, чтобы я прочел его, и очень разозлился, когда я отказался. Он сказал, что это... Приглашение. Мне показалось, он меня ударит, но, похоже, он... он просто не смел до меня дотронуться. Будто что-то его удерживало. Он начал кричать на меня, обзывать по всякому, угрожать, но я не взял его приглашение. Он просто взбесился, но не прикоснулся ко мне.

- Тебе слишком много досталось, – заговорила Трития. – Неудивительно, что...
– Дай ему договорить, – оборвал ее Дуг и подбадривающе кивнул сыну. – Продолжай!
– Это все.
– Он до тебя не дотронулся?

Билли утвердительно кивнул.

- А как же одежда?

Билли спрятал лицо в подушку.

- Я устал, – проговорил он, не поднимая головы. – Хватит меня допрашивать.
– Как насчет одежды?
– Он хотел, чтобы я одел это, понятно?

- Ну хорошо, – погладил сына по плечу Дуг. – Хватит. Отдыхай.

Уставившись взглядом в изголовье больничной койки, он попытался вспомнить, видел ли когда-нибудь, чтобы почтальон к кому-нибудь прикасался. И не мог вспомнить.

Так вот почему его нельзя было уличить ни в одном из этих ужасных убийств. Он никогда не совершал их собственноручно. Ронда и Берни сами наложили на себя руки, равно как и Айрин. Стокли и Хоби довели себя до смерти.

Как это ни трудно вообразить, Элен Ронду изнасиловала и убила с помощью бейсбольной биты Жизель Бреннан.

Джон Смит только направлял их действия с помощью писем.

Письма – единственная сила почтальона.

Как говорил Ховард? По воскресеньям почтальон словно впадает в спячку и не выходит из своей комнаты? А в понедельник выглядит усталым, словно болел? Дуг вспомнил, каким бледным и слабым выглядел почтальон после празднования Четвертого июля.

Он должен разносить почту, чтобы жить.

Трития оттолкнула Дуга и принялась гладить сына по голове.

– Какая муха тебя укусила? – сердито заговорила она. – Решил, что он пережил недостаточно, надо еще заставить вспоминать все снова?

– У меня появилась мысль, – ответил Дуг. – Кажется, я догадался, как можно избавиться от почтальона.

Триш посмотрела ему в лицо, и в глазах ее сверкнула искорка надежды.

- И как же?

- Полное безумие, и скорее всего ничего не получится.

– Если не получится, уедем в Феникс и больше никогда сюда не вернемся. – Триш помрачнела. – Если, конечно, он не последует за нами. – Так что у тебя за идея?

- Мы должны перекрыть ему источник энергии. Нужно отказаться от почты.

- Что?!

– Это единственный способ, которым он может нас достать. Слышала, что сказал Билли? Почтальон не мог до него дотронуться. То же самое и с тобой. К тебе же он тоже не прикоснулся, верно?

Трития с тошнотворной четкостью вспомнила свои ощущения, когда, рванувшись из

ванной, наткнулась на твердый бугор под брюками почтальона. И медленно покачала головой из стороны в сторону.

– Вот видишь! Все, что он может, – манипулировать кем-то с помощью писем. Именно так! Если мы убедим людей перестать читать и отправлять письма, мы от него избавимся. Но это надо сделать всем вместе. Всем городом.

Иначе мой план не сработает.

– Я разговаривала с медсестрой, – сообщила Триш. – Мне кажется, с этим особой проблемы не будет. Все понимают, что происходит.

Все напуганы до смерти и сделают что угодно.

– Надо постараться оповестить всех как можно быстрее. Я позвоню в полицию и знакомым учителям. Хорошо, если бы удалось сегодня вечером организовать собрание жителей города.

– Сегодня вечером – слишком рано. Молва с такой скоростью не разносится, – услышали они голос Кена Максвелла, который стоял на пороге палаты. Подойдя ближе, доктор добавил:

– Я понял вашу идею, и вполне разделяю ее.

– Спасибо, – улыбнулся Дуг.

– Думаю, собрание имеет смысл назначить на завтрашний вечер. Сам я не смогу присутствовать, большинство моего персонала – тоже, но вы могли бы встретиться с ними раньше. Думаю, они вас поддержат. – Он поглядел на Билли, который по-прежнему лежал, уткнувшись лицом в подушку. – Мы должны остановить его.

– Если его можно остановить, – заметила Трития.

– Думаю, можно, – сказал Дуг.

Голос Билли прозвучал глухо, но четко:

– Я тоже думаю, можно.

Дуг взял руку Триш и крепко сжал ее.

48

На собрание они приехали вместе. Трития хотела остаться с Билли, но Дуг сказал, что ему может понадобиться ее помощь, а после собрания они вместе вернутся в больницу.

Предыдущую ночь они оба провели с сыном.

Несколько раз за ночь его мучили такие кошмары, что Дуг будил его. Тем не менее, утром Билли проснулся в хорошем настроении и даже попросил себе завтрак. Ближе к середине дня выглядел он уже вполне нормально.

Доктор Максвелл связался по телефону со своим приятелем, психиатром, специализирующимся на детских травмах, и тот согласился приехать завтра и посмотреть Билли.

Может, все образуется.

По дороге на собрание они проехали мимо здания почты. С тех счастливых времен, когда здесь работали Ховард Кроуэлл и Боб Ронда, когда весь город заглядывал сюда, чтобы приобрести марки или отправить корреспонденцию, маленькое здание кардинальным образом изменилось. Оконные стекла выбиты, зияющие глазницы рам наспех заделаны изнутри вкривь и вкось наклепленными полосами бумаги. Бетонные ступеньки усеяны грязными, рваными конвертами. Тут же – куски разбитой сортировочной машины. У ограничительной линии прямо перед зданием свалены в кучу почтовые ящики с задранными к небу стальными ногами – по одной у каждого.

И на каждой ноге нанизана отрубленная собачья голова. Остекленевшие глаза животных пялились в пространство.

Обезглавленные тушки собак, штук десять – пятнадцать, валялись на пустынной стоянке для автомашин.

От этого зрелища Дуг содрогнулся. Он был уверен, что почтальон находится внутри здания. Может, даже наблюдает за ними в данный момент. Внезапно он начал нервничать. Может, не стоило брать Триш с собой? Может, лучше было бы оставить ее охранять Билли?

Нет, с Билли все будет в порядке. Больничный персонал и доктор Максвелл о нем

позаботятся.

Улица перед школой уже была запружена автомобилями. Кто-то открыл спортзал, включил свет и впустил туда публику. Дуг остановил машину поодаль. Они с Триш предпочитали пройти лишние десять метров, чем искать место для стоянки, теряя время. В дверях с ними поздоровался Майк, который сообщил, что прибыли практически все, кто мог. Полиция специально два дня объезжала город, оповещая о предстоящем собрании.

Поблагодарив его, Дуг вошел в спортзал и начал проталкиваться сквозь толпу. Они с Тритией остановились у дверей мужской раздевалки. Сидячих мест, расположенных по периметру зала, осталось совсем немного. – «Да, всем здесь просто не поместиться, – подумал Дуг. – Многим придется стоять или сидеть на полу».

Он огляделся, пытаясь понять настроение публики. Люди держались скованно, постоянно переговаривались между собой. Они чувствовали себя неловко. Почтальон поработал на славу.

Письма, содержащие ложную информацию, выдуманные эмоции, смогли расколоть многолетние дружеские связи, знакомства, испортить человеческие отношения. Теперь это стало ясно как божий день. Все поняли, что письма, полные злобы и ненависти, грязных намеков и слухов, были посланы отнюдь не друзьями и знакомыми, а почтальоном, который своей злобной волей заставлял людей писать их.

Конечно, отношения, сформировавшиеся за этот непростой и весьма продолжительный период, в один момент не изменишь. Именно поэтому в атмосфере зала витало весьма ощутимое напряжение. Вспыхивали споры. На одной скамье внезапно начался маленький показательный матч, который, однако, быстро остановил полицейский.

А люди все прибывали и прибывали. Люди, которых никто никогда бы не заподозрил в гражданской активности, люди, которых Дуг даже не знал в лицо, рассаживались на скамьях. Среди них были одинокие мужчины в пропыленных шляпах и ковбойских ботинках, вычурно одетые пожилые супруги, пижонистые юные парочки, большие семейства с детьми.

К восьми часам, к назначенному времени, спортзал оказался набит битком. Оглядывая собравшуюся толпу, Дуг испытывал некоторое потрясение. Его не смущала необходимость выступать перед таким количеством народа. Как-никак, он учитель и имел большой опыт публичных выступлений. Смущала его собственная решимость взять на себя ответственность и давать указания такому количеству народа.

В тесных рядах собравшихся он видел знакомые лица коллег-учителей, членов городского совета, полицейских, начальника пожарной охраны. Эти мужчины и женщины, по долгу службы обязанные уметь справляться с общественными кризисами, в сложившейся ситуации не знали, что делать, и ждали от него совета.

Мысль эта испугала Дуга, и пугала все больше по мере того как он видел выражение тревоги и надежды на лицах совершенно незнакомых людей, слышал нервное бормотание взрослых и детский плач.

Спортзал уже казался ему тесным и душным, спертый воздух наполнился запахами пота. Трития сжала ему ладонь, деликатно давая понять, что верит в него и надеется.

Именно этот жест влил в Дуга дополнительную энергию, которой не хватало, чтобы выйти на блестящий пол в центре зала.

Он твердил себе, что беспокоиться и волноваться незачем. Он предлагает всем выход из кризиса потому, что должен так поступить, ведь только он знает, что нужно сделать. Он должен настроиться позитивно и отбросить сомнения.

Слишком велика ставка. Они должны бороться с почтальоном, используя все имеющиеся средства, собрав всю свою веру и решительность.

Им придется это сделать – или погибнуть.

Толпа моментально стихла. Ему даже не пришлось поднимать руку. Разговоры прекратились, родители шикнули на своих расхныкавшихся малышей. Тишину в зале нарушал только плач нескольких младенцев.

– Вы все хорошо знаете, зачем мы здесь собрались, – начал Дуг. – Мы собрались для того, чтобы избавить наш город от тирании почтальона. Он держал нас в заложниках целое лето, использовал письма, чтобы натравливать всех друг на друга. Он лишал нас бытовых удобств, ломал наши жизни, разрушал дружеские отношения. Он убивал – и прямо и косвенно, и в

результате довел город до этого состояния. – Дуг махнул рукой, как бы обводя пространство за стенами зала. Публика хранила молчание. Ему удалось завладеть их вниманием. – Многим из вас это, может быть, неизвестно, но вчера вечером мы нашли Ховарда Кроуэлла. В его собственном доме. Мертвым.

По толпе прокатился гул.

– Дарлу мою тоже убил! – на грани истерики выкрикнул Дэвид Адамс. – Наобещал ей всего! Наврал обо мне и заставил... Заставил ее... – дальше говорить он не мог.

– Этот сукин сын разрушил мой бизнес! – подал голос Хант Джеймс. – И доктору Эллиоту! Он распространял о нас гнусные слухи, а эти козлы ему верили! – Мужчина махнул рукой в сторону окружающих.

Теперь уже несколько человек кричали одновременно, люди вскакивали, вопили, визжали, требуя внимания.

– ...Он знал, как плохо у моей матери с сердцем!

– ...Мы всегда вовремя платили по счетам! Всегда!

– ...Никогда в жизни и мухи не обидел!

– ...Посылать такие вещи по почте незаконно! Эти видеопленки! А эти резиновые...

Дуг поднял руку, призывая всех успокоиться.

Потребовалось несколько секунд, чтобы публика уgomонилась. Он заговорил снова.

– Мы должны освободить от него наш город. Мы должны изгнать его!

– Петлю ему на шею, и все дела! – выкрикнул кто-то.

– Линчевание тут не поможет, – покачал головой Дуг.

Из передних рядов встал Трил Эллисон, владелец фирмы «Пиломатериалы Эллисона». Даром красноречия этот мужчина не обладал, поэтому тут же начал нервно переступать с ноги на ногу и озираясь по сторонам. Рядом с ним сидели его сыновья – Деннис и Тед, – которые в прошлом семестре занимались у Дуга английским.

– Что представляет из себя этот почтальон? – прокашлявшись, спросил Трил.

Этот вопрос вертелся на языке у каждого, и Дуг только собрался на него ответить, как откуда-то с верхних рядов раздался истерический женский голос:

– Это дьявол!

Незнакомая Дугу пожилая женщина, которая выкрикнула это, вскочила и затараторила:

– Наш единственный выход – молиться! Просить Господа нашего Иисуса Христа помиловать нас и молить Его, чтобы защитил нас, грешных!

Послышались голоса одобрения.

– Он не дьявол! – громко произнес Дуг, опять поднимая руку, требуя тишины.

– Тогда, что он такое? – повторил Трил. – Что не человек – это точно!

– Да, – согласился Дуг. – Не человек.

Честно признаться, я сам не знаю, что он такое.

– Он убил мою дочь! – послышался чей-то крик.

– Я не знаю, что он из себя представляет, – громко повторил Дуг. – Но я знаю одно: его можно остановить. И мы должны это сделать.

Смит Тегартен, один из тех полицейских, что вместе с Дугом были в ту ночь на скалах, пробрался сквозь толпу и вышел в центр зала. Походка его излучала уверенность, но Дуг уже знал, что это всего лишь привычка, выработанный рефлекс. Ветеран полиции трусил, как все остальные.

– Мы стреляли в этого мерзавца в упор, – заговорил он, остановившись напротив Дуга. – И он не сдох. Он рухнул со скалы и благополучно удалился по своим делам. Каким образом вы предлагаете остановить его?

Дуг глубоко вздохнул.

– Мы заставим его сдохнуть от голода. Мы должны перерезать ему почту.

– Что-что ему отрезать? – послышался веселый юношеский голос. Толпа с готовностью рассмеялась, сбрасывая напряжение. Дуг улыбнулся.

– Мы должны перестать отправлять и получать какую бы то ни было корреспонденцию. Что бы он ни приносил вам – не трогайте, не берите в руки. Пусть все валяется в почтовых ящиках. Почта – единственный источник его силы. Это все, чем он нам реально может

угрожать. – Он вспомнил Билли, Тритию, Ховарда. – Почта – единственное, чем он может достать нас. Именно таким образом он довел город до нынешнего состояния. Это его единственное оружие. Если мы сможем остановить почтовое сообщение, мы остановим и почтальона.

Послышались сомневающиеся голоса. Дуг почувствовал, что его идея оказалась недостаточно убедительной. Именно этого он и боялся.

Предложение выглядело так глупо, что не могло произвести должного впечатления. Дуг увидел, как несколько человек встали и направились к выходу.

– Остановитесь! – властно выкрикнул Майк Трентон. Он быстро прошел по залу и встал рядом с Дугом. – Выслушайте его!

Шум стих.

– Я понимаю, это звучит идиотски, – заговорил Дуг. – Но мы ничего не потеряем от этой попытки. Сотрудник полиции сказал правду. Пуля его не берет. Я вообще сомневаюсь, что его можно убить. Но я наблюдал за ним. Помните, мы праздновали День независимости. Четвертое июля? В тот день почта не работала. На следующий день он выглядел исхудавшим и больным. На этой неделе, явившись после нескольких дней отсутствия, он стал совсем тощим. Он должен доставлять почту, чтобы жить. Именно в этом процессе он черпает свою энергию, или силу, или что там еще ему нужно.

Если мы его изолируем, если все перестанут отправлять и вскрывать приносимые им письма, ему станет нечем питаться. И он умрет.

– Может, не умрет. Может, просто уберется подальше, – произнесла какая-то женщина.

– Ну и прекрасно. По крайней мере, мы от него избавимся.

– А если он потом вернется?

– Тогда мы повторим все снова. Или придумаем что-нибудь другое.

Люди снова заговорили между собой.

– Но мы должны делать это все вместе.

Если хотя бы один человек даст ему письмо, он может выжить. – Дуг почувствовал, что охрип, и проглотил слюну. – Вот послушайте. Он нападал на мою жену и моего сына. Или собирался напасть. Но ему ничего не удалось сделать.

Он не мог к ним прикоснуться. Хотел, пытался, но в конце концов единственное, на что он оказался способен, – попытаться заставить их прочитать его письма. Они отказались. Это все, что у него есть. Это его единственная сила.

На сей раз гул голосов был более громким. В нем зазвучали нотки надежды. Люди хотели верить. Трития, оказавшаяся рядом, крепко сжала ему руку, посмотрела в глаза и улыбнулась.

– Почте – нет! – выкрикнула она и начала торжествующе скандировать:

– Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет!

Этот клич сначала подхватил Майк Трентон, потом к нему присоединились люди из первых рядов, потом Дуг заметил, как двое признанных школьных «крикунов» решили не упускать такой шанс и продемонстрировать свои вокальные данные.

– Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет!

Хор становился громче, и вскоре уже весь зал дружно скандировал:

– Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет!

Никогда раньше Дуг не испытывал такого чувства солидарности, такого духа единства и близости, такого уверенного оптимизма. Впервые он искренне и безусловно поверил в то, что у жителей Виллиса действительно есть шанс остановить этот кошмар. Он улыбнулся Тритии. Она улыбнулась в ответ.

Внезапно свет в спортзале начал мигать.

– Сохраняйте спокойствие! – призвал Дуг. – Никакой паники! – Но голос его потонул в криках толпы и топоте сотен ног.

Спустя мгновение свет погас окончательно.

Но этого, казалось, никто не заметил. Люди города продолжали скандировать:

– Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет!

Дуг проснулся рано утром и выглянул в окно.

За окном была зимняя сказка. Снег, видимо, шел всю ночь. Земля, веранда, деревья и кусты – все было укрыто чистой сверкающей белизной.

Только...

Только воздух остался теплым и влажным, небо облачным, а белое покрывало, опустившееся на землю, выглядело слишком плоским.

Он открыл дверь на заднее крыльцо и огляделся.

Землю покрывал не снег.

Земля была сплошь устлана конвертами.

Дуг стоял в полном ошеломлении. Конверты, лицевой стороной вниз, лежали один к одному, ровными рядами, простираясь от заднего крыльца до сарая и дальше, до полосы кустарников и деревьев. Безумие самой идеи, а кроме того, сознание, что все было сделано за одну ночь, да еще около дома, пока он спал, привели его в ужас.

Слава Богу, Триш ночевала в больнице с Билли. Не хватало еще, чтобы она это увидела.

Дуг с опаской наклонился и поднял ближайший конверт. Письмо было адресовано ему, и отправлено, судя по тексту, его материю. Он поднял следующий. Письмо от отца. Третий – от его тетушки Лорейн.

Складывалось впечатление, что почтальон сознательно расположил письма в определенном порядке. При желании по адресам отправителей можно было, видимо, проследить всю свою родословную.

Дуг выпрямился. Сначала он подумал, что такими коврами покрыт весь город, но тут же обратил внимание, что там, где кончалась территория его участка, листва деревьев сохранила свою природную, натуральную зелень. Сунув ноги в сандалии, он вышел на крыльцо. Бумага хрустела под ногами, но он, не обращая на это внимания, шел вперед, намереваясь выяснить размах деятельности почтальона. Первый же куст, попавшийся на его пути, был полностью скрыт под конвертами, тщательно поставленными один на другой в форме пирамиды.

Дуг осторожно протянул руку, пытаясь понять, каким образом они держатся.

Пирамида рухнула.

Карточный домик. Почтальон без всякого клея и скрепок выстроил из конвертов карточный домик, который скрыл под собой целый куст.

Он дошел до ближайшего дерева и тряхнул его. С веток и кроны посыпался дождь из белых конвертов.

В доме зазвонил телефон. Его резкий, настойчивый звук отчетливо слышался в утренней тишине. Дуг подумал, что это может быть Триш, тем не менее, быстро пошел вперед, мимо кустов и деревьев, все дальше и дальше от дома, втаптывая в землю конверты. Он хотел выяснить, где это кончится.

И совершенно не удивился, обнаружив, что белое покрывало обрывается ровно на границе его участка, что тщательно уложенные один к одному ряды конвертов абсолютно точно соответствуют не правильной форме линий, очерчивающих его владения.

Он вернулся домой, испытывая странное чувство наслаждения от звука хрустящих под ногами конвертов. Телефон все еще звонил, поэтому Дуг поспешил в спальню, плюхнулся на диван и схватил трубку.

– Слушаю!

– Письма! – голосом, грубо пародирующим салонных певцов из Лас-Вегаса, пропел почтальон. – Нам пришли письма!

Дуг бросил трубку на рычаг. Внезапно его прошиб пот. Сердце гулко заколотилось – явно не от быстрой ходьбы. Полежав некоторое время и отдышавшись, он решил позвонить Майку Трентону.

– Пи-и-и-сьма! – послышался в трубке тот же голос.

Почтальон каким-то образом оставался на линии, тем самым лишая его возможности позвонить кому-либо или услышать чей-то звонок.

«Ну и отлично», – подумал Дуг. Губы скривились в решительной усмешке. Почтальон

хочет играть по-крупному? Его это вполне устраивает.

Он выдернул телефонный шнур из розетки.

Первым делом он поедет в больницу, проведает Билли и Триш. Затем – в полицию. А потом – в хозяйственный магазин, за корзинами для мусора.

После чего вернется домой, пройдет метлой по двору и выкинет к чертовой матери всю эту вонючую корреспонденцию.

* * *

Трития сказала, что сегодня она может приехать домой и составить ему компанию, если, конечно, он пожелает. Сказала, что Билли чувствует себя гораздо лучше, хочет побыть один и говорит, что хватит нянчиться с ним, как с младенцем, и стоять над душой круглые сутки.

Но Дуг настоял, чтобы она все-таки не спускала глаз с сына и постарался убедить Триш в необходимости ее присутствия рядом с мальчиком.

На это она возразила, что в таком случае мальчику важно присутствие обоих родителей, но Дуг отговорился уже назначенной встречей с Майком. Им требуется многое обсудить. А она должна оставаться в больнице.

Это оказалось мудрым решением, поскольку на следующее утро вся территория вокруг дома вновь оказалась усеяна почтовой корреспонденцией, хотя белоснежные конверты сменились странным набором бандеролей, плохо перевязанных пакетов и густо заштемпелеванных свертков. Но, как и раньше, они покрывали буквально каждый квадратный дюйм. Причем почтальон разложил свою разношерстную коллекцию в виде гигантской мозаики, так, что коробки, свертки и пачки абсолютно точно соприкасались друг с другом, и между краями не оставалось ни малейшего просвета.

Дуг открыл дверь и вышел на улицу. В ноздри тут же ударила вонь – прогорклая, тухлая вонь гниющей и разлагающейся плоти. Сквозь надорванную упаковку одной из бандеролей он разглядел полусгнившую гроздь винограда. Бандероль была адресована Тритии, очевидно, из ее клуба «Фрукты месяца». Рядом с ней – неопределенной формы сверток, залепленный почтовыми марками. Сквозь бумагу проступали бурые кровавые пятна. Сверток тоже был адресован Тритии.

Дуг оглядывал свои владения с нарастающим чувством ужаса. Очевидно, его план провалился. Весь город, по договоренности, должен был игнорировать почтовую корреспонденцию, не отправлять и не вскрывать письма, и, по сведениям Майка, все строго выполняли это условие. Но у почтальона по-прежнему хватало сил собирать сотни упаковок всевозможной гадости и в течение одной ночи покрывать ими всю территорию вокруг его дома. Как же можно надеяться совладать с существом, которое способно производить операции такого масштаба?

Но, может, в этом и заключается смысл?

Может быть, для этого и устраиваются подобные сцены? Может, почтальон как раз хочет, чтобы они так подумали? Может, почтальон уже напуган, уже сопротивляется из последних сил и бросает в бой главные резервы, бьет, так сказать, изо всех орудий, пытаясь деморализовать неприятеля?

Мелькнула и другая мысль. Возможно, вчерашняя уборка конвертов тоже каким-то образом придала почтальону дополнительные силы.

Не исключено, что любое действие, связанное с почтовой корреспонденцией, даже ее уничтожение, каким-то образом подкармливает почтальона.

Дуг быстро вернулся в дом, оделся, схватил ключи и поехал в город поговорить с Майком Трентоном. Надо, чтобы его сотрудники довели до сведения каждого, что ни в коем случае – что бы ни происходило – не следует даже прикасаться к предметам, приходящим по почте.

Не убирать, не сжигать, не выбрасывать, просто не прикасаться. Пусть их накопятся горы – ни к чему не притрагиваться.

В своих владениях Дуг реализовал эту идею целиком и полностью. Он уехал, оставив все как есть, и провел следующую ночь в больнице.

Вернувшись домой на другой день, он обнаружил, что на участке чисто. Все пакеты и

свертки исчезли. И на их месте ничего не появилось.

Улыбаясь, Дуг подумал, что почтальон совершил тактическую ошибку. Вонюща и боязнь подхватить какую-нибудь заразу от такого количества гниющих фруктов, трупов животных и прочего содержимого этих пакетов рано или поздно вынудили бы его заняться уборкой, что гарантировало бы почтальону получение хотя бы некоторой энергии. Вместо этого почтальону пришлось самому тратить лишние силы на то, чтобы ликвидировать последствия своей деятельности.

Достижение небольшое, но начало положено.

Почтальон испугался. Начал допускать промахи.

Начал отступать.

Оставалось только ждать, когда он исчезнет.

50

Дни были длинными. Ночи – еще длиннее.

Все бытовые удобства оказались отключены на следующий день после исчезновения посылок. И Дуг, и Трития уже страдали от невозможности принять душ. Питались они бутербродами и мясом, которое готовили во дворе, на жаровне, пили теплую коку и пиво. Дни, которые тянулись бесконечно, они проводили на веранде, пытались читать или ездили в больницу навестить Билли. В больнице имелся собственный аварийный генератор и, хотя им не разрешали пользоваться ванной и ночевать в относительном комфорте с кондиционером, который в связи со сложившейся ситуацией работал на половину мощности. Дуг и Трития были очень довольны тем, что их сын находится в хороших условиях и получает необходимый врачебный уход.

Психиатр, приезжавший из Феникса, полдня пообщавшись с новым пациентом, сказал им, что Билли совершенно здоровый и уравновешенный молодой человек и что при должном уходе он полностью восстановится.

По ночам Дугу стали сниться беспокойные сны. Сны, в которых Виллис оказывался городом-призраком, все здания которого выстроены из конвертов. Сны, в которых он видел обнаженную Тритию, оклеенную с ног до головы проштемпелеванными марками. Сны, в которых Билли, одетый в форму почтовой службы, с улыбкой сопровождал почтальона в его дьявольских дежурных обходах.

Бензин в «бронко» подходил к концу, но Дуг все равно ездил в город. Надо было общаться с полицией. Почтальон приезжал каждую ночь, привозил письма, но оставлял их теперь только в почтовом ящике. Дуг уже начал побаиваться, что при отсутствии видимого прогресса кто-нибудь из горожан сломается и невольно вскроет какое-нибудь письмо или, что еще хуже, отправит. Но Майк и Тегартен каждый раз уверяли его, что, по их сведениям, плотина еще стоит. Миновал шестой день.

В целях экономии топлива для генератора в больнице отключили кондиционеры, но легкий ветерок, залетающий в открытые окна палаты Билли, приносил прохладу. Дуг с сыном играли в «Монополию», а Трития наблюдала за ними, потом Трития с Билли играли в поддавки, а Дуг сидел рядом.

«Как все-таки тонка пленка цивилизации», – думал Дуг. Как мало надо, чтобы снова загнать людей в пещеры. Ведь человека от зверя отличает не наличие законов. И не сознание. И не культура. Отличает наличие коммуникаций. Именно коммуникации дают возможность пользоваться всеми прелестями современной жизни, гарантируют существование общества. Разрыв коммуникаций, особенно в наш век, когда само существование зависит от правильной передачи правильной информации, создают у людей чувство потерянности и беспомощности, приводят к отказу от установленных правил поведения, открывают дорогу хаосу.

«Опять потянуло на высокие материи», – одернул себя Дуг. В последнее время это случалось довольно часто, он начал даже рассуждать сам с собой вслух, что весьма беспокоило Тритию.

Она советовала ему поберечь подобные размышления для школьных уроков и не растрчивать себя попусту на таких слушателей, как она.

Школа.

Как далеко она сейчас, как все это странно...

Дуг попытался вспомнить, сколько дней осталось до начала учебного года. Он знал, что каникулы скоро закончатся, но не мог точно сказать, когда.

Он понял, что забыл, какое сегодня число.

Оставив Тритию в больнице, Дуг поехал в полицию узнать последние новости. Проезжая по кольцу "К", он притормозил, увидев почтальона, открывающего почтовый ящик у дежурного магазинчика, обычно работающего допоздна.

Ящик оказался девственно пуст. Почтальон в ярости хлопнул металлической дверцей. «Плоховато выглядит», – подумал Дуг. Джон Смит всегда был худым, но теперь он выглядел просто тощим, почти скелетом. Сквозь прозрачную кожу просвечивали кости. И губы практически не выделялись на бледном лице. Даже яростно-рыжие волосы потускнели.

В сердце шевельнулась надежда. Кажется, план удался. Он оказался прав. Почтальон в состоянии подменивать корреспонденцию, может быть, даже производить ее самостоятельно, но для этого ему нужно иметь другую – поступающую к нему. Дуг усмехнулся. Почту нельзя ни создать, ни уничтожить.

Почтальон действительно выглядел очень слабым. Все, что им остается, – это набраться терпения и ждать, когда его не станет.

Внезапно почтальон резко развернулся и осклабился, на мгновение поймав взгляд Дуга.

Казалось, он прекрасно знал, что за ним наблюдают. Эффект, который производили его великолепные зубы на обтянутом кожей черепе, был ужасен. Просто оживший монстр из комиксов.

Почтальон запустил руку в свою сумку, вытащил пачку писем и начал играть ими, словно картами, приглашая Дуга полюбопытствовать.

Но Дуг вдавил в пол педаль газа и рванул вперед, не оглядываясь. Сердце бешено стучало в груди.

Испуг прошел раньше, чем он подъехал к зданию полиции. Дуг быстрым шагом вошел в участок. Впервые за много дней у него появилась хорошая новость. Рассказав о своей последней встрече с противником, Дуг получил в ответ порцию аплодисментов.

– Почте – нет! – весело воскликнул Майк, и все подхватили:

– Почте – нет! Почте – нет! Почте – нет!

51

Трил Эллисон с сыновьями стоял у окна гостиной и наблюдал, как перед дорожкой, ведущей к дому, остановилась красная машина.

Жена Энни осталась на кухне и смотреть отказалась. Она здорово трусила.

Машина остановилась и из нее вышел почтальон. Выглядел он невероятно тощим – даже на таком расстоянии Трил разглядел костлявые пальцы рук, торчащие из висящей мешком форменной куртки, изможденное бледное лицо.

Трил крепко ухватился за подоконник. Он испытывал страх и одновременно радостное возбуждение, его колотила нервная дрожь. Действительно, сработало! Учитель английского оказался прав. Не имея возможности доставлять почту, Джон Смит начал терять свою силу. Он начал умирать.

Он поймал взгляд почтальона и впервые за долгое время не отвернулся.

Почтальон подошел к деревянному почтовому ящику и открыл дверцу. Изнутри посыпались конверты – белые и желтые, тонкие и пухлые, большие и маленькие – нетронутая корреспонденция, скопившаяся за несколько дней. Почтальон опять посмотрел в сторону дома. Лицо, больше похожее на обтянутый пергаментом череп, исказилось яростью, болью и ненавистью – столь глубокой и нескрываемой, что оба парня в испуге шарахнулись прочь от окна.

Но Трил продолжал наблюдать.

Он видел, как почтальон сердито поднял конверты и запихнул их обратно в ящик. Потом достал из салона новую стопку и отправил ее туда же.

После чего обошел машину, направляясь к водительскому месту, опять посмотрел в сторону дома, пробормотал что-то и умчался прочь, оставив за собой облачко пыли.

Трил подождал некоторое время, желая удостовериться, что почтальон не вернется, обернулся, посмотрел на Энни и сыновей, потом, не говоря ни слова, взял молоток и гвозди и пошел заколачивать почтовый ящик.

* * *

Хант Джеймс зарулил на шестиместную парковочную площадку перед домом, который делил пополам с доктором Эллиотом. Он приехал, чтобы наглухо запечатать щель для почты в двери своего офиса. Он хотел быть уверен, что почтальон не сможет доставить корреспонденцию на служебный адрес. Широким шагом он миновал потрескавшуюся асфальтовую дорожку и остановился на узком тротуаре. Внимание его привлекла табличка в окне кабинета дантиста. Рядом с уже знакомой «Сегодня приема нет» красовалась другая. На белом куске картона большими печатными буквами значилось: «Почту не приносить никогда!».

«Хорошая мысль», – усмехнулся Хант. Достав ключи, он открыл дверь офиса и пошарил рукой по стене в поисках выключателя. Потом решительно направился к столу секретарши, нашел толстый черный фломастер, лист машинописной бумаги и трафарет. Улыбаясь, он начал выводить буквы.

* * *

Почтальон три раза проезжал мимо дома, прежде чем остановиться. Дэвид Адамс только усмехнулся, заметив приближающуюся красную машину. Он еще на рассвете выкорчевал из земли почтовый ящик, яму от столба закопал, а сам ящик оттащил на задворки. После завтрака он собирался распилить столб на дрова, а из самого ящика понаделать щепок.

Почтальон вышел из машины, держа в руке пачку писем, и направился прямо к дому.

Дэвид поспешил захлопнуть сетчатую дверь, запереть на два оборота основную, опустил шторы, но усмехаться при этом не перестал.

Почтальон выглядел совсем неважно. Судя по тому, что он начал развозить письма среди бела дня, дела его были плохи. Похоже, им удалось прижать этого ублюдка как следует.

– Мистер Адамс! – послышался голос и стук в дверь.

Дэвид промолчал.

– Мистер Адамс!

Дэвид и не собирался откликаться.

– Я знаю, что вы дома, – продолжал почтальон. Стук на сей раз был громче, настойчивей. – Мистер Адамс! К сожалению, должен сообщить вам, что вы нарушаете федеральный закон. Поскольку у вас нет почтового ящика ни на улице, ни на двери, а согласно закону каждый житель города обязан иметь либо почтовый ящик, либо щель для приема корреспонденции, вы тем самым создаете помехи для регулярной работы федеральной службы и, таким образом, будете привлечены к ответственности.

Дэвид расплылся в улыбке. Слушая эту абстрактную тираду, он уловил отчаяние в голосе почтальона.

– Я знаю, что вы здесь, – продолжал почтальон. Теперь в его голосе слышалась мука. – У меня есть кое-что интересное. Последнее письмо Дарлы. Письмо от ее возлюбленного. Хорошие новости, мистер Адамс. Очень хорошие!

Дэвид хранил молчание, хотя ему очень хотелось наорать на этого подлеца и дать волю рукам. Он слышал, как почтальон сердито швырнул письма на крыльцо и зашагал прочь.

Спустя некоторое время послышалось урчание двигателя, а потом – затихающий звук удаляющегося автомобиля. Дэвид открыл дверь, раздвинул шторы и с облегчением несколько раз глубоко вздохнул.

Стало ясно, что теперь их победа уже вопрос времени.

Дуг с Майком Трентоном и Тегарденом сидели на скамейке перед магазином Бейлеса. С этой довольно удобной наблюдательной точки открывался хороший вид на деловой центр города. За последний час они несколько раз видели машину почтальона, который гонял туда-сюда по улицам в поисках места, куда можно было бы доставить корреспонденцию.

Но все деловые конторы либо сняли свои почтовые ящики, либо заблокировали щели в дверях, а большинство из них вдобавок вывесили таблички – некоторые исполненные вручную на оборотах всевозможных плакатов, некоторые – распечатанные на домашних компьютерах, другие – просто наклеенные от руки.

ПОЧТУ НЕ ПРИНИМАЕМ.

ОДНО ПИСЬМО МОЖЕТ ИСПОРТИТЬ ВЕСЬ ДЕНЬ.

ТЫ ВСУЧИШЬ ПИСЬМО ТОЛЬКО В РУКУ МОЕГО ХОЛОДНОГО ТРУПА.

ПОЧТА ОПАСНА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ И ЛЮБЫХ ЖИВЫХ ОРГАНИЗМОВ

ПОЧТА – ДЕРЬМО

Поведение почтальона уже напоминало настоящую панику. Он метался по городу – от магазина к магазину, от бензоколонки – к офисам, он носился, не разбирая дороги, в пятый, шестой, седьмой раз проезжая по одной улице.

Он все больше и больше напоминал загнанного оглушенного жука, пытающегося избежать смерти на раскаленных прутьях электрической ловушки для насекомых.

Дуг испытывал нервное возбуждение и чувствовал, что его соседи испытывают то же самое. Но все трое по какой-то непонятной причине предпочитали сохранять маску невозмутимости и незаинтересованности. Они вели себя, как глубокие старики, безмятежно проводящие часы на парковой скамье и время от времени комментирующие сцены, разворачивающиеся перед глазами.

– Похоже, опять в пончиковую направился, – процедил Тегарден.

– Угу, – откликнулся Майк.

В какой-то момент Дуг даже пожалел почтальона. Он очень не любил наблюдать, как кто-нибудь страдает. Но стоило ему вспомнить о Билли и Триш, о Хоби и Стокли, о всех остальных, как жалось испарилась без следа, уступив место суровому чувству удовлетворения.

Почтальон получал по заслугам.

– Пытается просунуть письмо под дверь магазина, – прокомментировал Майк.

– Не выйдет, – констатировал Тегарден.

Почтальон бегом вернулся к своей машине и опять помчался вдоль улицы. В восьмой раз.

53

На девятые сутки блокады почты пошла вода, а после обеда зажглось электричество. К концу следующего дня восстановилась подача газа и заработал телефон.

54

Двое суток почтальона никто не видел, и когда Дуг позвонил в полицию, Майк сообщил, что машина почтальона не трогалась со стоянки перед зданием почты уже пятьдесят два часа.

– Полагаю, нам пора его навестить, – сказал Майк. – Посмотрим, что происходит.

Они поехали все вместе на четырех машинах. Дуг не мог не думать про Тима и Джека.

Когда это все закончится, надо будет заказать мемориальную службу. По всем жертвам почты.

Над иссохшими песьими головами гудели полчища мух. В воздухе стоял удушающий запах разлагающихся обезглавленных трупов. Восемь человек плотной группой подошли к зданию почты. Прямо перед дверью, за перевернутой скамейкой. Дуг увидел то, чего здесь не было раньше.

Голова ребенка.

Нанизанная на столбик перевернутого почтового ящика.

Он переглянулся с Майком, и никто не произнес ни слова. Детская головка, как и собачьи головы, уже успела высохнуть и кишела мухами, Маленькие глазки вытекли.

– Вышибай! – кивнул Майк Тегардену, самому здоровому из полисменов, показывая на стеклянную дверь.

Тегарден с видимым удовольствием исполнил приказание. Осколки стекла со звоном полетели внутрь помещения. Путь был свободен.

В здании почты царил полный мрак. Окна заклеены, свет выключен. Мужчины осторожно двинулись вглубь. Дуг шел первым. В тишине гулко звучали шаги.

– Куда ты подевался, черт тебя подери! – заорал Дуг.

Ответа не последовало. Они продолжали медленно обследовать помещение. Тут был настоящий хаос. Высокий металлический стол, который когда-то стоял у стены, лежал вверх ногами, на полу валялись клочья бумаги, коробки, детали мебели. Стойку для посетителей украшала тушка крысы с отгрызенной головой.

Рядом белели кости покрупнее, наверное, собачьи, из них почтальон сложил изысканный геометрический узор. И всю поверхность стойки покрывала засохшая кровь.

Дуг медленно обошел вокруг. Здание почты казалось пустым, вымершим, но он все равно страшно нервничал и буквально на цыпочках подкрался к двери, ведущей в служебное помещение.

Изнутри слышался долгий низкий стон.

И испуганное всхлипывание.

Дуг застыл, сердце заколотилось как бешеное. Оглянувшись, он увидел страх на лицах полицейских. Звук слышали все, и никто не знал, что делать дальше. Только на Майка, кажется, это не произвело особого впечатления. Он попробовал оттеснить Дуга и возглавить штурм комнаты, но Дуг не пустил его. Он боялся, тем не менее, не мог позволить молодому человеку сделать то, что, по его глубокому убеждению, должен был сделать сам.

– Нет, – коротко произнес Дуг.

Майк с удивлением воззрился на него.

– Я пойду один.

Майк отрицательно покачал головой, спуская пистолет с предохранителя.

– Это слишком опасно.

– Это не опасно. Уже не опасно. – И, посмотрев в глаза молодому полицейскому. Дуг добавил:

– У меня с ним личные счеты.

Майк некоторое время подумал, изучающе глядя ему в глаза, потом кивнул, изображая то ли согласие, то ли понимание.

– Хорошо, – сказал он. – Но возьмите с собой вот это. – Он протянул пистолет. – Знаете, как с ним обращаться?

– Не очень, – усмехнулся Дуг. – Но это не имеет значения. Все равно не поможет. Сам знаешь.

– Все же возьмите. На всякий случай.

Из соседней комнаты снова донесся не то стон, не то плач... По-видимому, кто-то очень страдал от боли.

– Это уже... – начал Майк, но Дуг опять придержал его за руку.

– Я пойду один.

Полисмен остановился и опять уставился на него. Дуг выдержал взгляд, принял из руки Майка пистолет и повторил:

– Я сам. Все в порядке.

– Ладно, – медленно кивнул Майк. – Но мы будем здесь, если что. – Слова прозвучали убедительно, тон – отнюдь. – Если услышу что-нибудь подозрительное, появлюсь немедленно.

– Согласен.

Дуг сделал пару шагов вперед и оказался в служебной комнате.

В логове почтальона.

Он уставился на Дуга из-за баррикады. Точнее, оно уставилось. Потому что почтальон почти утратил человеческий облик. Тело усохло, стало костлявым, изломанным, похожим на

скелет гигантского насекомого. Грива когда-то кроваво-рыжих волос посветлела, стала бледно розовой и торчала во все стороны грязными свалявшимися космами. На лице с провалившимися глазницами и запавшими щеками выделялись огромные ярко-белые острые зубы.

Вокруг в хаотическом беспорядке были навалены полки, доски, инструменты, банки, мешки и прочая почтовая дребедень.

Сзади хлопнула дверь.

Почтальон рассмеялся хриплым, угрожающим смехом, и Дугом моментально овладел прямо-таки животный страх. Воздух был странно тяжелым. В нем что-то витало и потрескивало, словно в атмосфере, заряженной электричеством.

Из-за тусклого освещения, Дуг не сразу заметил, что они с почтальоном в этой комнате не одни. В дальнем углу, у стены, почти скрытая тенью перевернутого стола, скрючилась неподвижная фигура с всклокоченными волосами.

Она жалобно скулила. Дуг подошел ближе, стараясь разглядеть лицо.

Жизель Бреннан.

У него перехватило дыхание. Жизель словно мумия была укутана оберточной бумагой. Одна рука, торчащая из бумаги, вывернулась под совершенно неестественным углом, явно сломанная. Она была обмотана оранжево-синими фирменными конвертами «Экспресс-почты» и притянута к туловищу резиновыми бинтами.

Сквозь обертку в нескольких местах сочилась кровь и засыхала, оставляя черные потеки.

Лицо Жизель, щеки, подбородок и шея были заклеены узенькими бумажными полосками. Полоски образовывали бесчисленное количество геометрических узоров – квадратов, прямоугольников, параллелограммов. Тончайшими Волосками были заклеены и ее губы – это создавало впечатление, что они зашиты суровыми белыми нитками. Одно ухо оторвано.

– Жизель! – произнес Дуг, шагнув вперед.

Девушка застонала.

Приглядевшись, он заметил на белой коже ее лба несколько волнистых черных линий, отходящих от чернильного круга с какими-то буквами.

Знак погашения.

А под самыми волосами – ровная полоска марок, тоже со штемпелями.

– Что это? – обернулся он к почтальону. – В чем дело? Какого черта вы с ней сделали?

Почтальон снова рассмеялся низким, скрипучим смехом, напомнившим Дугу скрип ногтей по классной доске.

– Почтовый несчастный случай. – Тихий скрипучий шепот был едва различим.

– Скотина, – выдохнул Дуг. Внезапно он понял, что сделал почтальон. Он превратил девушку в посылку. В несчастную посылку, которую предстоит отправить.

Тварь закашлялась и проскрипела:

– Почтовая служба не может нести ответственность за повреждения, полученные в результате доставки почтовых отправок. Если бы она пострадала во время работы, она бы подпадала под действие федерального закона охраны труда. Но она работник-почасовик и получила травму во время инцидента, не связанного с исполнением служебных обязанностей.

Я оказал ей помощь, какую мог. Я перевязал ей раны. Больше я ничего не могу сделать. Так что теперь дело за вами. – В булавочных глазках сверкнул голодный огонек. – Если вы немедленно не доставите ее в больницу, она умрет.

Может быть, и сейчас уже слишком поздно.

В следующий момент девушка простонала:

– Спасите!

Дуг стоял, не зная, что предпринять. Секунды тянулись бесконечно долго. Ему казалось, что он даже слышит, как они тикают, одна за другой. В комнате теперь стояла гробовая тишина. Он обратил внимание, что и в почтовом зале тоже было совершенно тихо. Как и на улице. Ни малейшего звука. Казалось, весь мир затаил дыхание, ожидая его решения.

– Помогите! – умоляюще прошептала Жизель. Голос был слабее стога. Из потрескавшихся губ на подбородок потекла струйка крови.

– Она умрет, если вы не спасете ее, – пробормотал почтальон.

Нет, это не то решение, которое можно принимать не раздумывая. Не тот вопрос, на который можно ответить с бухты-барахты, причем результат значения не имеет. Здесь как раз результат очень важен, и оба предложенных варианта могут оказаться ложными. Дуг глубоко вздохнул. Если бы он был врачом, он бы сразу определил, можно ли помочь Жизель, или смерть все равно неизбежна, он мог бы принять решение, опираясь на знания и опыт. Но в этом он ничего не смыслил.

Необходимо время, чтобы разобраться. Необходимо время, чтобы все взвесить, проанализировать, изучить ситуацию.

Но времени не было.

– Мистер Элбин, – свистящим шепотом напомнил почтальон.

– Помогите, – простонала Жизель.

Дуг зажмурился. Вся его сущность, все, что называется чувством, душой, все что делает человека человеком, приказывали ему немедленно схватить девушку и везти ее в больницу. Но упрямое подсознание говорило, что этого делать не следует. Если он окажет помощь Жизель, все пропало. Почтальон явно при смерти.

Очевидно, это его последняя уловка, последняя попытка повернуть ситуацию. Если Дуг примет «посылку», то обеспечит его достаточным количеством энергии, чтобы продолжить схватку. Если энергия почтового отправления пропорциональна его весу и ценности, то Жизель эквивалентна сотням, если не тысячам чеков и писем.

– Спасите меня!

Он не мог позволить ей умереть. Девушка все равно, видимо, не выживет но он не мог взять на себя ответственность за ее гибель. Конечно, это означает пустить псу под хвост все усилия, предпринятые им самим и жителями города, позволить ожить самому почтальону подтвердить его право убивать людей чужими руками.

Но безучастно наблюдать, как умирает человек, он не может.

Дуг шагнул вперед, но в следующий момент заметил, как скелетоподобная рука почтальона совершила в воздухе какое-то движение. Он обернулся.

По щеке Жизель покатилась крупная слеза.

Бумажные полоски разделили ее на несколько маленьких ручейков.

– Мистер Элбин, – всхлипнула девушка.

Искривленные губы почтальона беззвучно шевельнулись.

– Не дайте мне умереть, – взмолилась Жизель.

Дуг обратил внимание, что ее голос звучит как-то странно – более ритмично, менее естественно. В нем было нечто неуловимо формальное.

Он переводил взгляд с Жизель на почтальона и обратно.

Почтальон повернул голову вправо.

Голова Жизель повернулась вправо.

Дуг стоял неподвижно, не зная, что предпринять.

– Вы единственный человек, кто может помочь мне, – затухающим голосом прошептала Жизель.

Дуг напрягся. «Единственный человек, кто может помочь мне».

Кто.

Жизель сказала бы «который».

Она уже умерла. Она была трупом раньше, чем он переступил порог этой комнаты. Он пристально посмотрел на девушку, обратил внимание на странноватый стеклянный блеск ее глаз, на не правдоподобно крупные слезы, скатывающиеся по шершавой щеке. Она уже умерла. Возможно, сегодня, не исключено, что вчера или даже позавчера, и почтальон сохранил ее как наживку, зная, что Дуг рано или поздно придет сюда, и не сомневаясь, что в силу своего характера он не даст ей погибнуть. Почтальон использовал Жизель как куклу, он способен манипулировать скупыми движениями ее лица, способен использовать ее голос, чтобы произносить нужные слова и выражения, способен придать ей вид живого человека. Очевидно, он потратил на это все оставшиеся у него силы.

– Неплохо придумал, – холодно обронил Дуг.

Почтальон моментально встрепенулся. Их взгляды пересеклись. Но на этот раз Дуг не

стал отворачиваться. Он смотрел пристально, не мигая. Почтальон тоже не отводил глаза, но было видно, что это дается ему с громадным трудом. Силы покидали его. Он проиграл, и сам знал, что проиграл, и понимал, что Дуг знает, что он проиграл.

– Тебе конец, – произнес Дуг.

Почтальон зашипел. В то же мгновение тело Жизель прогнулось и медленно стало валиться на пол, как кукла. Послышался треск рвущейся бумаги. С пола, словно подхваченные дьявольским вихрем, взметнулись тучи конвертов, открыток, счетов... Дуг уже решил, что вся эта почта ринется на него в атаку, но разноцветные бумажки только беспомощно кружились в воздухе.

У почтальона не было сил управлять даже такой мелочью.

– Все кончено, – громко произнес Дуг.

Дверь распахнулась, в комнату гурьбой ввалились Майк, Тегарден и остальные.

– Мы не имеем права... – начал было Майк, но, увидев кружащиеся письма и распростертое тело Жизель, охнул и замолчал.

Тегарден вскинул револьвер и выстрелил в почтальона. Пуля прошла насквозь, практически не оставив следа. Почтальон хрипло рассмеялся. Этот смех должен был вызвать у всех мурашки, но на сей раз он пропал даром.

Дуг внезапно вспомнил, что и сам держит в руках пистолет.

Почтальон выловил из воздуха летающий конверт. Со стороны казалось, что живой скелет внезапно зашевелился и выбросил вперед костлявую руку. Череп ослабился, напоминая улыбку – Это вам, – хрипло выдавил он, глядя на Тегардена.

Полисмен с отвращением тряхнул головой.

Улыбка почтальона растаяла.

– Пошли отсюда, – предложил Дуг. Голос прозвучал спокойно, уверенно. – Вернемся денька через два. – Пистолет он вернул Майку.

Майк перевел взгляд на почтальона, потом обратно на Дуга, пытаясь сообразить, что к чему. Потом молча кивнул и дал знак остальным освободить помещение.

– Нет! – отчаянно выкрикнул почтальон.

Не обращая на него внимания, они выбрались из здания почты, перешагнули через разбитую дверь и оказались на свежем воздухе.

55

Дуг проснулся сразу и окончательно. Сон, который ему снился, испарился бесследно, не оставив и тени воспоминаний. Сначала ему показалось, что он проснулся от какого-то постороннего звука – телефонного звонка, стука в дверь, падения какого-то предмета, – но все вокруг было тихо, только неизменные цикады нарушали мирный ночной покой.

Он посмотрел на часы. Синие цифры ярко светились во мраке. Три. Три часа ночи. Темный час души. Где-то он вычитал это выражение – «темный час души». Считается, что в три часа ночи человеческий организм очень близко подходит к состоянию смерти – все его функции достигают самого низкого уровня.

Так почему же он чувствует себя настолько проснувшимся, настолько настороженным, настолько обеспокоенным?

Внезапно стрекот цикад прекратился. В наступившей тишине он услышал низкую басовитую вибрацию, едва уловимое колебание воздуха, которое напоминало что-то до боли знакомое, но Дуг никак не мог сообразить, что именно. Звук становился все громче, он приближался, и наконец стало ясно, что это – шум автомобильного двигателя.

Двигателя автомобиля почтальона.

Невероятно. Вчера почтальон едва шевелился, с трудом мог стоять, и уж ни в коей степени не сумел бы вести машину. Даже если ему с тех пор удалось преуспеть в доставке нескольких писем, столь неожиданное и резкое восстановление просто невозможно.

Но это был звук его машины. Дуг даже не сомневался. В ночной тишине громко хрустнул гравий, когда машина подкатила к обочине рядом с дорожкой, ведущей к дому и остановилась.

Низкое урчание.

Звук не пугал, но настойчиво требовал внимания. Дуг непроизвольно следил за его приближением.

Урчание.

Настороженность, с которой он проснулся, прошла. Ему даже хотелось встать, пройти в гостиную и выглянуть в окно, но либо мозг слишком устал, чтобы отдать указание ногам, либо мышцы ног слишком устали, чтобы повиноваться мозгу, во всяком случае, он остался в кровати, продолжая прислушиваться к урчанию.

Урчание.

Дуг чувствовал, что этот одинокий ровный звук, начинает действовать как снотворное.

Равномерный ритм гипнотизировал, и не было сил ему сопротивляться. Газа закрылись сами собой, голова потяжелела, и Дуг провалился в сон, продолжая слышать негромкий звук автомобильного двигателя.

* * *

Проснувшись, Дуг понял, что почтальон исчез. Ему не требовалось никаких подтверждений, он просто знал это, чувствуя какое-то неуловимое изменение окружающей атмосферы.

Объяснить это он бы не смог. Но ощущение кошмара, к которому он привык за долгие месяцы, с которым просыпался каждое утро и которое прочно вписалось в повседневную жизнь, – этого ощущения больше не было.

Он снял телефонную трубку и набрал номер Майка. Полисмен ответил немедленно.

– Отделение полиции Виллиса, Майк Трентон слушает.

– Майк? Это Дуг.

– Он исчез.

Дуг помолчал, прикрыв глаза и испытывая невероятное облегчение. Подтвердилось. Он исчез.

– Я не сомневался.

– Сегодня утром я проезжал мимо почты, – продолжал Майк, – и обратил внимание, что его машины нет. Потом мы вернулись с Тегарденом и Джеффом – проверить. Стоянка пуста. Может, он еще вернется, хотя...

– Нет, – уверенно перебил его Дуг.

– Но мы не знаем...

– Не вернется.

– Может, вы и правы, – медленно произнес Майк. – Сегодня утром мы получили сообщение от дорожной инспекции. На дороге в Камп Верде, в Черном каньоне, произошла автомобильная авария. Пострадала одна машина. Подробностей нет, но скорее всего это он. Водитель и автомобиль так обгорели, что опознать практически невозможно. Но скоро поступят дополнительные сведения. Даже если нам не удастся найти остатки зубов, исследование машины покажет, его ли это модель. Отсюда тогда и будем исходить. Во всяком случае, через несколько дней все выяснится.

– Не имеет значения, – сказал Дуг.

– Не имеет значения? Вас, что, это не интересует?

– Он исчез. Неужели не чувствуешь? Мы заставили его это сделать, он совершил, что хотел, разбился в машине или еще что. Но он исчез. Его здесь нет. И он никогда не вернется.

– Надеюсь, вы правы.

– Я прав.

– Подождите минутку. – В трубке послышались приглушенные голоса: Майк явно прикрыл микрофон ладонью. – Алло, вы слушаете?

– Слушаю.

– Только что передали записку от Джеффа.

На этой неделе приезжает инспектор почтового ведомства.

– Несколько поздноват, – хмыкнул Дуг.

– Да, самую малость, – рассмеялся Майк.

Некоторое время они молчали. Впервые за пару месяцев Дуг сообразил, что им с Майком не о чем говорить.

– Ну ладно, я отпускаю тебя, – шутливо произнес он. – Загляну попозже. Еще поговорим.

– Хорошо.

– Все кончено, Майк.

– Я вам верю.

– Теперь-то ты мне поверил, – хохотнул Дуг.

– Да ладно вам.

– Все, пока. – Дуг положил трубку.

«Чего же добивался этот почтальон, – думал Дуг, – и добился ли он того, что хотел?» Он прибыл в Виллис два месяца назад и превратил город в руины. В этом была его цель? Или в чем-то другом? Может, им удалось остановить его раньше, чем он успел завершить задуманное?

А может, у него действительно не было никаких мотивов.

Он вспомнил фразу Уильяма Фолкнера из заявления об увольнении из почтовой конторы:

«Будь я проклят, если и далее собираюсь быть на побегушках у каждого мерзавца, имеющего пару центов на покупку почтовой марки».

Может, мотив почтальона был не сложнее этого.

Да, им никогда не узнать, чего добивался почтальон, не узнать, добился он своей цели или нет.

Впрочем, какое это имеет значение?

Никакого значения это не имеет.

Все завершилось. Все кончено.

* * *

Ближе к середине дня они с Триш привезли домой Билли. Пока Триш готовила сыну постель на диване. Дуг включил телевизор. Впервые за последние две недели дом не казался ему осажденной крепостью, временным укрытием, где можно только поспать. Дом снова превратился в дом.

Трития налила стакан «Севен-ап» и отнесла сыну.

– Пап! – крикнул с дивана Билли.

– Да?

– Все кончилось, правда?

– Да, – кивнул он. – Окончательно.

– Окончательно, – с чувством глубокого облегчения повторил Билли и откинулся на подушки.

Триш отправилась на кухню готовить их любимый ленч – макароны с сыром и резаными сосисками. Это было менее питательно, чем семена хлопчатника, но сегодня – особый случай, и сын заслуживал особого ленча.

Дуг переключил телевизор на пятый канал, чтобы Билли мог посмотреть своего любимого «Дика ван Дайка», и сам посмотрел с ним несколько минут. Во время рекламной паузы, повинувшись внезапному импульсу, он вышел на веранду. Постоял там некоторое время, потом спустился вниз и пошел к почтовому ящику.

Стоял прекрасный августовский день. Воздух был жарким, но довольно приятным. Между ветвей деревьев весело скакали голубые сойки.

Над головой сияло безоблачное голубое небо.

Дул легкий ветерок, недостаточно сильный, чтобы побеспокоить кого бы то ни было, но вполне достаточный, чтобы освежить лицо.

Дойдя до ящика, Дуг остановился. Дверца была открыта. Дуг заглянул внутрь.

Внутри лежали три обуглившихся до черноты конверта.

Он вспомнил о подъезжавшей ночью машине и спиной ощутил подзабытый уже холодок.

Протянув руку, он вынул конверты. Толстая, скользковатая бумага явно была сделана из какого-то органического материала. Содержимое казалось странно тяжелым, непонятной

формы.

Дуг окатила волна отвращения. Он почувствовал горячее желание немедленно избавиться от этих посланий, втоптать их в грязь. Не заглядывая внутрь, он уже понял: что бы там ни было, это – зло.

Он начал изучать конверты. На лицевой стороне старинными английскими буквами красного цвета были выписаны имена Билли, Тритии и его собственное.

В адресованном ему конверте что-то корчилось.

Дуг уронил все три письма на землю и инстинктивно отскочил в сторону. Он уже был готов со всего маху прыгнуть и раздавить эту гадость, когда в голову пришла более интересная мысль. Дуг бегом кинулся к машине, открыл дверцу со стороны водителя и распахнул «бардачок». Фонарь, инструменты, ветошь, дорожные карты... Наконец он нашел, что искал.

Спичечный коробок.

Так же, бегом, он вернулся к валяющимся на земле конвертам, осторожно сложил их стопкой и чиркнул спичкой. Та мгновенно погасла. Он повторил попытку, на этот раз прикрыв робкий язычок пламени ладонями. Спичка разгорелась. Присев на корточки. Дуг поднес пламя к верхнему конверту.

Конверт занялся странным, разноцветным пламенем – с оттенками синего и красного.

Пламя принялось лизать толстую скользкую бумагу. Дуг подумал, что еще немного, и он сможет посмотреть, что лежит внутри, но в последний момент отказался от этой мысли.

Внутренний голос подсказывал, что это не то знание, которое ему нужно.

Конверты горели жарким, гудящим пламенем, а когда огонь закончил свою работу, на месте костерка осталась лишь маленькая горстка легкого пепла. Дуг пнул ее ногой. Ветерок подхватил серо-черные хлопья и понес вдоль шоссе. Постепенно они рассеялись по обочинам.

Некоторое время Дуг разглядывал место, где только что лежали письма. Потом бросил взгляд на почтовый ящик и понял, что впервые за это лето смотрит на него без страха.

Он стал свободен.

Город стал свободен.

Почтальон исчез.

Дуг глубоко вздохнул. На веранде его ждал ленч. Оттуда уже доносился запах сосисок, сыра и макарон. В доме звенели жизнерадостные голоса Билли и Триш, в телевизоре раздавался искусственный, записанный на пленку смех.

Широко улыбаясь и чувствуя себя удивительно счастливо. Дуг закрыл дверцу почтового ящика и двинулся по направлению к дому.